

**«...И ДРУЖБА СОХРАНИТ НЕМНОГИЕ ЛИСТКИ»
(ПИСЬМА ИГУМЕНА АНТОНИЯ (БОЧКОВА)
К МОНАХИНЕ МАРИИ (ШАХОВОЙ))**

Ч. I
1862—1864 гг.

*(Публикация Е. М. Аксененко)**

«...весьма трудно поэзию заманивать в монашескую келью. Она — эта увенчанная лаврами, дубовыми венками, розами и миртами полная женщина, как Флора Фарнезская или как Нимфа Кановы, летучая, легкая — перейдя в наши обиталища, озирается, совестится, стыдится своей греческой или итальянской одежды, и редко может *от сердца* сыграть что-либо на гусях наших после своей лиры или арфы, и, накидывая на себя черную волосяную одежду, глядит странно на раскинутые пред нею монашеские ноты и темы. „Grand Dieu! что это такое? ужас! Посмотрим, попробуем... Да, есть недурные мотивы... но все что-то сухо, сдержанно; а это?.. слишком небесно, неуловимо; нельзя обнять его никакими звуками!..“»

Письмо не ранее 25 мая 1864 г.

Предлагаемые вниманию читателей 35 писем иг. Антония, в миру Алексея Поликарповича Бочкова (1803—1872), начинают публикацию

* Церковный комментарий подготовлен при участии иеродьякона Черемнецкого монастыря Антония (Козина). Автор приносит глубокую благодарность за помощь, оказанную в подготовке публикации, ст. науч. сотр. РГИА Н. С. Крылову, иеромонаху Черемнецкого монастыря о. Александру (Пахомову), о. Александру (Берташу).

материалов из архива мон. Марии, известной в конце 1830—1840-х гг. поэтессы Елизаветы Никитичны Шаховой. Бережно сохраненные ею письма, стихи и рисунки иг. Антония поступили в Пушкинский Дом в первые годы его существования и вошли в состав фонда монахини-поэта.¹

Современники, передавшие нам воспоминания об А. П. Бочкове в немногочисленных мемуарных и биографических заметках, прежде всего отмечали благодатное влияние этой яркой и незаурядной личности.² Самое раннее воспоминание оставил А. А. Ивановский, редактор и издатель альманаха «Альбом северных муз», знакомый А. А. Бестужева, А. С. Грибоедова, А. О. Корниловича. Описывая свою встречу с А. С. Пушкиным в 1828 г., автор вставил в рассказ достаточно подробную биографическую справку еще об одном участнике встречи, своем приятеле, «во всех отношениях примечательном молодом человеке».³ А. А. Ивановский дал следующую характеристику личности начинающего литератора, имя которого он скрыл под прозрачным криптонимом «А. П. Б.» (А. П. Бочков): «Лучшая образованность и все возможные таланты: музыка, живопись, глубокий и многосторонний взгляд, увлекательный дар слова, редкая способность легко владеть возвышенным пером и в прозе, и в стихах; добрая, строгочестная и высокая душа, лучший друг и родной, прекрасная наружность,

¹ Иг. Антоний (Бочков). Письма (100) к разным лицам (РО ИРЛИ, инв. № 3589, 183 л.); Стихотворения (35) (РО ИРЛИ, инв. № 3577, 102 л.); Рисунки (8) (РО ИРЛИ, инв. № 3582, 6 л.).

Об истории поступления архива мон. Марии (Шаховой) в Пушкинский Дом см.: Автобиографический очерк писательницы Елизаветы Шаховой — монахини Марии (1822—1899) / Публ. Е. М. Аксененко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 345. Личный фонд Е. Н. Шаховой в РО ИРЛИ зарегистрирован под инвентарными номерами: № 3558—3602.

Помимо Рукописного собрания Пушкинского Дома значительная часть личного архива иг. Антония находится в Российском государственном историческом архиве: РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 13.

² Наиболее полный список литературы и архивных источников об А. П. Бочкове см.: *Рейтблат А. И.* Бочков Алексей Поликарпович (в монашестве Антоний) // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 1—5. М., 1989—2008. Т. 1. С. 322—323 (далее: «Русские писатели», с указанием тома и страниц); *Исаков С. Г.* 1) Забытый литератор А. П. Бочков и его связи с Оптиной пустыней // Оптина пустынь. Монастырь и русская культура. М., 1993. С. 237—269; 2) Алексей Поликарпович Бочков: Биографический очерк // Полное собрание творений святителя Игнатия (Брянчанинова): В 8 т. М., 2001—2007. Т. 4. С. 565—596 (далее: «Полное собрание творений...», с указанием тома и страниц).

³ *Ивановский А. А.* Александр Сергеевич Пушкин 21-го и 23-го апр. 1828 г. // Русская старина. 1874. № 2. С. 395—396. Подготовленная в 1846 г. для «Северной пчелы» заметка не была допущена к печати цензурой и увидела свет уже после смерти А. П. Бочкова.

умное, кроткое и привлекательное выражение глаз и лица: изящный тон и манеры и вместе всегда щегольская одежда, радушное гостеприимство, независимое состояние — все, все так щедро было соединено в нем природою и фортуною».⁴

Тем же восхищением проникнуто и одно из самых поздних воспоминаний мемуариста, поэта, историка и библиофила Д. Д. Благово, познакомившегося с Бочковым в последний год его жизни, в то время, когда он уже более четверти века носил монашеское имя Антоний. Мемуарист поделился своими впечатлениями о «величественно-смирненном и младенчественно-прекрасном старце» в предисловии к публикации единственной увидевшей свет книги путевых заметок иг. Антония «Русские поклонники в Иерусалиме»: «Не правда ли, что это голова чисто *античной красоты*, как говорят художники, и могла бы служить *типом* для изображения Апостола? Вглядитесь в это высокое чело: сколько величия, спокойствия и богомыслия прочтаете Вы на нем! Какая глубина и кротость во взгляде! Как прекрасен профиль! Как в целом все черты одна другой соответственны! Весьма немного, редко случается, встречать такие *идеально-прекрасные* и *художественно-правильные* старческие обличия! <...> Внимая его рассказу, кажется, как бы сам присутствуешь при том, видишь своими глазами, слышишь своими ушами, идешь с ним же и его спутниками. Такова-то сила простоты сердца, духа и слова!...».⁶

Дополнением к портрету молодого Алексея Бочкова как начинающего писателя служат пять его писем А. А. Ивановскому 1826—1827 гг., в которых Бочков не только показывает превосходное знание тогдашней русской словесности, но и предстает ее тонким и умным интерпретатором.⁷ Показательно его признание в ноябрьском письме 1826 г.: «...я же люблю до смерти писать, потому что на бумаге могу изъясняться вернее и с меньшим легкомыслием, нежели на словах».⁸

В 1822 или 1823 г. Бочков женился на дочери известного петербургского сахарозаводчика П. И. Пономарева, Анне Прокопьевне (1805—1827). Родственные связи способствовали тому, что живо интересовав-

⁴ Там же. С. 395.

⁵ Оpubл. посмертно: Русские поклонники в Иерусалиме. Сочинение игумена Черемнецкого монастыря Антония // ЧОИДР. 1874. Кн. 4. II. Материалы отечественные. М., 1875. I—IX, 1—99. Отд. изд.: Русские поклонники в Иерусалиме. М., 1875.

⁶ Благово Д. Д. Вместо предисловия // Русские поклонники в Иерусалиме. М., 1875. С. I—II.

⁷ Четыре письма опубл. в сообщении В. Е. Якушкина «К литературной и общественной истории. 1820—1830» (Русская старина. 1889. Т. 63. Июль. С. 113—125) и одно — в «Литературном наследстве» (М., 1952. Т. 58. С. 53—57).

⁸ Русская старина. 1889. Т. 63. Июль. С. 115—116.

шийся словесностью молодой человек вошел в круг столичных литераторов, близких к А. Е. Измайлову, издателю журнала «Благонамеренный» (А. Е. Измайлов входил в кружок С. Д. Пономаревой).⁹ Первые прозаические опыты Бочкова 1820-х гг. посвящены популярной в русской литературе этого времени ливонской теме и носят на себе следы увлеченности автора произведениями А. А. Бестужева-Марлинского. Это романтические повести «Монастырь св. Бригитты» и «Красный яхонт», опубликованные под криптонимом «Л. С.» в альманахе А. Е. Измайлова и П. Л. Яковлева,¹⁰ путевые очерки «Письма из Ревеля»,¹¹ напечатанные анонимно. Эти произведения и принесли Бочкову известность в литературных кругах.¹²

Но счастливо начинавшийся литературный путь А. П. Бочкова прервала болезнь и ранняя смерть жены. Овдовев в 24 года, он перенес тяжелую душевную болезнь и после нескольких лет духовных поисков, оставив малолетнего сына на попечение тестя, решает удалиться в монастырь. Однако его представления об истинном монашестве находились в явном противоречии с реальной практикой тогдашней монастырской жизни в России. Современник Бочкова писал об этом периоде его жизни: «Долго присматривался он к монашеской жизни и к монастырскому строю, живя то в той, то в другой обители, но никуда еще не вступая, а пребывая везде как гость и богомolec. Он искренно любил монашество и составил себе о нем понятие по сказанию древних подвижников, а потому и не находил нигде осуществления созданного его мыслию первообраза».¹³

Окончательно вступить на монастырскую стезю Бочков решает в 1837 г., когда попадает в Троице-Сергиеву пустынь близ Петергофа, где наместником в то время был архимандрит (позже епископ) Игнатий (Брянчанинов).¹⁴ Именно здесь он стал послушником, а архиман-

⁹ Подробнее об этом см.: Вацуро В. Э. Из истории литературного быта Пушкинской поры. М., 1989.

¹⁰ Л. С. 1) Монастырь св. Бригитты (Отрывок из путешествия по Эстляндии) // Календарь муз на 1827-й год. СПб., 1827. С. 124—165; 2) Красный яхонт // Там же. С. 166—205.

¹¹ ... Письма из Ревеля // Благонамеренный. 1826. Ч. 32. С. 25—44, 99—106. См. также: «Екатеринентальский сад и церковь св. Николая в Ревеле» // Календарь муз на 1826 год. СПб., 1826. С. 60—75.

¹² Исаков С. Г. О ливонской теме в русской литературе 1820—1830-х годов // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1960. Вып. 98. С. 158—170.

¹³ Благово Д. Д. Вместо предисловия // Русские поклонники в Иерусалиме. М., 1875. С. III.

¹⁴ Игнатий (Брянчанинов) (1807—1867), еп. Кавказский, память 30 апр./13 мая. См. о нем: Библиография трудов святителя Игнатия и литературы о нем (за 1847—2001 гг.) / Сост. Т. Н. Семенова // Полное собрание творений... Т. 4. С. 644—776; Здравомыслов К. Игнатий // Православная Богословская энциклопедия. СПб., 1904. Т. 5. С. 797—799.

дрита Игнатия до конца жизни считал своим «первым наставником в монашеской жизни».¹⁵

Монашеский путь о. Антония складывался непросто: он проходил послушания во многих монастырях, в том числе Оптиной пустыни, совершал паломничества в Палестину, на Святую Землю, был на Валааме, несколько раз посещал Афон. Все время своего иноческого жития он пытался отыскать обитель, соответствующую своим представлениям об «идеальном» укладе монашеской жизни. Поиски эти не прекратились и после того, как в конце 1844 г. Бочков был пострижен преосвященным Гедеоном¹⁶ в монахи с наречением ему имени Антоний,¹⁷ вскоре после этого стал иеродиакonomом и сразу же вслед за тем иеромонахом. «В настоящем положении я желал бы оставаться в виде наблюдателя скорее, нежели деятеля, — писал иг. Антоний о себе свт. Игнатию в 1861 г. — но, к сожалению, в 24 года не нашел нигде твердой точки для наблюдения».¹⁸

С 1859 г. о. Антония назначают настоятелем Введенского Островского монастыря Новолadoжского уезда С.-Петербургской губернии на реке Ояти, а в 1861 г. возводят в сан игумена. В 1862 г. о. Антония переводят настоятелем в заштатный Черемнецкий Иоанно-Богословский монастырь Лужского уезда С.-Петербургской губернии, в котором он провел без малого 10 лет — наиболее продолжительное время, по сравнению с пребыванием в других монастырях. Здесь о. Антоний служил до начала 1868 г. и еще три года, до апреля 1871-го, жил «на покое». Именно к этому — черемнецкому — периоду жизни иг. Антония относится сближение его с духовной дочерью архимандрита Игнатия (Брянчанинова) — послушницей Елизаветой (Шаховой). Ко времени вступления о. Антония в настоятельскую должность Игнатий уже был возведен в сан епископа и находился на покое в Николо-Бабаевском монастыре недалеко от Ярославля.¹⁹ Навсегда покидая С.-Петербургскую епархию, святитель Игнатий поручает о. Антонию духовное руководство Елизаветой.

Несмотря на разницу в возрасте, их сблизило не только духовное родство, но и поэтическое сотворчество, которое раскрывается прежде всего из писем иг. Антония. При всех различиях начала жизненного

¹⁵ Переписка святителя Игнатия с игуменом Антонием (Бочковым). (1843—1867) // Полное собрание творений... Т. 4. С. 529.

¹⁶ Подробнее см. о нем в примеч. 9 к письму № 20.

¹⁷ В честь новгородского св. преп. Антония Сийского (1556), память 7/20 дек.

¹⁸ Полное собрание творений... Т. 4. С. 533.

¹⁹ Николо-Бабаевский во имя святителя Николая мужской монастырь. Основан после 1500 г. в посаде Большие соли (635 км от Костромы и 628 км от Ярославля) на правом берегу Волги при впадении в нее реки Солоницы.

пути Алексея Поликарповича Бочкова, сына состоятельного купца, получившего хорошее образование в иностранном пансионе, и Елизаветы Шаховой, болезненной девочки, воспитывавшейся в домашней обстановке обедневшей дворянской семьи, потерявшей кормильца, оба обратили на себя внимание талантливыми многообещающими литературными опытами. Бочков — историческими повестями, эссе, переводами, Шахова — ранними стихами.²⁰

Но если удачно начавшуюся литературную деятельность А. Бочкова прервала смерть жены, то отказ Е. Шаховой от поэтического творчества не был столь резким и драматичным. Начиная с первого стихотворения «Видение девушки», опубликованного О. И. Сенковским в «Библиотеке для чтения»,²¹ читатель мог почувствовать своеобразие взгляда автора на мир, отчасти сформированного условиями ее жизни. Смерть отца, слепота матери, болезненность самой Елизаветы способствовали ее самоуглублению и пробуждению религиозного чувства.

Тем не менее не раннее вступление на поэтическое поприще, не исключительное для 1800—1830-х гг., [так, Елизавета Кульман начала сочинять стихи с 11 лет, А. П. Бунина — с 13 лет], поставило Елизавету Шахову в особое положение среди женщин-поэтов своего времени, а ее решение оставить мир и уход в монастырь. Через 8 лет после первой публикации стихов, в возрасте 23 лет, она становится послушницей Бородинского монастыря.²² Продолжая писать стихи, Е. Шахова после четырех лет жизни в монастыре, в 1849 г., издала 4-й стихотворный сборник, названный «Мирянка и отшельница», который критика оценила сдержанно-холодно. По верному замечанию А. М. Панченко, столь «отчетливые свидетельства собственной религиозной активности, словесные или поведенческие», не принимались общественным сознанием.²³ Очень скоро имена начинающих литераторов А. Бочкова и Е. Шаховой забылись.

²⁰ Шахова Е. Н. Опыт в стихах пятнадцатилетней девицы. Писано в 1836 г. СПб., 1837.

²¹ Шахова Е. Н. Видение девушки [Стихотворение] // Библиотека для чтения. 1837. Т. 21, № 4. Отд. V. С. 108—112. То же: Шахова Е. Н. Собрание сочинений в стихах / Издал внук автора Н. Н. Шахов. СПб., 1911. Ч. 1. С. 20—22. Уровень подготовки «Собрания сочинений в стихах» не соответствует современным требованиям, предъявляемым к научным изданиям, но, при отсутствии значительной части автографов стихотворений мон. Марии, оно дает наиболее полное представление о ее поэтическом творчестве.

²² Спасо-Бородинский в честь Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа женский монастырь основан в 1838 г. на Бородинском Поле вдовой героя Отечественной войны 1812 г. генерал-майора А. А. Тучкова М. М. Тучковой (впоследствии игуменьей Марией) на месте гибели ее мужа.

²³ Панченко А. М. Ранний Пушкин и русское православие // Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. СПб., 2005. С. 414.

Точное время знакомства иг. Антония и Е. Шаховой неизвестно. Скорее всего, их сближению способствовал первый духовный наставник обоих — будущий святитель, а тогда еще архимандрит Игнатий (Брянчанинов), под духовное руководство которого А. Бочков вступил в 1837 г.²⁴ Встреча Елизаветы с архимандритом произошла через 10 лет, в 1847 г., во время посещения им Спасо-Бородинского монастыря. Тогда о. Игнатий заехал в обитель игумении Марии (Тучковой) на Бородинском поле, направляясь к месту лечения в Николо-Бабаевский монастырь.

По возвращении в Сергиеву пустынь после лечения в 1848 г. архимандрит Игнатий вызывает Е. Шахову из Бородинского монастыря, и целый год она, живя на монастырской даче, под его наблюдением изучает творения святых отцов и занимается богословием, а также переводит с французского «Деяния семи Вселенских соборов» из книги «История христианства» аббата Флери.²⁵ После года обучения духовный наставник передает Елизавету на попечение другой своей ученицы, монахини Августы (Козминой) — старицы Старо-Ладожского Успенского монастыря, где и поселяется Е. Шахова.

Прямыми свидетельствами общения Е. Шаховой и о. Антония даже в 1852 и 1857 гг., когда он на короткое время стал духовником Старо-Ладожского Никольского мужского монастыря, мы не располагаем. К началу 1860-х гг. в отношениях монахини Августы с начальством возникли трения, перешедшие в трудноразрешимый конфликт. Вследствие этого Е. Шахова со своей наставницей, получив благословение свт. Игнатия, уходят из монастыря искать себе пристанище в другом месте. Некоторые сведения о перипетиях этого периода жизни Е. Шаховой можно почерпнуть из переписки святителя с иг. Антонием. В письме к иг. Антонию от 18 апр. 1861 г. он писал: «Сердечно радуюсь, что труженицы Августа и Елизавета нашли в Вас единомудренного, сочувствующего им сподвижника. Бог да благословит Ваш духовный союз во славу Святого Имени Своего и в пользу душ, жаждущих услышать слово Божие, и при руководстве Его спасти души свои от нравственной смерти, которая настигнет всех, лишенных истинной пищи — слова Божия».²⁶ Через месяц святитель вновь обращается к игумену с просьбой: «Не оставляйте Ладожских Стариц, находящихся в любви Вашей отраду в сиротстве своем и отдающих Вам полную цену».²⁷

²⁴ Об отношениях иг. Антония и свт. Игнатия см.: *Геннадий Беловолов*, прот. Игумен Антоний и святитель Игнатий (Брянчанинов) // *Материалы конференции «I Антониевские чтения»*. Угreshский монастырь (в печати).

²⁵ *Флери Клод (Fleury (Abbé Claude))* (1640—1723) — аббат, историк церкви, член Французской Академии. Автор труда «*Histoire ecclésiastique*» (Paris, 1719).

²⁶ Письмо от 18 апр. 1861 г. // Полное собрание творений... Т. 4. С. 530—531.

²⁷ Письмо от 18 мая 1861 г. // Там же. С. 532.

Иг. Антоний принимал заинтересованное участие в устройстве дел монахини Августы и Елизаветы Шаховой, за что свт. Игнатий не раз благодарил его и передавал благодарности «стариц», как их иногда называли оба корреспондента в переписке. Скитания Е. Шаховой закончились в тверском Христорождественском монастыре. По словам самой Шаховой, ее «совершенно успокоила у себя» игуменья монастыря Мария (Игнатьева).²⁸

Иг. Антоний продолжает опекать Елизавету и на новом месте, что видно из его письма от 31 дек. 1862 г. к директору канцелярии Синода действительному статскому советнику П. И. Соломону. В этом письме о. Антоний просит содействовать пострижению Елизаветы в мантию с возможным последующим игуменством: «...осмелюсь напомнить Вашему Превосходительству о Елисавете Никитичне Шаховой, которая беспокоится о том, что доставлен ли в св<я>щенный Синод ее формуляр с представлением к пострижению? Не задержались ли эти бумаги в Твери? Потому прошу — аще возможно — посодествовать ее делу. Она будет хорошая игуменья при инспекции мон. Августы, которая может быть доброю и опытною старицею. Монастырь их, если Вы постараетесь им открыть двери к добрым и христианским подвигам, — будет в честь, а не в бесчестие монашеству».²⁹ В 1863 г. послушница Елизавета, после почти 20-летней иноческой жизни, приняла монашеский постриг с именем Мария в честь св. прп. Марии Египетской. «Спаси Вас Господи, — писал свт. Игнатий иг. Антонию 21 февр. 1864 г., — за любовь и внимание, которое Вы оказываете монахине Марии Шаховой».³⁰

С устройством в Твери переписка мон. Марии и иг. Антония становится регулярной. Сохранившиеся в фонде Е. Шаховой письма иг. Антония относятся преимущественно к тверскому периоду ее жизни — 1862—1868 гг. В своих письмах иг. Антоний предстает опытным и тонким духовным руководителем, добросовестно воплощавшим пожелания свт. Игнатия. Все письма иг. Антония к Е. Шаховой настроены на духовную поддержку находящихся в сложных жизненных обстоятельствах мон. Марии и ее старицы, мон. Августы.

Довольно скоро мон. Мария, тронув «поэтическую струну» своего адресата, возрождает их совместное стихотворчество. В одном из первых писем упоминается написанное ею стихотворение «Арфа в пустыне», посвященное П. И. Соломону, который оказал содействие в пострижении Е. Шаховой:

²⁸ Автобиографический очерк писательницы Елизаветы Шаховой... С. 347.

²⁹ РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 15, л. 7.

³⁰ Полное собрание творений... Т. 4. С. 548.

В пустыне дикой и глухой,
На ветке дерева сухой
Висела арфа золотая,
Своим забытая певцом:
Вдруг ангел, мимо пролетая,
В мир, к людям, посланный Творцом,
От крылий прах земной стряхая,
Пустынный воздух всколебал,
И ветерок прохладный встал:
Качнулась веточка сухая,
Зазеленела, ожила,
И арфа звуки издала,
Давно немая и глухая...³¹

В своих письмах к мон. Марии иг. Антоний предстает перед нами не только как духовный наставник и богослов, но и как стихотворец, тонко чувствующий поэзию, и критик, поверяющий литературные явления опытом духовной жизни.

В Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) находятся 100 писем иг. Антония к разным лицам, из которых Е. Шаховой адресовано 88 писем 1862—1869 гг.

Письма иг. Антония дошли до нас не в полном объеме, что следует из их содержания. С большой долей вероятности можно предполагать, что переписка началась в конце 1862 г. и в 1863 г. приняла оживленный характер, хотя за эти годы сохранилось лишь 1 письмо. Пик переписки приходится на 1864, 1865 и 1866 гг. (в архиве сохранилось за эти годы соответственно 35, 30 и 22 письма), с 1867 по 1869 г. она идет на убыль, что следует из содержания сохранившихся единичных писем за эти годы. Хронологически наиболее активный период переписки совпадает со временем настоятельства иг. Антония в Черемнецком монастыре и пребыванием Е. Шаховой в Тверском Христорождественском монастыре.

В настоящей публикации представлены 35 писем, относящихся к началу переписки: 1862—1864 гг.

Местонахождение ответных писем мон. Марии иг. Антонию неизвестно. В письме от 26 февр. 1864 г. он писал: «Если умру, то Вас уведомят — и если найдутся письма Ваши, то вышлют обратно. Хоть это все тогда будет уже в воле Бога, а не моей».

Определенную сложность представляла датировка писем. Автор, за редким исключением, указывал месяц и число либо только число напи-

³¹ Шахова Е. Н. Собрание сочинений в стихах. Ч. 1. С. 189.

сания письма. Год и все отсутствующие даты восстановлены по содержанию писем, бытовым и историко-культурным фактам, упоминаемым в них, и даются в угловых скобках. Текст от публикатора также дается в угловых скобках.

Примечания автора писем даны под строкой, сокращения восстановлены в угловых скобках, подчеркивания обозначены курсивом. В квадратных скобках приводятся зачеркнутые слова и фразы, а также варианты.

В тексте писем публикуются рисунки иг. Антония (Бочкова) из архива мон. Марии (Шаховой).

Ноября 18

Поздравляю честнейшую Старицу Вашу, мать Августу, со днем ее Ангела¹ и желаю наипаче мира душевного, этого внутреннего стража и хранителя, который все приводит в порядок, все очищает и устраивает и за все благодарит. Ее долгое странствие на земле, ее монашество 50-летнее, конечно, наделили ее покорностью судьбам Божиим и упованием в лучшую жизнь: более и желать себе не могу и другим. В наше время всякое послушание ближним ускользает из наших рук, потому что сами мы поставлены некрепко. После некоторых опытов остается пещися о едином своем токмо внутреннем человеке, предоставляя другим идти своими путями. И мы будем подобны сидящим у врат и взирающим на мимоходящих, приветствуя их, но не следуя за ними с нашею старческою клюкою. Путь Старицы Ваша кончен. И слава Богу, что не Ладога, а Тверь дает ей убежище в преклонных летах.² Я не знаю города более русского, и вообще вся Тверская губерния сохранила некую древнюю благодать и отеческое незримое благословение отшедших св. отцев России. Москва слишком воцарилась с утратою древней свободы и простоты, и в Алексее Михайловиче уже развенчала своего Патриарха³ и сама развенчалась; Петербург — это гвардеец, который, кажется, также отслужил свою службу и слишком позабылся. Ваша Тверь, как потомок древнего, чистого рода, хотя и потеряла свое прежнее значение, но все еще не утратила своего благородства. Нечто такое есть в ней. О! если бы и живущим там было мирно, тихо, привольно как рыбе, чтобы не тревожили ее сухопутные и речные пароходы и не ловили частые сети!⁴

Кстати о рыбе. Прошу принять мою убогую лепту на уху Вашу⁵ — помяните преданного Вам покорнейшего слугу м<ногогрешного> и<гумена> А<нтония>.

¹ Мон. Августа праздновала именины 24 нояб./7 дек. в день памяти мученицы Августы, императрицы римской.

² Мон. Августа более 20 лет подвизалась в Старо-Ладожском Успенском женском монастыре, основанном в XV в. (см.: Третьеклассный Старо-Ладожский Успенский женский монастырь. СПб., 1871). В Твери мон. Августа с Елизаветой Шаховой обосновались в Христорождественском женском монастыре. Предположительно основан в конце XIV в. в Твери при впадении рек Тьмаки и Тверцы в Волгу. В начале XVI в. монастырь был razорен литовскими войсками и лишь в середине XVII в. начал благоустраиваться. С 1814 по 1820 г. был построен новый пятиглавый Христорождественский соборный

храм (архитектор К. И. Росси) (см.: Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Тверская область. М., 2003. Т. 1. С. 552—558). Об обстоятельствах ухода из Старо-Ладожского и обосновании в Тверском монастыре см. вступ. статью к публ.

³ Иг. Антоний имел в виду лишение патриарха Никона патриаршего сана, которое произошло на Соборе, созванном в 1666 г. царем Алексеем Михайловичем под влиянием части государственных и церковных деятелей, недовольных теократическими идеями патриарха и методами претворения их в жизнь.

⁴ Аллюзия на широко известный в святоотеческой литературе эпизод из жития Антония Великого, включенный, например, свт. Игнатием (Брянчаниновым) в составленный им в 1863 г. «Отечник»: «Поведал о себе авва Антоний: „Я видел все сети диавола, распростертыми поверх земли; увидев это, я вздохнул и сказал: «Горе роду человеческому! Кто возможет освободиться от этих сетей?»“. На это сказано мне: „Смиренномудрие спасается от них, и они не могут даже прикоснуться к нему“» (Полное собрание творений... Т. 6. С. 39). Парафразом этого же святоотеческого сюжета является произведение свт. Игнатия «Сети миродержца», написанное в 1846 г. в Сергиевой пустыни (Там же. Т. 1. С. 363—368).

⁵ Иг. Антоний на протяжении многих лет знакомства поддерживал материально послушницу Елизавету, впоследствии мон. Марию, и мон. Августу, высылая им вырученные от треб деньги. В письме он деликатно называет посланные деньги «лептой на уху» (в монастырской трапезе рыбные блюда подавались нечасто, преимущественно по праздничным дням).

1864

2

<Середина января>

Письма наши разошлись. Последнее мое послание с «Идеалом»¹ и «Кошкою»² пошло к Вам, а Ваше привезено ко мне во единое время. Последний Ваш ответ Пастуху-бандуристу³ так блистателен, жив, игрив и светел, что, читая его, яко⁴ как будто выпил бокал наилучшего вина, которое мне пробежало по всем жилам. За Вами пальма победы! и я отвечать уже не в силах, кроме прилагаемых, довольно томных стишков.

Нет! Ваше золото червонное так звонко,
Такой гармонией мне под ухо звенит;
И маленький листок так отчеканен тонко,
Что весь огнем поэзии горит.

Ни ризничим, ни казначеем,⁵
Небрежно свернутый в бумажку, бриллиант
Не будет оценен. Лишь старым стиходеем,
Благословляющим Ваш истинный талант.

Стихи Ваши — «Взгляд на настоящее»⁶ — я имел с Вашим посвящением, но лишняя тетрадка пригодится, если Аскоченский ее затерял.⁷

Но к нему я сам не пойду, а поручу это А. П. Башуц<кому>⁸ — Аскоченский мне очень не по духу: эти нападки на всех и на все⁹ и потом ругательство над побежденным о. Феодором,¹⁰ которого он же втоптал в грязь и над ним теперь скачет, глумясь и печатно величая его *расстригою*,¹¹ — все это площадное не по мыслям старинному гусяру, который вече слышит издавеча. Аскоченский без церемонии переломает по-своему Ваши стихи и вставит свои жесткие, каменные рифмы в Ваши строки. Поэтому прошу мне еще написать, желаете ли выйти на листке «Дом<ашней> б<есе>ды»?

Книги Ваши забрать не отказываюсь при удобном случае.¹² Напишите Вашим родственникам.

Буду собирать понемногу о князе Тверском¹³ возможные сведения. Главное — его романическое зачатие и трагический конец. И плач по нем Анны, его княгини. Вам известно, что Отрочь монастырь¹⁴ был поставлен тем отроком¹⁵ Григорием, которого невесту, Ксению, отнял у жениха (отрока своего Григория), кн<язь> Ярослав. От этого брака родился св. мученик. Мать его по смерти в<еликого> князя постриглась. Он был родным племянником св. Александра Невского. Дети его: Димитрий и Александр были также замучены впоследствии <в> Орде. Житие его, написанное Муравьевым,¹⁶ постараюсь я, если найду, купить целым месяцем ноябрем в Петербурге и пришлю Вам. Но главное вкратце пред Вами. Помолитесь и в соборе и в Отроче-монастыре — аще можно; помолитесь и св. псалмопевцу и пророку царю Давиду, который имеет дар вдохновения и подает его туне просящим о имени его у Господа, Подателя Премудрости.

Вы любите капитальные труды: тем лучше. Я же не могу по слабости истощенного ума писать ничего возвышенного. В это время накоплено мною несколько *страничных* стихотворений. Одно внушено Вашим листком¹⁷ с берегов Тмаги.¹⁸ Ваше начало очень живо, и внутренним ухом подслушано движение паровоза. Один стих «монастырских мимо стен» я подумал переставить «мимо наших мирных стен», но раздумал, потому что Ваше «мимо стен» звукоподражательнее, и свист машины в нем слышнее. Вот мои стихи, Вами внушенные:

Издавека я слышу топот:
Несется молнией дракон;
Глаза горят; и в дыме хобот,
Несотерпимо свищет он...

Ты дышишь тяжело, безотдышный!
Рвет воздух бронзовая грудь;
И на пути к столице пышной
Тебе нельзя глаза сомкнуть.

Угладил все твой хвост двумильный,
Все под собою уравниал:
Нет пыли по дороге пыльной,
И встречного ты не встречал.

Лишь в воздухе дорога дыма;
Землей бежишь ты без следа.
Летят, мелькают мимо, мимо
Леса, деревни, города.

Но если под твои колена,
Под эти лапы-чугуна
Подбросить два иль три полена
Иль три недолгие бревна —

То горделивец вверх ногами
Откинулся, летит стремглав;
Трещит железными костями
И рвется не один состав:

Змее железная дорога
Опасны встреча, перекрест —
И для дьявольской тревоги
Ужасно встретить Божий Крест! ¹⁹

Чтобы не мучить лошадей, на почту я посылаю нечасто, иногда в неделю раз. Потому наступают для Вас дни молчания. К тому же вот уже 6 месяцев с августа 12-го болел у меня большой перст правой руки; сошел ноготь — а я все писал; служил, не завязывая моего служителя, и на прошлой неделе, когда ноготь совершенно вырос, на том же персте показывает^{ся} какой-то нарост. Извольте видеть, как тонко пишу, чтобы не нажимать моего старого подьячего.

Погода у нас особенно теплая, в Крещение было не более 3 гр<аду-сов>, потом 2 раза оттепели, что для меня легче морозов, по слабому моему устройению. Я страшился за Крещение, но вот уже 2 года Господь милует и помогает.

Преосвященнейшему послал письмо.²⁰ Может быть, ответит. Но я с моею свободою мыслей не совершенно подхожу под его святую руку.

Простите. Прошу сказать матери Августе, чтобы не торопилась вязанием²¹ связанному по рукам и по ногам шнурами консисторий. И Вас страшат регламентами: этот милый кодекс Феофана Прокоповича,²² царского шута, написан в духе Петра Великого. До сего дня он невидимо царит над монахами, опутывая их (кого лентами, кого шнурами).²³

Помолитесь, мать Мария и добрая мать Августа, о многогрешном Ан<тонии>.

Отрывок из моих рукописей:

Светило голубая тверди
Лелеет мир, сей Божий сад;
Но винограду нужны жерди,
И гроздия на них лежат.

Монахи — те сухие колья,^{*}
Держащие весь сад мирской.
Но прогрессисты из подполья
Касаются до них рукой.

Не троньте кольев. Рухнет с нами
Весь виноград, и все замрет;
Над непотребными гроздами
Серпом Архангел проведет.²⁴

¹ Стихотворение иг. Антония «Идеал» (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 13, л. 92 об.). См. Приложение, № 1. Мон. Мария написала ответное стихотворение «На стихотворение: Истинный идеал, с предложением воспеть его» (Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 86—87). См. Приложение, № 2.

² Стихотворение «Кошка» в архивах РГИА и РО ИРЛИ не обнаружено.

³ Стихотворение иг. Антония «Пастух-бандурист» (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 13, л. 91—92). См. Приложение, № 3. Ответное стихотворение мон. Марии «На стихотворение „Пастух-бандурист“». (При посылке книги первого издания и рукописей)» (Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 85—86). См. Приложение, № 4.

⁴ Так в автографе.

⁵ В ответе мон. Марии «На стихотворение „Пастух-бандурист“» угадываются черты реальных лиц из окружения иг. Антония в Черемнецком монастыре — *иером. Сергия*, в то время бывшего ризничим обители, и *иерод. Иоанна (Краева)* — казначея, несшего также послушание регента на клиросе (келейника и наиболее близкого духовного сына иг. Антония, находившегося при нем в течение 19 лет).

⁶ Стихотворение мон. Марии «Взгляд на настоящее» // Собрание сочинений в стихах. Ч. 1. С. 166—169.

⁷ *Аскоченский Виктор Ипатьевич* (1813—1879) — прозаик, журналист, историк. В 1858—1877 гг. редактор-издатель и главный автор еженедельного журнала «Домашняя беседа» (до 1866 г. — «Домашняя беседа для народного чтения»). См. подробнее о нем: *Безнос Э. Л.* Аскоченский Виктор Ипатьевич // *Русские писатели*. Т. 1. С. 117—118. Вероятно, мон. Мария высылала В. И. Аскоченскому свое стихотворение для возможной публикации.

⁸ *Башуцкий Александр Павлович* (1803—1876) — прозаик, публицист, издатель. В 1830—1840-е гг. издавал несколько журналов. По клеветническому обвинению в 1849 г. был уволен со службы. В 1850 г. поступил послушником в Троице-Сергиеву пустынь, откуда перешел в Черемнецкий Иоанно-Богословский монастырь и, затем, в Киево-Печерскую лавру. Поняв, что монашество — не его путь, в течение последующих двух десятилетий подвизался в миру на самых разнообразных духовно-церковных поприщах. Был учредителем Первого миссионерского общества, занимался иконописью, составлял назидательные брошюры, увлекался гомеопатией, пособиями которой бесплатно лечил бедноту. Состоял в многолетней духовной дружбе и переписке с иг. Антонием. См. подробнее о нем: *Шикин В. Н., Охотин Н. Г.* Башуцкий Александр Павлович // *Русские писатели*. Т. 1. С. 189—192.

⁹ В. И. Аскоченский в 1850-е гг. пережил глубокий мировоззренческий кризис, приведший к отказу от свободолобиво-критических взглядов молодости и исповеданию крайнего консерватизма и монархизма. Журнал В. И. Аскоченского «Домашняя бесе-

^{*} Это сравнение св. Димитрия Ростовского. — *Примеч. иг. Антония.*

да» пользовался популярностью среди религиозных читателей как единственный духовный журнал с последовательной активно выраженной позицией. Со стороны радикально настроенной печати сам Асоченский и его журнал служили объектами постоянной критики. А. И. Герцен, например, называл «Домашнюю беседу» «духовным журналом иезуитско-православного направления» (см.: *Герцен А. И. Собр. соч.*: В 30 т. М., 1954—1965. Т. 18. С. 199). Показательно, что Асоченского «по бойкости и силе пера» сравнивали с Герценом (см.: *Знаменский П.* Богословская полемика 1860-х годов об отношении православия к современной жизни. Казань, 1902). Иг. Антонию, вероятнее всего, была «не по духу» свойственная печатным выступлениям Асоченского бесцеремонность обличений крайностей материализма и нигилизма и фанатическая нетерпимость ко всему выходящему за рамки ортодоксального православия. Ср. отрывок из письма иг. Антония неизвестному адресату от 31 янв. <1860 г.>: «Часто предубеждение не хочет видеть истины: оно смотрит в свои очки, лучше сказать: сквозь призму. Видит одну только сторону светлую, одни лучи, а знать не хочет черной. Таков и г. Асоченский. Пусть бы пожил в монастырях, да под началом — заговорил бы другое. Может быть, превратился бы в наилучшего прогрессиста и цивилизатора» (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 15, л. 27 об.).

¹⁰ *Бухарев Александр Матвеевич* (с 1846 по 1863 г. архим. *Феодор*) (1824—1871) — богослов, публицист, критик. Уроженец Тверской губернии. В 1846 г. закончил Московскую духовную академию и был оставлен при Академии бакалавром по кафедре Священного Писания. Перед окончанием курса принял монашество. Один из первых в начале 1860-х гг. затронул в печати тему примирения христианства с современностью. Исполнение обязанностей цензора газеты «Домашняя беседа» привело его к столкновению с В. И. Асоченским, в результате чего в 1861 г. архим. Феодор был переведен в Переславский Никитский монастырь. В 1862 г., после запрещения Синодом к печати его многолетнего труда «Исследования Апокалипсиса» (Сергиев Посад, 1916), подал прошение о выходе из монашества, удовлетворенное в 1863 г. Подробнее о нем см.: *Гуликов Ш. А.* Бухарев Александр Матвеевич [в монашестве архимандрит Феодор] // *Русские писатели*. Т. 1. С. 379—380.

¹¹ См. примеч. 7 к письму № 3.

¹² Речь идет, вероятнее всего, о последнем из четырех увидевших свет сборников стихотворений и поэм Е. Шаховой: «Мирянка и отшельница». Стихотворения: В 2 ч. СПб., 1849.

¹³ *Михаил Ярославич Тверской* (1272—1318), св. мч. блгв. вел. кн. — память 22 нояб./5 дек. Сын князя Ярослава Ярославича — младшего брата Александра Невского. Воспитывала его мать, княгиня Ксения, принявшая впоследствии иночество. В 1294 г. он женился на ростовской княжне Анне Димитриевне и имел от нее четверых сыновей и дочь. Великий князь принял мученическую смерть в Орде. Через два года нетленные мощи его были привезены в Тверь. Княгиня Анна после смерти мужа и двоих сыновей приняла постриг, скончалась в Кашинском Успенском монастыре и также была причислена к лику святых (память 2/15 окт.).

¹⁴ Отрочь-Успенский мужской Тверской монастырь располагался в устье реки Тверцы при впадении ее в Волгу. Основан в 1260—1270-е гг. С 1531 по 1553 г. в нем находился в заточении Максим Грек. В 1569 г. (1570?) здесь был убит Малютой Скуратовым свт. Филипп, митр. Московский и всея Руси. Разрушен в 1932—1938 гг., сохранился только Успенский собор (1722 г.).

¹⁵ Отрок — в значении: дружинник, служитель при князе или царе (*церк.-слав.*).

¹⁶ *Муравьев А. Н.* Жития святых Российской церкви. Также иверских и славянских. [Вып. 1—12]. СПб., 1855—1858. [Вып. 3. Месяц ноябрь]. СПб., 1856; То же: 2-е изд. [Вып. 1—12]. СПб., 1859—1867. [Вып. 3. Месяц ноябрь]. СПб., 1860.

¹⁷ «Листком» иг. Антоний называет стихотворное приложение к письму, написанное на отдельном листе. Мон. Мария прислала стихотворение «Отзыв на стихотворение:

„Старинные гусли“» (Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 83—85). См. Приложение, № 6. Оно было ответом на стихи иг. Антония «Старинные гусли в ответ М... М... Ш... на ее арфу в пустыне» (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 13, л. 70). См. Приложение, № 5. В свою очередь последним стихотворением иг. Антоний ответил на стихотворение мон. Марии «Арфа в пустыне» См. вступ. статью к публ. В Приложении стихотворения расположены в хронологической последовательности.

¹⁸ Современное название: Тьмака.

¹⁹ Автограф варианта этого стихотворения находится в РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 13, л. 87.

²⁰ Иг. Антоний послал свт. Игнатию (Брянчанинову) письмо, в котором, возможно, поздравлял его с днем рождения (5 февр.). В одном из ответных писем к иг. Антонию (от 21 февр. 1864 г.) святитель писал: «Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне. Вам 61 год, и мне 57. Лета <будто> бы не большие! Но я уже оканчиваю жизнь мою...» (Полное собрание творений... Т. 4. С. 547).

²¹ Мон. Августа вязала для иг. Антония носки.

²² *Феофан (Прокопович)* (1681—1736), архиеп. — церковный и государственный деятель, сподвижник Петра I, писатель. Иг. Антоний имеет в виду написанный Феофаном Прокоповичем «Духовный Регламент», подписанный Петром I в 1721 г. Представляя собой своеобразный комментарий к закону о новом церковном управлении, он обосновывал отмену патриаршества и определял главенствующую роль Синода, как государственного учреждения, в духовной жизни, был проникнут мыслью о служении абсолютизму. Подробнее об этом см.: *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.

²³ Имеются в виду орденские ленты и шнуры консисторских книг. Об этом см. в письме № 5.

²⁴ Вероятно, с начала года иг. Антоний работал над сатирическим стихотворением, первоначально озаглавленным «Отрывок (вовсе не поэтический, а просто монашеская архивная ветошь)» (РО ИРЛИ, инв. № 3577, л. 18—19), три строфы из которого он и высылает мон. Марии (Там же, л. 19). Сохранился автограф более позднего варианта стихотворения, названный по первой строке «Мы, кажется, живем под Римом...» (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 13, л. 93—94 об.), также включающий посланные иг. Антонием в письме строфы (Там же, л. 94 об.).

3

Янв<аря> 26.

Сегодняшнею почтою, отправив Матери и Старице Вашей мое письмо, я получил последнее Ваше. Могу уверить Вас, добрая мать Мария, что я верю Вам. Но Вы и не знаете и не подозреваете *причин* моего неприятия чьих-либо похвал.¹

Это — прошедшая жизнь моя, исполненная таких глубоких падений, что я уже без всякого монашеского усилия, а по естественному чувству сердечному ни от кого похвал не принимаю. Слушая их, благодарю: Вас первых за ангельское Ваше обо мне мнение и Вам первым верю, что таким я Вам кажусь: наружность обманчива. Но если бы Вы были постарее, а я был бы ближе к Твери, то сказал бы Вам просто, чем

был я.* И Вы мне поверьте, добрая мать Мария! Если бы Господь внял моим усерднейшим сердечным воплям, то даровал бы мне то, что я просил:² но Ему благоугодно было презреть меня и пустить по этому миру с неизлечимыми воспоминаниями при невозможности примириться с собою. Буди Его св<ятая> воля!

Иногда преступник, пришедши к своему судии для объяснений и приятия приговора и наказания, за долгое ожидание выхода своего судии начинает толковать с себе подобными, также чающими приговора, начинает забывать свою вину и даже смеяться и шутить. Так поступали приговоренные к смерти французские узники в темницах Тампля,³ Бисетра,⁴ Фор-Эвека⁵ и прочих. Они шутили накануне эшафота. А я шучу и смеюсь, может быть, незадолго до дня моего вечного осуждения. В душе своей я считаю себя неоплатным должником <пред> Господом моим и ничего не сделавшим для уплаты долгов моих. Более объясняться считаю неблагоприятным. Письмо — не слово.

Вот почему *отчасти* я не виню о. Феодора⁶ так, как обвиняют святоши. О. Феодор, писатель усыпительный, вялый, пресный, детская молочница на языке — не мог быть никому опасным (так мне кажется): этот бедняга рано или поздно попал бы в дом сумасшедших — вот и все. Но Аскач<енский> ярый, злой, жестокий, довольно сильный, при нашем бессилии и безлюдье, он напрасно ринулся на о. Ф<еодора> со всею силою, втоптал его в грязь и теперь смеется,⁷ будучи сам не аскетом: женившись с седыми волосами на 3-й жене, очень молодой.⁸ Аскаченский, у которого после всенощной на именинах бывает почти спектакль, где поют всякие романсы, тотчас после всенощной.** Потом сам он начинает декламировать — к чему он имеет большие способности: Гоголь и прочие смехотворно декламируются с искусством неподдельным, как я слышал от других; а я сам вышел от него при 1-м романсе. С Бурачком теперь у него размолвка и весьма порядочная⁹ — если не помирились. И при таком устройении нападать на соединение современности с православием, когда у самого все это в лицах производится, — было бы странно. Можно указать сначала наедине ошибки, по заповеди, потом при 2-х, потом при собрании;¹⁰ но браниться прямо и печатно на смиренного глупягу, который, конечно, погиб и в общественном мнении и в собственных глазах, что всегда страшнее, — было бы неосторожным поступком, влекущим грозное наказание Создателя. Но я ошибиться могу.¹¹

* Если ныне не таков, после 27 лет монастырс<кой> жизни, то за это слава Богу. Нам же стыдение лица! — *Примеч. иг. Антония.* Ср.: «Тебе, Господи, есть правда, нам же стыдение лица...» (Дан. IX, 7).

** При священнике и дьяконе. — *Примеч. иг. Антония.*

Сожалею об Вашем горлышке. Со мною бывало это не единожды, и я прибегаю всегда мысленно к Боголюбской Божией Матери, которая однажды исцелила чудесно 6-недельную подобную болезнь священника Калужс<кой> епархии.¹²

Перст мой, как нарочно, вчера был лучше, сегодня пишу худо. Но это не что иное, как бородавка; а нарост на среднем персте никогда и не сходит. Я очень рад, что понравилась Вам моя безделка: но, право, она не стоит Вашего листочка.¹³

Участие к Вам показывает, что *Вы* (простите) *жизнь для монастыря*. Человек с характером и душою сильною всегда драгоценен для общества. Общество, и нерасположенное к нему, отдает невольно справедливость ему и страшится его потери, как бы потери крови в собственных жилах. Вот почему все и окружило Вас. Будьте же сердцем других: берегите себя, верьте в Промысел, что не попустится ничего более сил наших.¹⁴

Третьего дня видел я сон, что меня приглашают к осени на квартиру, очень мизерную, но еще очень хорошую для меня. Что-то будет. Я порадовался этому сну, хотя верить им не могу.

Для меня письма Ваши всегда дороги и ценятся более, нежели золото и всякое другое известие. Потому пишите, когда можете: в прозе, стихах, как Вам угодно. Благодарю за уведомление о Вашем литературном благородстве и формальном его признании.¹⁵ А. П. Бунину я лично знал потому, что она жила в нашем доме назад тому более 40 лет.¹⁶ Но Вы и теперь можете опередить многих.

У нас в монастыре не очень ладно. Были грешки не от молодых, а от стариков и становятся очень гласны. Помолитесь, да не внидем в напасть. О том же усердно прошу и Матерь Августу. Листок моего письма пошлите — если найдете <удобным> — Е<го> В<ысокопреосвященств>у.¹⁷ Простите. Многогреш<ный> и <гумен> Антоний.

¹ Вероятно, в этом письме иг. Антоний получил ответное стихотворение мон. Марии на свое стихотворение «Идеал». См. примеч. 1 к письму № 2.

² В письме от 19 мая 1858 г. иг. Антоний писал некоему послушнику Иоанну, ищущему его духовного руководства: «...аз грешный, мнимый твой путеводитель, 20 с лишком лет молюсь о скорейшем исходе, видя в себе умножение грехов, а не святости» (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 15, л. 6 об.).

³ Тамплъ (le Temple) — старинное здание в Париже. Построено в 1222 г., принадлежало ордену тамплиеров. После Французской революции Тамплъ в качестве тюрьмы заменил Бастилию. Здесь был заключен Людовик XVI с семьей. Снесен при Наполеоне III. В настоящее время сохранились лишь одноименные названия улиц, бульвара и предместья.

⁴ Бисетр (Bicêtre) — госпиталь и приют для престарелых бедных, вблизи Парижа, некогда старинный рыцарский замок. До 1837 г. здесь была еще тюрьма для приговоренных к смертной казни или осужденных на галеры преступников.

⁵ Фор Левек (For l'Evêque) — тюрьма парижского епископа. Сооружена в 1161 г., перестроена в 1652 г. В XVIII в. — королевская тюрьма, в 1780 г. была закрыта, а в 1783 г. разрушена.

⁶ См. примеч. 10 к письму № 2.

⁷ Архим. Феодор (Бухарев) изложил свои взгляды о способах привлечения современной жизни к православию в сборнике «О православии в отношении к современности, в разных статьях» (СПб., 1860), по поводу которого в «Домашней беседе» (1860. № 52; 1861. № 1) были опубликованы критические статьи, оскорбительные по тону. Как цензор журнала о. Феодор не посчитал нужным запрещать публикации, но напечатал ответы на них в «Сыне Отечества» (1860. № 52; 1861. № 2). Аскоченский, продолжая свои нападки, в начале 1861 г. развернул в своем журнале травлю о. Феодора и его сторонников. В полемику включилось петербургское и московское духовенство. О. Феодор вынужден был оставить должность духовного цензора. Аскоченский сделал достоянием гласности подготовку о. Феодором издания толкования на Апокалипсис, что при сложившихся обстоятельствах повлекло изъятие рукописи из типографии и последующее ее запрещение. После этого архим. Феодор, человек ранимый и болезненно впечатлительный, подал прошение о снятии сана, удовлетворенное в 1863 г., и вскоре женился. В одной из последних публикаций об о. Феодоре «Домашняя беседа» (1863. № 48. 30 нояб.) извещала читателей о том, что он сделался «расстригой».

⁸ В. И. Аскоченский перенес в 1844 г. раннюю смерть первой, а затем в 1847 г. второй жены.

⁹ *Бурачок Степан Анисимович* (1800—1877) — публицист, критик, издатель, прозаик; кораблестроитель. В 1840—1845 гг. издавал журнал «Маяк», отличавшийся наивностью общественной и литературной программы и крайностями в выражении своей приверженности к направлению «официальной народности» (см.: *Замотин И. И.* Из истории русской журналистики сороковых годов. «Маяк» и его общественная и литературная программа. Варшава, 1912).

¹⁰ Ср.: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь» (Мф. XVIII, 15—17).

¹¹ Иг. Антоний писал свт. Игнатию о столкновении архим. Феодора с Аскоченским в начале их конфликта, на что святитель ответил в письме от 18 мая 1861 г.: «О столкновении о. Феодора с Аскоченским я слышал кое-что, но и не любопытствую о подробностях. Все эти столкновения имеют общий характер. <...> От этих столкновений для Церкви не было никаких результатов. Что Вы поняли, то Бог открыл Вам на поприще Богом установленного монашеского подвига, который отъеменяется с лица земли по неисповедимым Судьбам Божиим, пред которыми надо нам благоговеть и безмолвствовать. На все свое время. Спасение и разные способы его были даром Божиим человечеству, а отнюдь не собственным изобретением человечества» (Полное собрание творений... Т. 4. С. 531—532).

¹² Иг. Антоний имеет в виду случай исцеления от одного из списков со знаменитой Боголюбской иконы Божией Матери, явившейся в 1157 г. князю Андрею Боголюбскому и находившейся в построенном для нее Боголюбском мужском монастыре Владимирской епархии. Празднование иконы и всех чтимых списков с нее совершается 18 июня/1 июля.

¹³ Речь идет о стихотворении мон. Марии «Отзыв на стихотворение „Старинные гусли“» и ответе на него иг. Антония «Издалека я слышу топот...». См. примеч. 17 к письму № 2 и само письмо.

¹⁴ Ср.: «...верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1 Кор. X, 13).

¹⁵ Вероятно, мон. Мария писала о том, что выданную ей в 1837 г. Российской АН денежную премию она потратила на издание первого сборника стихов, после чего Академия взяла на себя расходы по изданию второго сборника (см.: Автобиографический очерк писательницы Елизаветы Шаховой... С. 34).

¹⁶ *Булнина Анна Петровна* (1774—1829) — поэтесса, переводчица. Принадлежала к древнему дворянскому роду. В раннем детстве потеряла мать и воспитывалась у родственников в деревне. С 13 лет начала писать стихи. В 1802 г., получив наследство отца, переехала в Петербург, где жила самостоятельно. Так же, как и Е. Шахова, была награждена денежной премией Российской АН. Снискала славу «первой значительной русской поэтессы» (см.: *Бабореко А. К.* Бунина Анна Петровна // Русские писатели. Т. 1. С. 362—363).

¹⁷ Иг. Антоний просит переслать свт. Игнатию (Брянчанинову) прилагаемый к письму стихотворный отрывок «Светило голубыя тверди / Лелеет мир, сей Божий сад...», посланный мон. Марии в предыдущем письме. Просьбу она выполнила, что видно из письма свт. Игнатия к иг. Антонию от 21 апр. 1864 г.: поддерживая основную мысль присланного стихотворного отрывка, святитель называет монастыри «пристанями, по назначению, данному им от Бога». Далее он пишет: «Если вздумаете посетить меня, то привезите с собою стихотворения Ваши. Из них читал я одно» (Полное собрание творений... Т. 4. С. 549—550).

4

Февраля 3.

Востани слава моя, востани псалтирю и гусли!¹

Златострунная псалтирь царя и пророка,
От холмов Сиона, с Кедрского потока
Сколько лет бряцаешь ты, при скольких Владыках
Миллионами устен и на всех языках!
От палящего Синая и до льдистой Колы —
Во всю землю обтекают вещи глаголы.
Нет славнее этих песен, нет слаще для слуха:
Это голос вековечный Пресвятого Духа.
С самых младенческих нашей колыбели
До последней, христианской, мертвенной постели
Эти песни нас встречают, нас и провожают;
С жизнью приветствуют, с нами замирают.

Вот Вам готовый ответ, весьма нескладный по неровным силлабам, на Вашу голубиную песнь.² Может быть, после что-нибудь и напишу, а сегодня с разными мыслями гусли мои вовсе расстроены. Еще, слава Богу, что нашлось это коротенькое стихотворение на Ваши вызовы.

А то стихотруднособираение³ все еще лежит у меня на рассмотрение: читать никому нельзя, пересылать тоже. Да и сам я, критик к себе неумолимый, думаю: можно ли тебе судить высших? Ты не Иеремия!⁴

Это «Плач на коронацию».⁵ Есть несколько удачных выражений, но вообще все это зерна разного калибра, нанизанные на одну нитку: разъезжаются и не вяжутся.

Паче всего меня досадовало вступление в Кремль послов Наполеона III после нашего бесславного мира.⁶ Кремль с 1812 года не видал посланников Наполеоновской династии. Мармон был, при Николае I, но как представитель королей законных,⁷ а не того изверга, при котором стены Кремля взрывались на воздух, мощи были выкинуты, на жертвенниках и на *престоле Успенского собора рубились сечками мяса для солдат.*⁸

Вот один отрывок:

Краснею, это говоря,
Французы при коронованьи
Стыдом покрытого царя!
Племянника Наполеона
Послы вступают в храм царей;
Пред ними вносится корона
В святилище тех алтарей!..
О ужас! Их отцов руками
Сей храм стократы осквернен,
Бескровный жертвенник кровями,
Престол мясами обагрен.
И наших Патриархов гробы,
Как бы презренная доска,
Все взломаны!.. Земли утробы
Коснулась хищная рука!
Ты не дрожишь, Иван Великий?
Кремль! Сердце русския земли,
Пронзенное французской пикой,
Враги опять в тебя взошли!..

Но если прежнее забыто,
То неужели новый стыд
И Севастополь наш разбитый
Так скоро нами позабыт?
Когда и дождь, и пот кровавый
Еще не высохли в Крыму,
Когда курится весь под лавой
Народный жертвенник в дыму,
Когда от крепостей разбитых
Не все сданы еще ключи,
Когда за упокой убитых
Не сожжены еще свечи...
И что ж?.. Огнем иллюминаций
Весь Кремль нелепо освещен.
Он столько видел коронаций,
Наполеона видел он,
Но с самой свадьбы Самозванца
Не видел наш дворцовый флаг
Такого польского и танца,⁹
Таких роскошных колымаг.

С царевнами переплетались
Наполеоновы послы,
И дружно перьями менялись
С чужими русские орлы...

В этом роде написано все: есть местечки живые, есть и слабенькие. Тут есть целенькая страничка, посвященная Святтейшим.

До времени пусть все это лежит яко непотребное. А между тем есть подробности мелкие, но исторические, показывающие, как мы забылись, как офранцузились.

Простите! Помолитесь, да отженется дух тщеславия, если он диктовал эти стихи ни к чему не годные. Все это долго накопело на дне сердечного сосуда и по краям его; сделалось ярею,¹⁰ ядом. А сосуд уже давно не очищался истинным покаянием. Да и отца духовного не имею по духу.¹¹

Оканчиваю письмо. Приехал А. П. Башуцкий, и еще гостей есть неко́лико.¹² Помолитесь о многогрешн<ом> и <гумене> А<нтонии>. Прошу о том же у м. Августы. Февраля 3, вечер.

С прежними моими стихами делайте, что хотите. Я буду рад, если они доставят Вам хотя одну копейку серебром.

¹ Пс. 56, ст. 9.

² Иг. Антоний отвечает на стихотворение мон. Марии «Таинственный голубь» (Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 88—89). См. Приложение, № 7.

³ Иг. Антоний имеет в виду продолжающуюся работу над стихотворением «Мы, кажется, живем под Римом...». См. примеч. 24 к письму № 2.

⁴ *Иеремия* (VI в. до Рождества Христова), св. пророк, память 1/14 мая.

⁵ В архивах РГИА и РО ИРЛИ текст стихотворения под таким названием не обнаружен. Приведенный иг. Антонием ниже отрывок является единственным сохранившимся фрагментом этого стихотворения.

⁶ Имеется в виду Парижский мир, заключенный 18 марта 1856 г., завершивший Крымскую войну 1853—1856 гг. По условиям договора Россия возвращала Турции Карс, уступала Молдавскому княжеству устье Дуная и часть Южной Бессарабии; Черное море объявлялось нейтральным, Россия и Турция не могли держать там военный флот; подтверждалась автономия Сербии, Дунайских княжеств.

⁷ *Мармон* (1774—1852) — герцог Рагузский, французский маршал. В марте 1814 г. вместе с маршалом Мортье подписал договор о сдаче Парижа союзникам. После падения Наполеона перешел на сторону нового порядка, был сделан пэром и во время 100 дней сопровождал короля в Гент. В 1826 г. был представителем Франции в Москве на коронации императора Николая I.

⁸ См.: 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. Также одно из воспоминаний очевидцев повествует: «Во время пребывания французов в Москве, два солдата, поляк и баварец, поймавши одного бывшего прежде довольно зажиточного купца <...> сделали его своим кашеваром и привели в церковь, которую они превратили в поварню. Купец, увидя, что посреди церкви поставлен таган с котлом, под коим, для варения в церкви же изрубленной скотины, на растопку были употреблены расколотые образа, пришел от того в справедливое негодование, и исполненный уважения к святыне, про-

сил позволения принести дров. Но варвары, не признающие в сердце своем ничего святого и жадная истязаниями несчастных жертв, подпавших их власти, приказывали рубить иконостас...» (Полное собрание анекдотов достопамятнейшей войны Россиян с французами <...> с присовокуплением описания малодушия, варварства и проч. Наполеона и всех его сообщников, учинивших в России и по бегстве его из оной. М., 1814. Ч. 3. С. 54—55).

⁹ Так в тексте.

¹⁰ Яр-медянка — распространенная зеленая краска, по составу представляющая смесь основных уксуснокислых солей различной основности. Процесс ее изготовления заключается в длительном воздействии уксусной кислоты на медные пластины, на поверхности которых образуется слой медной соли зеленого цвета. Как художник и иконописец иг. Антоний, вероятно, был знаком с особенностями производства яри.

¹¹ В начале своей монашеской жизни иг. Антоний искал себе духовного отца, руководствуясь указаниями святоотеческих аскетических писаний. Наиболее близким к искомому идеалу стал для него прп. Леонид, в схиме *Лев (Наголкин)* (1768—1841), память 11/24 окт., основатель старчества в Козельской Свято-Введенской Оптиной пустыни (см. о нем в кн.: Жития Оптинских старцев. Преподобный Лев. Св.-Введенская Оптина пустынь, 2006). Прп. Леониду иг. Антоний посвятил стихотворение «Памяти о. Леониды» (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 13, л. 107 об.—112). Попытки найти духовного руководителя после смерти о. Леониды, не увенчавшиеся успехом, очевидно, и привели иг. Антония к следующим выводам, высказанным им в письме к А. П. Башуцкому от 22 июля <1858 г.>: «К подвигам мы неспособны; к послушанию также, по той сугубой причине, что и непослушны, да и слушаться некого» (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 15, л. 21).

¹² Несколько, немного (*церк.-слав.*).

5

<Не позднее февраля 10>

Кроме Вас, добрая мати Марие, никто не может так скоро отгонять облаки душевных сомнений и эти пятна совести, мелькающие в душе после пятен пороков. Может быть, и Господу угодно держать душу мою в таком хаотическом положении, чтоб никогда, ни на минуту не мыслить о себе что-либо, кроме чаяния казни.

Желчная моя веселость — нечто вольтерьянское — оставшееся от прежнего образа мыслей, дышит и в последних посланных мною Вам стихах:¹ дай Бог, чтоб Вы детски над ними и со мною посмеялись. Но я ушел от настоящей цели моего письма. Ваше воспитание духовное, чтение, переписывание св. книг, советы Вашего великого старца дали Вам те ключи разумения и ту власть над душою, которая так мужественно выражена в письме Вашем от 1-го февраля. Кто может такими дарованиями и столько похвалиться? Для этого, кроме того, нужно быть женщиною, чтобы советы свои согреть теплотою, чтобы целебное, оживляющее питье подавать не холодным и не мутным, как наши резонеры-богословы, утешители самих себя. За это письмо спасибо Вам большое и с прилагаемыми стихами. Я оставил рифмы, потому что этот листочек сам собой сложился. Но все еще тёмно на душе моей.

Наша будущность земная — как сами испытываете — так много зависит от обстоятельств, что тогда наступит покой, когда вовсе нас выведут из темницы и отворят клетку для птицы в другое небо, где и маленькому животному дадутся силы сопротивляться черным коршунам. А здесь эта борьба так утомительна и долга, что нередко ослабеваешь, как и Вы ослабеваете в гонениях и наведениях.

Не знаю, как поможет Господь съездить в Питер. У нас странная зима: сегодня дождь и 2 гр<адуса> тепла. А между тем еще февраль в начале. Потому это письмо, которое бы могло явиться к Вам очень рано, должно пролежать до удобного пути.

Делаю еще несколько выписок из моего отчаянного сочинения,² хотя посланные Вам, лучшие. Это последнее предшествует им и свяжется стихами «*Как будут русские*», а начало по времени также приклеится по кусочкам.

С дарами от востока маги
Шли в Вифлеем пред Рождеством.
Мы в то же время все бумаги
С дарами в Петербург несем.
И паче снега убеленный
Игумен или казначей
Приемлет паки вожденный
Отчет со связкою ключей.
У нас все кружки, все полушки
Печат<ь>ми запечатлены;
Все четверти и все осьмушки
Проверены и сочтены.
О неизбежные тетрадки,
Всех наших описей сумбур!
Там поручей даже подкладки
Описаны и каждый шнур.
Вверяют без отчета души —
Как хочешь, можешь их спасать,
Но яблоки, малину, груши,
Я думаю, велят считать.
Я наперед приготавливаю
Всем ягодам своим реестр;
На это *в помічь* призываю
И братий и о Бозе сестр.
Чтоб не постигла нас измена
От них при этих *помочах*,
Велю по травке весить сено,
И что ни трудница — монах.
Горох по зернам в виде цветок,
Что ни горошина — поклон.
О! этот счет наш не короток,
Пройдет до самых похорон,
А там, что Бог даст. На мытарстве
Представим пятый формуляр.³

Я думаю, в Небесном Царстве
Примут пятый экземпляр.
С пятью свечами в час полночный
Встречали девы жениха⁴ —
И мы пред мытоимцем* точно
Явимся светлы, без греха.
Пять формуляров, как лампы —
И все о том же, об одном —
Представив, выйдем из засады
И в двери райские войдем.
Но удивляюсь я: как смеют
Все без указа умирать!!!
Я думаю, в виду имеют
Указ по этому послать.
Ведь быть монахам без указа
Нельзя же. Кто нас пострижет.
Не то, пожалуй, черномазый
Прогневается на Синод.
Теперь же всякая обитель
Знай Свода каждое слово,
И господин письмоводитель
Немаловажное лицо.
Как будут русские счастливы и далее.

Горькие эти шутки показывают мне, что сделала с монашеством духовность Феофана Прокоповича.⁵ Теперь, по совести сказать, почти невозможно жить нам по древним правилам с этими формальностями, которые необходимо связывают нас с оставленным миром. Древняя и святая простота, которая еще живет в Афоне, навсегда изгнана из России. Я писал уже Вашему Отцу,⁶ что сожалею о его безмолвии в наше время, когда при государе добром можно монашество освободить от всех мирских указных введений и возратить ему древнюю простоту. Ведь черныи народ освободили же: почему наш черныи народ⁷ не освобождают от крепостной зависимости? Наши архиереи и каста их, живущая милостями Двора, никогда не осмелятся стать за монашество, потому что боятся этим прогневать и царя, и прогрессистов, жаждущих теперь все уничтожить. Они доселе кланяются этим кумирам: мнению человеческого и царской воле. Простите и помолитесь о много-грешн<ом> и многоскорбном Антонии. Прошу помолиться и Матерь Августу.

¹ Очевидно, иг. Антоний высылал мон. Марии очередной отрывок из своего стихотворения «Мы, кажется, живем под Римом...» (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 13, л. 93 об.) (см. примеч. 24 к письму № 2 и примеч. 3 к письму № 4) в предыдущем несохранившемся письме.

* Ревизором. — Примеч. иг. Антония. Мытоимец — (буквально) сборщик мыта, т. е. податей, пошлин.

² См. предыдущее примеч.

³ В работе без заглавия середины 1860-х гг., посвященной состоянию современных монастырей, которую иг. Антоний, очевидно, готовил к публикации, он писал: «Мы <...> подаем формуляры и в 5-ти экземплярах о нашем поведении, нам даются паспорта с 7-ю печатями. 1-я герб листа, 2-я монастырская с орлом; но и с этими двумя жалкий монах должен сходить за 3-ю в консисторию, 4-ю к обер-прокурору, 5-ю к архимандриту благочинному, 6-ю к протоиерею благочинному, 7-ю к частному приставу части, где остановился на жительство, дать еще расписку, что не явится на лицо особам царской фамилии...» (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 12, л. 38).

⁴ Ср.: «Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху. Из них пять было мудрых и пять неразумных. Неразумные, взяв светильники свои, не взяли с собою масла. Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих» (Мф. XXV, 1—4).

⁵ См. примеч. 22 к письму № 2.

⁶ Свт. Игнатию (Брянчанинову).

⁷ Т. е. монашествующих.

6

26 февр<аля>.

Наконец получил я Вашу посылку,¹ пославши за нею соседку мою г-жу Энгельгардт,² которая очень расположена к нашей ничтожности. Когда прочту, дам отзыв. На гармонический Ваш ответ ч<еременецкому> узнику³ я не могу отвечать тем же. Приемлю с благодарностью сердечные звуки Ваши, но я, всегда рисовальщик, накидываю черным карандашом и акварелью маленький эскиз, в котором светлая душа если себя не увидит, то разве потому, что все перепутано в моих штрихах и красках.⁴ Страшное дело! Лучшие стихи мои Вам принадлежат: они почти всегда отзыв на Ваши: это эхо.

Весьма благодарен Высокопреосвященнейшему Владыке,⁵ что он посредством Вас передает мне свое отеческое и архипастырское благословение. Полагаю я, что попы еще раз подымутся.⁶

Здесь носятся слухи, что и Зеленецкому о. Иларию⁷ не миновать отставки, что будет и праведно, и достойно. А о. Аполлос⁸ поживает у Сергия.⁹ Бывши в Воскресенском,¹⁰ он расчувствовался и стал было так декламировать, что м. Варсонофия¹¹ попросила его умерить свои выражения, поелику матушка,¹² бывшая в другой комнате, может испугаться! Вот мы каковы! Вместо благодарности Господу Богу, пекущемуся о спасении нашем, мы восстаем на Промысел. И надо мною также носятся густые тучи. От доносов никто не избежит, а я, борясь с пьянством и невежеством лет 20 с лишком, заслуживаю премии.

Принявшись читать «Житие м. Марии Бородинской», я не мог от него отстать и прочел все, кроме последних писем. *Труд Ваш* совершился во славу Божию. Он так хорош, что я восхвалить его достойно не умею. Прекрасный, чистый слог без всякой тени литературных

украшений, а прямо от сердца исходящее слово. Любовь Ваша к почи-
вающей хотя и видна в теплых, задушевных похвалах, но и здесь со-
хранилась монашеская мерность, старческое, переданное Вам великим
Старцем,¹³ неподражаемое искусство. Картины первоначальной жиз-
ни и <гуменъ> Марии начертаны сильною, твердою рукою литерато-
ра, хотя и в них описатель всегда верен природе и не выставляет себя
нигде. Нет нигде манерности, не видно желанья блеснуть фразами,
а всегда плавное спокойное течение сильной речи, исполненной ума и
чувства. Выдержать 90 листов в равной мере духовного искусства мож-
но только с великим запасом внутренних сил. Молю Господа, чтобы не
мною одним, а всеми лицами духовными труды Ваши оценились по
достоинству. Я заметил одну только ошибку. В <еликую> княгиню
Александру Иосифовну называете Вы Алтенбургскою. Она принцесса
Саксен-Алтенбургская.¹⁴ Это прикажите исправить. Наперсный крест
по ошибке переписчика везде назван наперстным. «Т» лишнее. На
29 листке есть одно выражение, которое легко переименовать; сказано:
«много таковых из окрестных сел и деревень» и проч<ее>. Можно по-
вторить опять: «много страждущих». Русский язык это любит и допус-
кает,* но местоимения мало нам свойственны: можно сказать «бедст-
вующих». Больше не заметил ошибок, и надо бы отдать справедли-
вость Вашему переписчику: ошибок мало.

Стихи мои написаны до чтения жития м. М<арии>. Прочитавши,
я подтверждаю их как предчувствие, как эпитафию: святая душа и везде
хороша: хотя во дворце, хотя в шалаше. Жалею, что я приплел свои
площадные струйки к светлой реке: но быть так. Не более недели
оставлю Вашу тетрадь, и то для прочтения моей соседке.

Игум<ения> Д¹⁵ не получала 2-го креста. Похвалы последовали за
саккос, приготовленный еще Агафангелу,¹⁶ но припрятанный, поелику
осведомились, что остается ненадолго. Пригодился другому, точно
доброму человеку. А добрые люди — благодарны.

В начале жизни м. Марии все, что относится до первого ее брака,
едва ли будет пропущено цензурою. Но и это сократить и переделать
Вам легко. От этого не потеряет ничего самое повествование. Когда я
пишу это письмо, то нахожусь в борьбе с врагом рода человеческого,
который дышит в обманутых им душах. Но мне уже так наскучила эта
борьба, что пора врагу рода нашего вести открытую, а не пролазную
войну. Прошу заочно крепких молитв Ваших в подкрепление.

Если умру, то Вас уведомят — и если найдутся письма Ваши, то вы-
шлют обратно. Хоть это все тогда будет уже в воле Бога, а не моей.

* *Аз есмь пастырь добрый; пастырь добрый душу свою полагает за овцы.* — Примеч.
изг. Антония. (Ин. X, 11).

Святой и доброй попечительнице моей, Матери Августе, скажите, что носки ее шерстяные в самую пору на бумажные носки: поэтому мера в точности известна. А лучше, когда поровнее свяжет, потому что тонкие скоро носятся. Попросите ее усердных молитв о моей жалкой обители — истинном моем искушении. К моему строптивому характеру искушения могут налететь сами собою. Но я себя преодолевать не умею. Простите, сестра Мария!

М<ногогрешный> и<гумен> А<нтоний>.

Для журнала Вашей знакомой посылаю лучшее стихотворение из моих маленьких пьес.¹⁷

¹ Мон. Мария представила на суд иг. Антония свое сочинение — жизнеописание настоятельницы Бородинского монастыря иг. Марии (Тучковой).

² *Энгельгардт Анна Романовна (урожд. Хераскова) (1812—1886)* — жена Ф. В. Энгельгардта, помещика и владельца усадьбы Солнцев Берег на Черемнецком озере, частая посетительница иг. Антония в Черемнецком монастыре. Похоронена в с. Романчине Лужского района (см. о ней подробнее: *Мурашова Н. В., Мыслина Л. П.* Дворянские усадьбы С.-Петербургской губернии. Лужский район. СПб., 2001. С. 85—90).

³ Стихотворение мон. Марии «Ответ на ответ» (Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 87). См. Приложение, № 8.

⁴ Ответное стихотворение иг. Антония «Искры света» (РО ИРЛИ, инв. № 3577, л. 21). См. Приложение, № 9.

⁵ Свт. Игнатий (Брянчанинов).

⁶ Вероятно, иг. Антоний имеет в виду возможное продолжение полемических выпадов прот. Павла Матвеевского против изданных в 1862—1863 гг. В. И. Аскоченским нескольких богословских сочинений свт. Игнатия. См.: [*Свт. Игнатий (Брянчанинов)*]. Отзыв на рецензию сочинений преосвященного Игнатия, сделанную священником Павлом Матвеевским // Домашняя беседа. 1864. Вып. 3. С. 63—70; Вып. 4. С. 91—101; Вып. 5. С. 127—132. Подпись: Православный. Отд. оттиск: СПб., 1864. Под загл.: Отзыв православного на рецензию Слова о смерти и других сочинений епископа Игнатия священником Павлом Матвеевским, помещенную в сентябрьской книжке за 1863 год духовного журнала «Странник».

⁷ *Иларий*, архим. — настоятель Свято-Троицкого Зеленецкого мужского монастыря С.-Петербургской епархии с 1860 по 1866 г.

⁸ *Аполлос (Попов)* (ум. 1874), архим. — в период настоятельства свт. Игнатия (Брянчанинова) в Троице-Сергиевой Приморской пустыни был с 1836 г. казначеем, а с 1841 по 1844 г. — наместником обители; впоследствии настоятель Старо-Ладожского Никольского монастыря.

⁹ Троице-Сергиева Приморская пустынь.

¹⁰ Ново-Девичий Воскресенский женский монастырь в С.-Петербурге.

¹¹ *Варсонофия (Крымова)* (1800—1866), мон. — воспитанница графини А. А. Орловой-Чесменской, благочинная и казначая С.-Петербургского Воскресенского Новодевичьего монастыря. См. о ней подробнее в кн.: [*Снегирева С. И.*] Игуменья Феофания (Готовцева). СПб., 1868.

¹² *Феофания (Готовцева)* (1787—1866), иг. — первая игуменья и настоятельница С.-Петербургского Воскресенского Новодевичьего монастыря. См. о ней подробнее в кн., указанной в предыдущем примеч., а также: Краткое жизнеописание основательни-

цы Санкт-Петербургского Воскресенского Новодевичьего монастыря игуменьи Феофании (Готовцевой). СПб., 2000.

¹³ Т. е. свт. Игнатием (Брянчаниновым).

¹⁴ *Александра Иосифовна* (1830—1911) — великая княгиня, урожденная принцесса Александра-Фредерика-Генриетта-Антуанна-Марианна Саксен-Альтенбургская (см. о ней подробнее: *Кузьмин Ю. А.* Российская императорская фамилия. 1797—1917: Библиографический справочник. СПб., 2005).

¹⁵ Лицо не установлено.

¹⁶ *Агафангел (Соловьев)* (ум. 1876) — еп. Ревельский, викарий С.-Петербургской епархии в 1857—1860 гг.

¹⁷ Текст стихотворения в письме отсутствует. Возможно, иг. Антоний послал свое стихотворение «Богослов» (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 13, л. 82), единственное, увидевшее свет при жизни автора. Опубликовано под названием «Иоанн Богослов» в «Домашней беседе» В. И. Асоченского (1866. № 3. С. 73). См. Приложение, № 10.

7

Поблагодарите Вашу добрую и святую Старицу за ее попечение о членах моих, почти уже отслуживших. Руки мои были всегда слабы, не имели мышц, не могли поднять ничего тяжелого; нозе мои также слабейший член тела моего, едва держащие хилый остов. Отогревание их — есть отогревание и всего состава моего, следственно, и подъятие души, с телом сопряженной. Прошу положить земной поклон за меня к ногам Вашей доброй матери духовной за нозе мои и поцеловать руки ее за руки мои. Да поможет нам Господь ходити право по путям Его, и руце наши да потрудятся во славу Имени Его. Ваша тетрадь¹ была читана паки мною и соседкою моею, женщиною с добрым и прямым сердцем, с хорошим вкусом и образованностию.² Мнение то же, что и прежде и общее о первом браке и <гумении> М<арии>. Она славна под именем Тучковой, Тучково имя связано с Бородиным. О прежнем³ и упоминать не стоит. Можно выразиться приблизительно тако: и <гумения> М<ария> известна всем в России как верная истинная дочь Отечества и церкви православной; сынам России — она родная и памятная, как Нарышкина, как Тучкова, как родственница императоров и близкая по крови Петру Великому и Наталье Кирилловне; как знаменитая вдовица храброго генерала-героя, как основательница примерной обители, материнского, христианского приюта для ищущих спасения, добрая мать Богом хранимого гнезда; как восприемница великих княгинь — потому к имени ее не следовало бы даже и прибавлять кратковременного, скоропрешедшего названия по первом ее муже, с которым она рассталась в юности законно и праведно. Нравы его были, к сожалению, не согласны ни по чему с юною Нарышкиною, которая возвратилась обратно в свое семейство, как и вышла из него. Вот и все — это канва для Вашего твердого и прекрасного пера.

Еще раз прочту и тогда окончательно скажу мнение свое. Тетрадь Ваша так полна, что ее умаление нисколько не ослабит общего, сильного впечатления, а скорее выиграет отсечением этого эпизода.

Пишу накануне поста. Все праздничанья моих деток кончились, хотя мне досталось на этой неделе по делом моим. Доселе беспокойно сердце: конечно, потому, что не утверждено в Бозе своем.

Прошу помолиться обо мне, весьма грешном, хилом, ленивом и беспечном старце. О том же прошу и добрую Матерь Вашу. Вашим келейницам и жилищу вашему со всем живущим благословение.

М<ногогрешный> и<гумен> А<нтоний>.

Марта 1-го, 1864

На следующей неделе возвращу я вам Ваши труды. Эту неделю служу сам, хоть здоровье весьма плохо; не поклоны,⁴ а атмосфера алтаря, не очень теплая для меня, тяжеловата: но буди воля Божия на нас.

¹ Речь идет о работе Елизаветы Шаховой над жизнеописанием настоятельницы Бородинского монастыря иг. Марии (Тучковой). См. письмо № 6.

² А. Р. Энгельгардт. См. примеч. 2 к письму № 6.

³ Иг. Антоний имеет в виду неудачное первое замужество М. Тучковой, упоминаемое в письме № 6.

⁴ Церковный устав предусматривает Великим постом совершение большого количества земных поклонов.

8

Марта 22.

Если это письмо придет ко именинам Вашим, то поздравляю Вас с первым днем Ангела Вашего, преподобной Марии Египетской.¹ В ее седмицу и накануне Великого канона ныне празднуется день первой подвижницы всего монашества.² Помню я, что в Сретенском монастыре до 1812-го года хранилась стопа Марии Египетской (хотя это сомнительно).³ После пожара Москвы уцелела ли эта честная часть, преходившая Иордан и стоявшая на воздухе, не знаю? Я не был в Ср<етенском> мон<астыре>, но это читал в «Иерархии».⁴ По особенному моему почитанию памяти великого Ангела Вашего, хотел я в 1857-м году съездить туда нарочно, но тогда наступали на меня разные искушения и болезни ума: потому и остался я сиднем.

Благодарю за участие в расслабленном. Не ведаю, что происходит, но я всего охотнее лежу в постели. Посылаю недавно написанные легенды: одна, «Пещерник»,⁵ не вполне выставляет мою затаенную мысль,

что Спасителю тяжелее было судом праведным казнить предателя, отрещись от любимого (как от части своего тела, бросаемого в добычу хищным птицам ада), нежели страдать самому плотию. Страдание сердца всегда обнаруживается тяжким потом от сжатия сердца. Ужас подымлет и власы на теле нашем. Потому Гефсиманское томление было не менее ужасно страстей Иерусалимских.⁶ Эта моя мысль — за святость ее я не стою. Ум наш, особливо мой, романический, может легко обмануться.

Ваши телесные и сердечные страдания приемлю аки состраждущий Вам. Но если назначено на выбор: терпеть от людей или от болезней — то я предпочел бы эту чашу, хотя и она может быть нестерпимою.

Что сказать о последнем прибавлении к «Дом<ашней> беседе»?⁷ Прямо скажу, что я в одном пункте не вполне разделяю мнение Владыки о *газообразности* духов. Они были сотворены до мира сего (составленного из воды): они — огонь и дух, хотя имеют форму — *это непременно*: но субстанция их для нас непостижима, что она такое? Они вещественны, телесны; но вещество и тело их, из огня ли или из субстанции премирной, уму нашему решительно непостижимы. *Мнение* собственно *мое*, за которое я также не стою, таково, что духи и особенно будущие тела человеческие будут иметь возможность принимать на себя вид по желанию нашему или по внутренним нашим идеалам. Нельзя полагать, что преподобные, столетние, навсегда останутся со своею исхудалою и полумертвенною физиономиею. *Думаю я*, что при мысли старческой тело наше явится старческим, при детском и юношеском мышлении — юношеским или младенческим. Мы знаем, что Спаситель имел другой вид, являясь Магдалине в вертограде,⁸ и ученикам в Эммаусе,⁹ и при явлении св. Фекле во образе св. Павла:¹⁰ что явление Св. Духа в виде голубином¹¹ и в виде Ангела у дуба Мавр<ийского>¹² отчасти являет эту возможность воспринимать многообразные виды. Но это, как и многое утаенное, я не смею разрабатывать, как заповедное сокровище.

Прилагаемая «басня-веча» — истинное происшествие, с некоторыми дозволенными изменениями: это несчастное гонение поколебало всю мою решимость остаться в Тихвине до смерти¹³ и было отчасти причиною принятия настоятельства. Эта шутка выдержана лучше, нежели «Пещерник», по натуральной причине: легче быть Рембрандтом, нежели Рафаэлем. Сейчас припомнил, что в Введ<енский> монастырь¹⁴ по стечению обстоятельств поехал я в день св. Иоанна Божьего, к которому теперь волею и неволею прибило теми же волнами обстоятельств.¹⁵

«Голубогонитель»¹⁶ докажет Вам, что не полное уныние, а скорее болзнь тела мучит вашего слугу, за которого прошу вздохнуть. Все

еще в сомнении: не простуда ли действует вместо имороя. Хочу сделать себе комнатную баню.

Через несколько дней получите с почты 10 р<ублей> на лекарства Ваши. Сожалею, что не мог более сделать экономии.

Прошу честнейшую Старицу Вашу также воздохнуть о негодном старце, который становится плох. Кланяюсь ей и от св. Иоанна Божьего слова передаю благословение. Также и Преподобию Вашему.

Р. S. Для порядка надобно прочесть вначале «Пещерника», потом № 1, потом № 2, «Птицегонителя».¹⁷ Между ними есть связь. Гостей сегодня не было, потому ушел я составить эту коллекцию всякой всячины: но все-таки устал и оканчиваю, хотя бы хотелось побеседовать с Вами.

¹ Точная дата принятия послушницей Елизаветой монашеского пострига в мантию с именем Мария не установлена.

² Память прп. Марии Египетской (ум. 522) празднуется трижды в году: 1/14 апр.; в четверг пятой седмицы Великого поста, когда на утрене читается покаянный «Великий канон» Андрея Критского и житие прп. Марии Египетской (так называемое «стояние Марии Египетской»); в пятую неделю (т. е. пятое воскресенье) Великого поста. В 1864 г. день памяти прп. Марии пришелся на среду пятой седмицы Великого поста.

³ На месте будущего Сретенского мужского московского монастыря с 1385 г. существовала приходская церковь св. Марии Египетской. После принесения в Москву в 1395 г. из Владимира чудотворного образа Богоматери, чудесно избавившего город от нашествия татарского хана Темир-Аксака, вел. князь Василий Димитриевич основал здесь в 1396 г. Сретенскую обитель, один из храмов которой был посвящен св. Марии Египетской. В нем хранился ковчег с частицей мощей десной стопы преподобной, привезенной сюда из Константинополя в 1706 г. посланником Емельяном Украинцовым. Церковь была уничтожена в 1930 г. В настоящее время ковчег хранится в Государственном историческом музее (см.: Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России / Сост. Александром Ратшиным. М., 2000 (репринт); Монастыри: Краткий биографический словарь. М., 2004).

⁴ Иг. Антоний имеет в виду издание: *Амвросий (Орнатский)*, еп. История российской иерархии. М., 1807—1815. Ч. 1—6.

⁵ Поэма иг. Антония «Тихвинский пещерник» (РО ИРЛИ, инв. № 3577, л. 80—81 об.).

⁶ Сходная мысль впоследствии была развита митр. Антонием (Храповицким) в целую богословскую систему, утверждающую — в полемике с западным схоластическим «юридическим» пониманием искупления как «сатисфакции», удовлетворения за грех, что искупление Христом-Спасителем человечества совершилось не Его крестными страданиями, а Гефсиманским молением; тем самым умаляющую, оставляющую в тени божественную Голгофскую жертву. См. подробнее об этом: *Георгий Флоровский*, прот. Пути русского богословия. 3-е изд. YMCA-PRESS, 1983. С. 430—431.

⁷ Имеется в виду изданный редактором «Домашней беседы» В. И. Аскаченским труд свт. Игнатия «Прибавление к „Слову о смерти“». Взгляд на мнение западных о душах, аде и рае и особо дополнительные свидетельства (цитаты) о местонахождении ада и рая. Составлено Игнатием, епископом, жительствовавшим на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии». СПб., 1864.

⁸ См.: Ин. XX, 11—18.

⁹ См.: Лк. XXIV, 13—35.

¹⁰ *Фекла* (I в.), равноап. мч. — память 24 сент./7 окт. Приговоренная к сожжению на костре Фекла, как повествуется в ее житии, «сама поспешно шла к приготовленному костру и, сотворив крестное знамение, взошла и встала на верху костра, готовая сгореть <...>. Находясь на костре, она смотрела вперед и узрела в образе Павла Господа, стоящего и повелевающего ей быть твердою» (Жития святых на русский язык изложенные по руководству Четких Миней Св. Димитрия Ростовского с дополнениями, примечаниями и изображениями святых. М., 1991. Кн. I (сентябрь). С. 472).

¹¹ См.: Мф. III, 16; Ин. I, 32.

¹² См.: Быт. XVIII.

¹³ 12 сент. 1857 г. иг. Антоний был определен на «больничную вакансию» в Тихвинский монастырь, где в числе других исполнял должность библиотекаря (см. письмо иером. Антонию (Бочкову) прп. Макария Оптинского от 7 нояб. 1857 г., в котором, в частности, он писал: «Вам дано послушание, сродное Вашему настроению — книгохранилище, духовная пища, избавляющая от глада слышания слова Божия» // Несколько писем иеросхимонаха Сергия, известного под именем Святогорца, и других, к игумену Антонию Бочкову. Сообщил Д. Б. Изд. Имп. Общества истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1874. С. 19). Обстоятельства «тихвинского» периода жизни иг. Антония нашли отражение в поэтическом отрывке «И в том же Тихвине народном...» (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 13, л. 32 а). *Макарий (Иванов)* (1788—1860), прп. — из дворян. Ближайший духовный ученик первого оптинского старца о. Леониды (Наголкина). С 1834 г. подвизался в Оптиной пустыни, в 1836 г. был назначен духовником всей братии, а в 1839 г. — скитоначальником.

¹⁴ Введенский Островский Оятский монастырь С.-Петербургской епархии, где иг. Антоний с марта 1861 г. по март 1862 г. был настоятелем.

¹⁵ Иг. Антоний имеет в виду свое назначение настоятелем Иоанно-Богословского Черемнецкого монастыря, которое состоялось 23 марта 1862 г.

¹⁶ Автограф произведения в архивах РГИА и РО ИРЛИ не обнаружен.

¹⁷ Вероятно, «Голубогонитель» и «Птицегонитель», о которых идет речь в письме, являются одним и тем же произведением иг. Антония.

9

1-го апреля.

Отвечаю на Вашу импровизацию¹ в день Ангела Вашего, преподобной Марии Египетской.

Слабая былиночка,
К колям не склоняйся,
Лучше кругом крепкого
Дуба увивайся —
«Но его корение
Мрет и² засыхает», —
Слабое растение
Томно отвечает.
Было время светлое,³
Было время славы:
Над ильмом⁴ и ветлою —

*Верх его кудрявый:
В высоту безмерную
Ветви возвышались,
В глубину пещерную
Корни прорывались.**
А теперь в бессилии
Славный и великий:
И легкое былие,
Стебель повилики,
Десяти-столетнего
Обвивать страшится,
Чтоб от зноя летнего
С ним не сокрушиться.
Вот поэта дикого
Грубая картина
Нашего великого,
Ангельского чина.
Верховье могучего
Время** оборвало;
От вихря*** летучего
Сердце простонало.
У корене дерева
Уж лежит секира:
Наступает Зверев
Царство среди мира.
Засыхай же, былие,
С крепкою опорой.
Расправляет крылья
Ангел: скоро, скоро
Затрубит он медною
Громкою трубою
И громо-победною
Загремит пальбою.
И дождем живительным
Оживит растение —
Славно-победительным

* Еще в 1840-м году, в Новоезерске, написана была мною прозаическая поэма: «Повилика, обвивающая дуб». Потом мысль эта встретила у Башуцкого в его «Сосне»; теперь накидываю легкими красками, может быть, водяными, эту верную картину засыхающего монашества, к которому страшно прилепиться, особенно к нам, гнилым кольям. — *Примеч. иг. Антония.* Произведение «Повилика, обвивающая дуб» (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 12, л. 59—62) написано в жанре стихотворений в прозе, так же как и ранние произведения свт. Игнатия (Брянчанинова), например, «Сад во время зимы», «Кладбище», «Роса», «Чаша Христова» и др. (см.: Полное собрание творений... Т. 1. С. 165—532).

** [буря].

*** [ветра].

Словом* Воскресенья.
Хоть восстанет, примется
Много палым в Нитрии,⁵
Выше не поднимется
Славная Марии:
Поступию** смелою
Шла она рекою,
И лебедью белою
Взвилась над землею.⁶

И<гумен> А<нтоний>

Если желаете, то пошлите ко Владыке⁷ это последнее стихотворение, оканчивая его «Словом Воскресенья». Также и мою безделку о потухающей лампаде.⁸ Все это в духе Вашего Отца. Мои замечания о *газе*⁹ совершенно согласны с Вашими опасениями: но сообщить это В<лады>ке нельзя. Он не всегда бывает приемчив для замечаний. А Вы продолжайте настраивать свою арфу и, если пишете что-либо шуточное, — тем лучше. Веселость противопоставим унынию.

Я писать буду Владыке к празднику и сообщу ему мою собственную находку о молитве умной, не более как в оправдание сжатого положения тела, в котором она *изучается* вначале многоболезненно и трудно.¹⁰ Вл<ады>ка *слишком* много начитался и наслышался о ней,¹¹ а тайны иногда открываются туне и непросящим.

¹ Иг. Антоний пишет ответ на стихотворное послание мон. Марии «Семячко. (Посвящено Старцу о. и. Антонию и Старице монахине Августе)» (Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 94—95). См. Приложение, № 11.

² [мерзнет].

³ Иг. Антоний вставляет в текст восемь строк (выделены курсивом) вместо четырех зачеркнутых:

[В глубину пещерную
Корни прорывались,
В высоту безмерную
Ветви возвышались;]

⁴ Ильм, или берест — высокоствольное дерево из рода вязовых. Латинское название рода (*ilmus*) произошло от кельтского имени вяза — «elm». В русском языке слово «вяз» означало гибкий прут, свежая хворостина.

⁵ Египетская пустыня, один из центров монашества IV—VI вв.

⁶ Существует более поздний вариант этого стихотворения под названием «Дуб» (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 13, л. 14).

⁷ Т. е. свт. Игнатию (Брянчанинову).

⁸ Автограф произведения в архивах РГИА и РО ИРЛИ не обнаружен.

* [солнцем].

** [походкою].

⁹ Речь идет о богословском мнении свт. Игнатия о «газообразной» природе ангелов, высказанном им в «Прибавлении к „Слову о смерти“...». См. примеч. 7 к письму № 8. Иг. Антоний свое отношение к этому вопросу высказывал в письмах к разным лицам, в том числе свт. Феофану Затворнику (РО ИРЛИ, инв. № 3589, л. 4—5), а также написал на эту тему статью, оставшуюся неопубликованной (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 12, л. 47—56).

¹⁰ Имеется в виду положение тела подвижника при занятиях «умной» Иисусовой молитвой («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!»), одним из наиболее важных аскетических духовных деланий монашества.

¹¹ См. сочинения свт. Игнатия (Брянчанинова) «О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником» (Полное собрание творений... Т. 1. С. 187—276); «Слово о молитве Иисусовой» (Там же. Т. 2. С. 216—294); «Советы относительно душевного иноческого делания. Гл. 23—26» (Там же. Т. 5. С. 92—101).

10

Апр<еля> 8, 1864.

Последнее Ваше письмо, живое и радостное, и меня потешило и порадовало. Веселость Ваша, видно, духом передалась мне, и я без всякой заботы о Б. и о Néné¹ писал поэму, «как о. Герасим,² духовник и старец о. Аполлоса Ладожского, запертый им двойным замком, вылетел в трубу!». Истинное происшествие, а разгадывать не стану этого казуса. Получите поэму на Пасхе,³ тогда сами узнаете, что ларчик, в котором был замкнут авва Герасим, просто отпирался, без всяких чудес, хотя до разгадки идет все к чудесному. Если Вы позабыли старца, то я напому. Это валаамский иеромонах, низенький, толстенный, русенький, бывший до Ладоги во флоте, охотник покушать досыта, даже и полевою рыбку.⁴ Авва взял его в духовники того ради, что считал его смиренным, как курицу. И точно он был таков, старик целомудренный, благочестивый: в нем только были 2 слабости: охота насыщаться (по его словам: «Господь дал тело на питание, душу на догматы благочестия») и охота лечиться. У него текло иногда из уха и болезнь была сносная, только ему хотелось быть таким, как бы лет в 125, а ему было за 50. За притеснения (о которых писать больно доньше), кроме этого смешного казуса, он вышел из Никол<ьского>,⁵ переместился паки на Валаам, ездил лечиться в Сердоболь; там получил удар, а где умер — не знаю, едва ли не в Петербурге. Он твердо знал Сираха⁶ и многие места дневных проповедей Златоуста. Это знал он на свою беду. Он так насолил авве⁷ Сирахом, что тот его и запер, а о. Герасим с величайшим незлобием и редким благодушием перенес это и другое тягчайшее затворение, о котором писать не стану, ибо эти пакости уже трагедия. А я в себе чувствую способности более к юродству, нежели к премудрости.

Для Страстных дней посылаю «Гефсиманию»,⁸ которою я недоволен. Она не соответствует величию предмета; стихи хотя и гладки, но

не живы; иногда сбиваются на прозу: видно, что достались недаром. Я работал над ними с неделю и все остаюсь недовольным. Христианскую философию и богословские откровения редко можно вылить в стихи. «Рисуйте, говаривал Гете, не говорите много за себя и за других; у нас и так много говорунов; говорите сравнениями и фигурами».⁹ Для меня картины легче лиризма. Истинный поэт соединяет то и другое: А. П. Башуцкий охотнее декламирует и, надобно сказать, иногда превосходно, доколе не зафил<осо>фствуется.

Удивляюсь Каш<инской> амме.¹⁰ Нет ли клеветы? Монахинь белевских обвиняли в сношении с нечистою силою, в ереси, и все это за открытие своих помыслов старице, м. Анфий: она и 22 монахини были высланы из Белева: это ускорило кончину о. Леонида.¹¹ Но были дела и вроде каш<инского>.¹² Если бы Вы были игуменьей, то, конечно, исправили бы такие непорядки: Ваши грешки (имиже хвалитесь) послужили бы к пользе других, паче иных смирных добродетелей. Излишняя мягкость и осторожность лишают нас и друзей и врагов. Человек делается деревянною раскрашенною куклою без жизни.

Но рука моя вовсе не ходит. Гостей проводил; были хороши, обязательны, как нельзя лучше: конечно, опасались драматических со мною монологов и *щадили мою слабость*. Спаси Господи! Помогли по делам. Приехали и уехали без звона. Но слухи о развращении нашем паки передавались Е<го> В<ысокопреосвященств>ом¹³ о. Леониду Кавелину,¹⁴ который имел великодушие защищать меня лично. Я бы этого не хотел. Пусть бы говорили, что угодно. Старца нашего о. Леонида до смерти гнали и клеветали, и доселе еще многие сомневаются в святости этого необычайного по премудрости старца-юрода. Подобным быть было бы великою милостию Господа и Бога нашего.

Прилагаю окончательные стихи мои из «Гефсимании» к другим, Вам посланным. Но это все еще отрывки: не могу составить общего сочинения, которое бы мною утверждалось.

Если вздумается переглядеть бесчисленное множество моих стихов, то скажите Ваши замечания, имея в виду то, что я люблю ясность выражения и мысли, жертвуя для сего часто звучным стихом. Вы не найдете в моих виршах слов тривиальных: я их принимаю только в сочинении шуточном; но знаю, что слабых, прозаических стихов довольно найдется. До 1848-го года и даже до 1850-го я не читал ни журналов, ни стихов с 1836-го года. В эти 12 лет стихосложение уже так пошло вперед, что за ним мне следовать едва ли можно. А в 1851-м году в Ладогe я стал писать стихами. Потом, когда начал читать новейшие журналы, то ужаснулся слабости своих трудов; не говорю о мыслях, но о конструкции. После Фета, Бенедиктова, Мея, Майкова, Некрасова все *усечения* сделались уже смешными: *преклоненны*, *воспламененны* поч-

ти изгнаны из поэзии. Глаголы уступили место новым словам. Первый Грибоедов указал рудник рифм из составленных слов: без него «гусли» и «примусь ли» были неизвестны. М-сье Репетилова «что вы?» — «но-вы» и прочие окончания, которыми ныне злоупотребляют, как богатством туне данным, и расточают на шалости в «Искре». ¹⁵ К сожалению, великий талант Грибоедова не оценен доселе, и великое его знание русского языка осталось почти незамеченным.

Простите до Пасхи. ¹⁶ Есть дело: составление или исправление описания Чер<еменецкого> монастыря. ¹⁷ А Вы добирайте Ваши зерна хоть до 700, не только до 600. ¹⁸ Это доставит Вам и мне много добрых минут. Матери Вашей передайте мои поклоны. Прошу помолиться о м<ногогрешном> А<нтонии>.

Сожалею о брате Вашем, ¹⁹ понесшем казнь за чужие грехи. Ранняя его смерть свидетельствует, что он был угоден Господеву. Конечно, трудно покорить мысль свою такому бесславию, но душа христианская, возрождающаяся только в купели Крещения, имеет отца в Боге и Творце своем. Что нам до родителей наших — если бы они в самом деле подарили нам такое родимое пятно на всю жизнь. Бог с ними! Видно, юноша еще не доходил навыком веры до этой спокойной мысли.

И видел небесный Посланник,
Что в царстве его благодати
Нечистый из неба изгнанник
Прельстил уже многих из братьей,
Что крест потемнел, не сияет;
Мир скорбью, грехом утруженный,
Хулу на него изрыгает,
Как тать, ко кресту пригвожденный.
И что благовестия слово
Отвержено. Мир искупленный
Ругается Господу снова:
Позора хламидой червленой,
Хулы, поруганья порфирой
Того с торжеством облакает,
Кто кровью своей грехи мира,
Как волну ²⁰ овец убеляет.
Он слышал в ночи Гефсиманской,
В миг быстрых, летучих видений:
«Спаси же ты род христианский
И нас всех от ночи сомнений!»
Вопль книжников нашего рода,
Хулу слепоты горделивой
И бедную участь народа
Под властью несправедливой.
И новых своих фарисеев,
Которые казни позорной,
Смеясь, предают, как злодеев,

Кто слушает их непокорно,
Которые с низкою лестью
Пилатов казной утоляют,
И Иродов славой и честью
Из чести на царство венчают;
И сильные, с гордой улыбкой,
Богатые чуждым именем,²¹
Свой грех называют ошибкой,
Ошибки других преступленьем.
Он видел в час краткой молитвы,
Как Имя Его на знаменах
Водило в неправые битвы
Злодеев с крестом на коронах;
Он видел блудниц без фиала,
Не в плаче стыдом преклоненных,²²
Но гордо смотрящих в зеркало
Царицами братий плененных;*
От края до края земного —
Корысть и предательство всюду;
За золото продано слово;
Царя над царями Иуду!

И кто бы в сем страшном виденьи,
Любовию к ближним томимый,
Не стал бы молиться в бореньи,
Да чаша сия идет мимо?

Быть может, всезрящие очи
Весь мир во мгновение зрели,
Но этой убийственной ночи
Мы тайнств открыть не умели:

Росистое, хладное ложе,
Земля под густою оливой,
К тебе преклонялся Сын Божий — —
Доселе и ты молчалива.
И сад твой, как рай, орошенный
Кровавыми каплями пота²³ —
Не светел и он, озаренный
Светилами Искарюта.²⁴
Но здесь Он, наш Вожьдь благодатный,
Нося осуждение наше,
Спаситель склонялся трикратно,
Отца умоляя о чаше.
С главой приклоненной, прилипшей
К земле осуждений, проклятий,
Молился за род наш погибший,
Молился за ближних и братий.

* Так изображена одна государыня: перед нею богиня — кажется, истинно, держит круглое зеркало. — *Примеч. иг. Антония.*

И был Он один. Все молчало.
Луна на стене Соломона²⁵
И Храма тенью писала,

Гефсиманский сад и местоположение храма

Что сени преходят закона,
Что сени и буквы все мертвы —
Встает уже Слово живое;
Омоет и камни, и жертвы
Святой благовестий водою.
Что пали Эллады и Римы,
Всех требищ столпы и кумиры;
Из дебри Иерусалима
Течет исцеления миро.
Сад масличный, временно бывший
Свидетелем тайных молений,
Голгофа души, нас любившей!
Ты выше всех райских селений!²⁶

¹ Лица не установлены.

² Герасим (1802—1854), иером. — с 1846 по 1850 г. находился в Старо-Ладожском Никольском мужском монастыре, настоятелем которого в середине 1840-х гг. был назначен архим. Аполлос (Попов) (см. примеч. 8 к письму № 6). С марта 1848 г. сюда же был определен «по болезненному состоянию заштат» о. Антоний (Бочков).

³ Текст поэмы в архивах РГИА и РО ИРЛИ не обнаружен.

⁴ Вероятно, так иг. Антоний иронически именуется дичь, полевую птицу.

⁵ Т. е. Старо-Ладожский Никольский мужской монастырь.

⁶ Имеется в виду учительная книга Ветхого Завета — «Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова».

⁷ Авва — здесь в значении: духовник, настоятель. В данном случае речь идет о настоятеле, архим. Аполлосе (Попове).

⁸ Иг. Антоний, считая, что поэма «Тихвинский пещерник» «не вполне выставляет <его> затаенную мысль, что <...> Гефсиманское томление было не менее ужасно страстей Иерусалимских» (см. письмо № 8), выделил часть произведения, посвященную этой теме, и расширил ее до отдельной поэмы, получившей название «Гефсимания» (РО ИРЛИ, инв. № 3577, л. 90—91 об.).

⁹ Очевидно, иг. Антоний был знаком с первым изданием знаменитой книги И. П. Эккермана «Разговоры с Гете в последние годы его жизни» (*Gesprache mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens*. 1823—1832: В 3 т. 1836—1848).

¹⁰ Амма — мать духовная, которая принимает новоначальных инокинь под свое смотрение. *Антония (Мезенцева)* (1814—1875), иг. — в 1855—1875 гг. настоятельница Сретенского женского монастыря в г. Кашине Тверской епархии. Иг. Антония вела строго подвижническую жизнь. Монастырь достиг своего цветущего состояния по преимуществу во время ее управления. Помимо благоустройства самого монастыря была построена церковь, названная Кладбищенским Сретенским монастырем. Подробнее об этом см.: Кашинский Сретенский женский монастырь: Исторический очерк / Сост. И. Баженов. СПб., 1893. С. 21—24.

¹¹ Речь идет о преследовании монахинь Белевского Крестовоздвиженского монастыря, мон. Анфии и близких к ней духовных дочерей о. Леонида (в схиме Льва) (Наголкина) Оптинского (о нем см. примеч. 11 к письму № 4), обвиненных в вымышленных преступлениях за стремление проводить монашескую жизнь в духе святоотеческой традиции старчества (жительство послушника под руководством духовного отца, старца), наиболее выдающимся носителем которой в то время являлся о. Леонид.

¹² Вероятно, иг. Антоний имел в виду ситуацию, сложившуюся в связи с началом создания Рыбинского Софийского женского монастыря, на строительство которого по просьбе общины благочестивых жительниц Углича и Рыбинска благословил иг. Антонию ее духовник о. Петр Томаницкий. Подробнее об этом см.: Кашинского Сретенского монастыря игуменья Антония Мезенцева. Тверь, 1887; *Бухарев А.* Воспоминания об о. Петре. Ярославль, 1871.

¹³ *Исидор (Никольский)* (1799—1892), митр. — с 1860 г. и до кончины Новгородский, С.-Петербургский и Финляндский.

¹⁴ *Леонид (Кавелин)* (1822—1891), архим. — духовный писатель, насельник Оптиной пустыни с 1852 г. Обладая литературным дарованием, составил историческое описание Оптиной пустыни и написал несколько воспоминаний о ее старцах (см.: *Каширина В. В.* Литературное наследие Оптиной Пустыни. М., 2006. Именной указатель).

¹⁵ Издаваемый в 1859—1873 гг. В. С. Курочкиным и Н. А. Степановым еженедельный сатирический журнал «Искра» являлся органом демократической сатиры. Значительное место в журнале занимали сатирические стихи, куплеты и переводы самого В. С. Курочкина. Верность наблюдения иг. Антония подтверждалась отзывами современной ему критики (см.: *Ямпольский И.* Сатирическая журналистика 1860-х гг. Журнал революционной сатиры «Искра». (1859—1873). М., 1964). После издания двухтомного собрания стихотворений и переводов Курочкина (СПб., 1869) рецензенты называли его «первым русским юмористическим поэтом», сочетающим в своем творчестве «гражданина» и «художника», прежде всего понявшим, что «юмористическая поэзия требует самой изящной формы» (см.: *[Минаев Д. Д.]* Старая и новая поэзия // Дело. 1869. № 5. С. 21—40. Подпись: Аноним). Присущие поэзии Курочкина легкий синтаксис и легкий стих опирались на традицию водеvilных куплетов (см. о нем подробнее: *Сажин В. Н.* Курочкин Василий Степанович // Русские писатели. Т. 3. С. 237—240).

¹⁶ Пасха в 1864 г. праздновалась 19 апр.

¹⁷ В декабре 1863 г. Историко-статистический комитет, учрежденный для составления полного церковноисторического статистического описания С.-Петербургской епархии, обратился к настоятелям с просьбой подготовить и напечатать описания монастырей. Из-за работ по перестройке обители иг. Антоний закончил свой труд только через четыре года и в ноябре 1867 г. выслал в комитет. Это замечательное описание существует в нескольких редакциях (ЦГИА СПб., ф. 860, оп. 1, д. 813. Об историческом и статистическом описании Череменецкого монастыря от историко-статистического комитета. 27.12.1863—15.4.1870. Л. 50—63), но опубликован был не самый полный текст (см.: Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1871. Вып. 2.

С. 239—256). Иг. Антоний написал также заметку для «Домашней беседы» В. И. Аско-ченского «Черемнецкий Богословский монастырь» (1866. № 7. С. 187—189).

¹⁸ Имеются в виду занятия мон. Марии молитвой Иисусовой по четкам. «Зернами» иг. Антоний называет узелки или бусины четок, по которым считается количество прочитанных молитв.

¹⁹ Вероятно, речь идет о двоюродном брате мон. Марии, так как из родных она имела только старшую (на 10 лет) сестру Александру.

²⁰ Вólна — шерсть (*церк.-слав.*). См.: Ис. 1, 18.

²¹ См.: Мф. XXIII, 14.

²² См.: Лк. VII, 37—38.

²³ См.: Лк. XXII, 44.

²⁴ См.: Ин. XVIII, 3.

²⁵ Имеется в виду притвор Соломона, располагавшийся вдоль восточной стороны двора язычников Иерусалимского Храма, построенного Иродом Великим и находившегося невдалеке от Гефсиманского сада.

²⁶ Отрывок из поэмы иг. Антония «Гефсимания».

11

Мая 9.

Посылаю обратно биографию м. Марии.* Я писал о ней Наталье Петровне Киреевской, издательнице многочисленных Оптинских изданий;¹ уведомлял слегка о Вас и о ходе этого дела. Киреевская имеет невозбранный доступ до Моск<овского> Владыки,² потому я предложил ей осведомиться при самом благоприятном случае — нет ли слухов о Вашем труде? Вам он доставил много добра. Во-первых — видели, что Вы живете в занятиях христианских, не за одним кофеем или стряпней, и что можете, выставляя прошедшую добродетельную жизнь усопших, выставить на вид и настоящую жизнь непочивших и не дающих и другим покоя; во-вторых, невольное одобрение ото всех утверждает Вас как особу нелишнюю во всякой обители, потому и в Тверском монастыре. Настоятельница, иначе рассуждающая, подвергнет себя нареканию как преследовательница таланта: а в наше время хотят казаться покровителями просвещения и монашеского, и светского.

Праздник наш прошел благополучно.³ В день св. апостола мы хоть увидели и небо, и солнце; сегодня опять хлад и мгла. Но сердце мое непокойно: вчера я ходил токмо телом около монастырских стен, а сам был в затворе или лесу: так все это праздничное мне не по душе.

Вы прочтете прилагаемое к Вашей тетради описание в стихах нашей обители.**⁴ Других своих стихов не прилагаю: худо собраны и пере-

* Сегодня, в воскресенье, не принимаются посылки. Потому пошлется на днях. —

Примеч. иг. Антония.

** Тут и 4 видика, накиданные пером — верные. — Примеч. иг. Антония.

писаны. Я их никогда не назначал для печати, хотя тщеславие, всем нам свойственное, лет 12 тому и склоняло к тому. И как я благодарю теперь Бога, что все это не вышло напоказ! И слабо, и плохо, и не в духе нашего времени! *Ваша знакомая⁵ справедливо назвала все это исключительным родом.* Для кого это нужно? Довольно того, что самому автору доставит несколько приятных минут — и довольно.

Прилагаемое письмо Вашего духовного собрата и ученика свидетельствует, что он не искусился в управлении монахами нашего времени. Им ли предлагать в пример Антония и Макария?⁶ Предложи сам себя в пример — вот единственное, хотя трудное, средство заградить уста непослушных, а главное — успокоить свою совесть. На опыте мы видели о. Иннокентия Зеленецкого,⁷ который жил чисто и свято, даже *начинал отчитывать приходящих⁸* и попался в сетки к обманщику. Братия не любила его за доктрину и за натяжку и видела, что келейники обманывают и проводят изгонителя бесов. О. Иаков Новоезерский⁹ также восстал всею силою *науки духовной* на свое пьяное и распушенное братство: возится с ними много лет, а монастырь между тем постепенно разоряется: худые вышли, а лучших не приходит. Где их взять? Поэтому, ставши на корме хлебной барки, нельзя ею управлять как мачтовым военным кораблем или пароходом: довольно, если тянут бурлаки кое-как. Калязинский монастырь¹⁰ место прекрасное; полагаю я, что самое первое средство улучшения: объявить гласно, что не любим и преследуем пьянство, соблазняющее наиболее в городе. И потом сохранять — елико можно — благолепие священнослужения. Практический начальник о. Владимир Кобылин-птицегонитель¹¹ лучше других знает *свое дело*. Для братии его сорта всякие наставления он считает лишними, а между тем все идет и по службе, и по хозяйству очень хорошо. При Иларионе жили несравненно хуже, и порядка было вдесятеро меньше, а между тем Иларион был доктринер: славился благочестием и написал устав Коневский.¹²

Нелегко в наше время править монастырем. Всего лучше сознаться, что в наше время, при наших обстоятельствах — монашество невозможно и что мы, настоятели, правим из-за чего-нибудь... но едва ли для спасения других. Я, например, из-за теплой кельи и теплого платья, которого мне не дадут в общежитиях и заставят самого таскать дрова и есть, что попало. Богу ведомы мои внутренние страдания — но люди видят мой костыль. А укажите место, где спастись можно покаянием, — то сейчас все брошу. Окидывая и умом, и глазами и Восток, и Россию, приходишь к тому убеждению, что правильное монашество сошло с лица земли.

Пр<еосвященный> Игнатий умел по внешнему поставить Сергиеву пустынь¹³ в блестящее положение, хотя во внутренние, отдаленные

клети и он не заглядывал, да и взойти в них было страшно. Что за нравы? что за жизнь? что за мысли? какие желания? какие цели? А зато в церкви и трапезе в плесе и в лощенных сапогах, расчесанные и даже раздушенные монахи и монашки составляли нечто (хоть и не очень эстетическое), но хотя видное собрание;¹⁴

¹ *Киреевская Наталия Петровна* (1809—1900) — жена *Киреевского Ивана Васильевича* (1806—1856), религиозного философа, литературного критика, одного из основоположников русского славянофильства. С 1836 г. Наталья Петровна, а несколькими годами позже и Иван Васильевич становятся духовными чадами старца Оптиной пустыни нероским. Макария (Иванова) (см. о нем примеч. 13 к письму № 8). По точному замечанию В. А. Котельникова, «оптинское издательское дело родилось благодаря <...> встрече двух инициатив: иноческой и светской. И. В. Киреевский, в 1845 году издававший журнал „Москвитянин“, предложил о. Макарию помещать в журнале статьи религиозно-этического содержания. О. Макарий отвечал, что хотел бы напечатать жизнеописание Паисия Величковского. В 12-й книге „Москвитянина“ за 1845 год оно увидело свет. А в следующем году о. Макарий посетил Киреевских <...> и упомянул о хранящихся у него рукописях Паисиевых переводов. <...> было решено издать эти переводы» (*Котельников В. А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. М., 2002. С. 118—119*).

² *Филарет (Дроздов)* (1783—1867), свт., память 19 ноябр./2 дек. — митр. Московский и Коломенский. Содействовал чете Киреевских в их трудах по изданию святоотеческих творений.

³ Престольный праздник монастыря: день св. ап. и евангелиста Иоанна Богослова (ум. между 98—117) празднуется 8/21 мая.

⁴ Стихотворения иг. Антония «Цветы от Вас кладу в альбом...» и «Череменец» (РО ИРЛИ, инв. № 3577, л. 14—14 об., 94—95). См. Приложение, № 12, 13. Мон. Мария ответила стихотворением «Элегия» (Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 90). См. Приложение, № 14.

⁵ Лицо не установлено.

⁶ Имеются в виду *Антоний Великий* (ум. 356), прп. (основатель монашества), память 17/30 янв. и *Макарий Великий* (ум. 390—391), прп., память 19 янв./1 февр. — египетские подвижники IV в.

⁷ *Иннокентий (Немиров)*, архим. — настоятель Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря с 1852 по 1855 г.

⁸ Имеется в виду церковный чин молитвы об одержимых: «Последование молебное о страждущих от духов нечистых», в просторечии — «отчитка».

⁹ *Иаков*, архим. — настоятель Кириллово-Новоезерского монастыря с 1857 по 1866 г.

¹⁰ Троицкий Калязинский мужской монастырь основан около 1450 г. прп. Макарием близ г. Калязина. В 1940—1941 гг. был затоплен водами Угличского водохранилища.

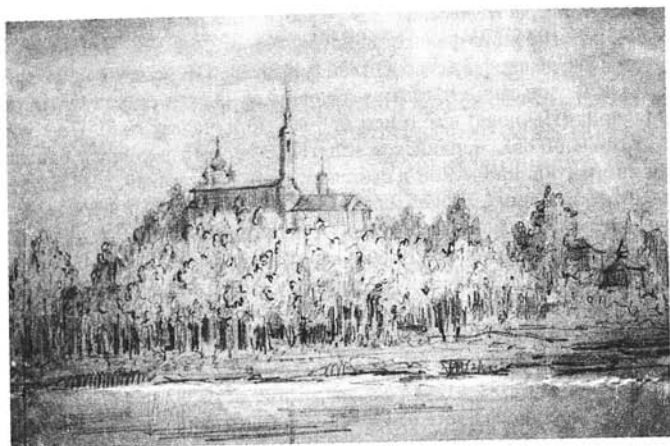
¹¹ *Владимир (Кобылин)* (1806—1878), архим. — настоятель Тихвинского Успенского монастыря с 1855 по 1878 г.

¹² *Иларион (Кириллов)* (1776—1850), архим. — настоятель Тихвинского Успенского монастыря с 1823 по 1850 г. До перевода в Тихвинский монастырь с 1799 г. он пребывал в Коневецком монастыре, где в 1801 г. был пострижен в монахи, а в 1807 г. произведен в строители монастыря. За время 16-летнего управления Коневецким монастырем о. Иларион воссоздал обитель внешне и внутренне: собрал братию, завел, по примеру Валаамской обители, все три рода монашеской жизни: общежительную, скитскую и пустынно-жительство, составил правила иноческой жизни.

¹³ Приморская Троице-Сергиева пустынь, настоятелем которой свт. Игнатий (Брянчанинов) был с 1834 по 1857 г.

¹⁴ Окончание письма отсутствует.

12

Черемнецкий монастырь

Х<ристос> В<оскресе>!

Письмо Ваше от 17-го мая получил. Надеюсь, что Вы получили биографию м. Марии Тучковой, посланную 12-го мая, на что имею я почтовую квитанцию. Желаю, чтоб Вы написали что-нибудь в похвалу св. великого вашего князя.¹ Недавно в библиотеке Энгельгардт² попались мне стихотворения Рылеева и между ними маленькая баллада: «К<нязь> М<ихаил> Я<рославич> Тверской».³ Ничего особенного, и невелика; когда будет время, я спишу или велю списать. Казначей мой⁴ привез 10 экз<емпляров> Ваших стихотворений.⁵ 5 книжек посылаю. 5 книжек, довольно отсыревших, остаются у меня. Я не успел их пересмотреть. Вчера было служение, потом гости, потом с младшею братиею ездил я в Деревенец⁶ собирать и выжигать сучья. Собрали огромную грудку и зажгли к великому удовольствию юношества. Осталось еще груд 5 несожженных. Пламя было так велико, что начала было гореть соседняя травка и коренья. Потому большей иллюминации не было.

Не получая еще Вашего последнего письма, я уже ответил моим последним. Уповаю, что все пройдет благополучно. Простите. Спешу проводить на почту и прошу Ваших св. молитв, также и Матери Августы. По пробежании Вашей книжки — скажу свое братское мнение. *Какого вида и роста Ваш о. Виктор?*⁷ Это не бывший ли Тихвинский за-

коноучитель? Что он? Архимандрит или просто игумен или иеромонах? Радуюсь, что водится простотою и смирением: они приводят к евангельским стезям, а высокоумие и внешняя святость частенько сводят — и навсегда — с прямого пути. Молю Бога, да водворится монашество в Калязине. Мне очень понравился монастырь, когда я проезжал мимо на пароходе по Волге. Отрадное, веселое место: прп. Макарий празднуется в день моего Ангела, св. Алексия, человека Божия.⁸ В «Иерархии»⁹ я с любопытством прочел о нем, еще бывши в Тихвине. Но, может быть, теперь запущен: это потребует времени и всего усердия, которое бы при других обстоятельствах могло устремиться на духовное устройство. Бедственное положение обителей наших! Не то, так другое отвлекает от монашества. «Гефсиманию» свою почти кончил, и стихов написана лишняя одна всего страница; но мне великого труда стоило провести общую нить между строками. А фарсы пишутся легко. Цинизм, видно, в духе духа мира сего. Он и нашептывает.

Простите до следующего письма.

25 мая

При сем прилагаю письмо, данное казначею в Петербурге от родственников Ваших. Паки Ваш.

¹ Св. блгв. вел. кн. Михаил Ярославич Тверской. См. примеч. 13 к письму № 2.

² А. Р. Энгельгардт. См. о ней примеч. 2 к письму № 6.

³ Речь идет о «Думе» К. Ф. Рылеева «Михаил Тверской», которую иг. Антоний мог прочесть в изданиях: Думы. Сочинения К. Рылеева. М., 1825; *Рылеев К.* Полн. собр. соч. Лейпциг, 1861 (Б-ка русских авторов. Т. 1).

⁴ Иоанн (Краев), иерод. О нем см. примеч. 5 к письму № 2.

⁵ Мон. Мария выслала иг. Антонию несколько экземпляров последнего из своих изданных стихотворных сборников: *Шахова Е.* Мирянка и отшельница. Стихотворения: В 2 ч. СПб., 1849.

⁶ Деревенец — соседний с островом, на котором расположен Черменецкий монастырь, полуостров, также принадлежавший обители.

⁷ Вероятно, мон. Мария принимала участие в устройстве о. Виктора на новом месте его служения.

⁸ Макарий (Матфей Кожя) (ум. 1483), прп., память 17/30 марта — игумен Калязинский. В этот же день празднуется память Алексия, человека Божия (ум. 411), прп.

⁹ См. примеч. 4 к письму № 8.

13

<Не ранее 25 мая 1864>

Несколько слов о стихах Ваших.¹

«Разум и вера» прекрасное переложение,² только 2 ст<иха> «великими и мутными их видел разум мой, / А милыми и ясными узрели очи веры», конечно, по ошибке без размера.

В «Мудреце» «И с Бога тайные одежды *сволокли*»; не правильнее ли «*совлекли*»?

«Любовь и бессмертие». Прекрасное, высокое стихотворение, выдержанное от начала до конца на высоте.

«Мадонна». Необыкновенно сильное для женщины стихотворение, исполненное глубокого чувства; но жаль, что частые перемены размера (неизвестно для чего автором сделанные) останавливают слушателя или читателя, который готов отдаться этой поэме душою. Но в ней нет того, что называется *couleur loqual*,³ местных оттенков. Кто они — эти люди? где? Эта *пальма* и олива указывают, по крайней мере, на юг Италии. Пальмы нет у нас в Крыму, да и в Италии она уже истинная редкость. Уничтожить *одно* это слово легко. Да и размеры должно проверить. Особливо перелив на стр. 204 «Долго и тщетно и я ум утруждал» после предыдущего размера несколько странно. Но, оставя эти вольности автора (показывающие только, что он владеет стихом и выставляет это), поэма *по своему времени* была точно замечательным байронизмом.

В том же роде, с тем же чувством написана исповедь безумного с теми же красотою и полнотою чувства, с тою же туманною обстановкою. Я очень верю, что любители поэзии вглядывались в эти завидные начала, ожидая, каков будет конец этого юного и сильного таланта,⁴ — и Вы положили его к ногам Мадонны как ненужный для монашеской кельи букет очень пышных густых цветов, полных густого аромата.

На первый раз довольно. Повторю только, что весьма трудно поэзию заманивать в монашескую келью. Она — эта увенчанная лаврами, дубовыми венками, розами и миртами полная женщина, как Флора Фарнезская⁵ или как Нимфа Кановы,⁶ летучая, легкая — перейдя в наши обиталища, озирается, совестится, стыдится своей греческой или итальянской одежды, и редко может *от сердца* сыграть что-либо на гусях наших после своей лиры или арфы, и, накидывая на себя черную волосяную одежду, глядит странно на раскинутые пред нею монашеские ноты и темы. «Grand Dieu! что это такое? ужас! Посмотрим, попробуем... Да, есть недурные мотивы... но все что-то сухо, сдержанно; а это?.. слишком небесно, неуловимо; нельзя обнять его никакими звуками!». И действительно, начиная со стихов Димитрия Ростовского⁷ и его современников до сего дня и до меня грешного монашеская поэзия ничего не прозвучала полного, соответственного духу своему. О силлабах Киевских⁸ и говорить нечего: лучше бы их никогда

не было: вот ужас! Потом все рифмованные переложения Псалмов, разных священников, разных архимандритов, нотные и ненотные: все это, включая туда и Святогорца,⁹ слабо и непоэтично до крайности.* Давид остается неподражаем. Но для музы нашего времени Моавы и Едомы¹⁰ чужды и скучны. Задача неразрешимая. Как писать монаху стихами? Несколько раз я думывал о размере. Размером «Наташи, купеческой дочери» Пушкина написан у меня «Евлогий Каменосечец»:¹¹ написал, и потом самому стало стыдно. Размер для божественного сочинения должен быть иной, противу светского. Модернизованная Мария Египетская мне (сказать между нами, на ухо) казалась иногда особою нашего времени, актрисою настоящей Марии, также и Феодора Александрийская, моего стихосложения.¹² Проверьте, если не скучно, «Тихвинского затворника»:¹³ где нет рифмы — там все и лучше, и выше; начались отзвучия, и ум стал разбегаться. Но писать без рифмы нужно столько иметь поэзии и гармонии в душе, в руке, в ухе, что это становится почти невозможным делом. Русское ухо очень любит рифму, ребяческое и старческое. В прозе нашей частенько ее употребляли наши риторы, особливо глагольные рифмы «созидает», «укрепляет», «утешает» и так далее. Особенно акафисты, в том числе Николаю Чудотворцу, переполнены рифмами кстати и некстати без заботы о размере: рифма все украшала. И выйти из этого обаяния, из этой пещеры «Нимфа-Эхо» не хочется к простому Божию миру. Он слишком велик и высок для наших сил. Его охватить могла только мысль Дави-

* Стихи Затворника Георгия — это черные пятна на светлых его письмах. — *Примеч. иг. Антония. Машурин Георгий Алексеевич* (1789—1836) — затворник Задонского Богородицкого монастыря. Происходил из дворян г. Вологды. В 1807 г. поступил на военную службу. С 1818 г. — послушник Задонского Богородицкого монастыря, в 1829 г. принял подвиг затворничества. Оставаясь в затворе, вел обширную переписку с ищущими у него молитвенной помощи и духовного совета. Монах Оптиной пустыни Петр (Григоров) в 1839 г. издал в Университетской типографии небольшой сборник «Письма в Бозе почивающего затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия», который был им расширен до трехтомника при следующем издании (М., 1844—1845. 2-е изд.) и явился основой всех последующих переизданий, выходивших в каждое последующее десятилетие (ср.: Письма в Бозе почивающего затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия, с присовокуплением краткого известия о жизни его, составленные из записок живших при нем келейных, собранные Козельской Введенской Оптиной пустыни монахом Порфирием Григоровым: В 3 ч. 4-е изд. Воронеж, 1860). Помимо писем к разным лицам в издании помещены выписки Георгия из Священного Писания и отцов церкви и его размышления. В свои письма он часто вставлял рифмованные строки и целые стихотворения, написанные без правил версификации.

да, Соломона и пророков. Поэзия монашеская, видно, еще не начиналась. Наши опыты не подвинут ее вперед. Но от этого монашеству ни лучше, ни хуже. Я бы желал видеть его собственное обновление, Паисия¹⁴ наших времен, но уже и Нямец теперь в разорении,¹⁵ и последние ветви молдавского винограда¹⁶ засохли в Оптиной пустыни.¹⁷ Пусть и поэзия наша уснет, когда нет духа в нашем монашеству; одно сонное повторение древнего устава со всевозможными сокращениями и ослаблениями, со штатами и классами. Что это такое? Но, слава Богу, что и это доселе сохранилось.

Простите, что я пишу давно известное, скучное, повторяю говоренное, и Вам ничего доброго не принесут мои строки: минуты две-три чтения неразборчивого почерка. Но и самому мне не влить в себя вина нового в мехи ветхи.¹⁸ Слава Богу о всем.¹⁹ Его Св<ятой> Дух все оживляет и всюду дышит. Если во мне все угасло — пусть другие оживут. Но есть сокровенное в душе человека: намерения, желания, не исполненные от препятствий мирских: там они воскреснут и оживут, где ничто благое не пропадает.

¹ Иг. Антоний передает свое мнение о произведениях Е. Шаховой из последнего ее сборника «Мирянка и отшельница» (СПб., 1849) (см. письмо № 12): стихотворениях «Разум и вера» (Собрание сочинений в стихах. Ч. 1. С. 164), «Мудрецы» (Там же. С. 163) и поэмах «Любовь и бессмертие» (Там же. Ч. 3. С. 129—137), «Мадонна» (Там же. С. 138—154), «Исповедь безумного» (Там же. С. 155—164).

² Источник не установлен.

³ Местный колорит (*франц.*).

⁴ Действительно, Н. А. Полевой в рецензии на сборник повестей в стихах Е. Шаховой 1842 г. называл ее «любимицей муз, уже известной читателям своими прежними стихотворениями», и высказывал уверенность в том, что «можно поручиться за успех и новых повестей ее» (*Полевой Н. Повести в стихах Елизаветы Шаховой*. СПб.: Типогр. К. Вингебера и сына, 1842 // *Русский вестник*. 1842. Т. 6. Отд. III. С. 28. В рубрике «Новые русские книги. 1842 год»). П. А. Плетнев также писал о Е. Шаховой, как о «явлении чрезвычайно любопытном, а еще более увлекающем душу надеждами» (Повести в стихах Елизаветы Шаховой. 1. Перст Божий, 2. Странный красавец, 3. Изгнанник и — Эпилог // *Современник*. 1842. Т. 26. Отд. II. С. 51—52. Авт.: П. А. Плетнев).

⁵ «Флора Фарнезская» — античная статуя, хранящаяся в национальном археологическом музее Неаполя, известная во многих копиях. Копия статуи XVIII в., взятая из Таврического дворца, была установлена в 1833 г. на центральной аллее бульвара, разбитого вдоль фасада Главного Адмиралтейства. В первой половине XIX в. бульвар был модным местом прогулок петербургской аристократии. См.: Сады и парки Ленинграда. Л., 1981.

⁶ «Нимфа спящая» (1820) — скульптура Антонио Кановы (1757—1822), итал. скульптора и живописца, одного из ведущих представителей неоклассицизма. Эта скульптура

не вполне соответствует характеристике, данной иг. Антонием; к тому же ее нет среди произведений Кановы, поступавших в Зимний дворец из частных собраний с 1815 г., а в 1852 г. перенесенных в Новый Эрмитаж и ставших общедоступными. Возможно, иг. Антоний, говоря о «нимфе», имел в виду некий собирательный образ женских мраморных статуй Кановы из эрмитажной коллекции, например, «Гебы» (1796), «Танцовщицы» (1809), «Трех граций» (1813—1816). См. подробнее: *Косарева Н. К.* Канова и его произведения в Эрмитаже. 2-е изд. Л., 1963; *Della vita di Antonio Canova libri quattro compilati da Melchior Missirini.* Prato, 1824.

⁷ *Димитрий (Туптало)* (1651—1709), свт., память 21 сент./4 окт., 28 окт./10 нояб. — митр. Ростовский, писатель и проповедник, чьи произведения к середине XIX в. были широко распространены во всех слоях русского общества. Помимо многократно переиздававшейся в XVIII—XIX вв. «Книги житий святых (Миней Четых)» в первой половине XIX в. вышло несколько собраний его сочинений, а также отдельное издание: *Пять стихословий.* СПб., 1850, переизданное в 1853 г. (см. подробнее о нем: *Федотова М. А.* Димитрий (в миру Даниил Савич Туптало) // *Словарь книжников и книжности Древней Руси* / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1. С. 258—271).

⁸ Иг. Антоний имел в виду виршевую духовную поэзию, появившуюся под католическим влиянием на Украине и оттуда распространившуюся в России (см. подробнее об этом: *Былинин В. К., Илюшин А. А.* Начало русского виршеписания // *Виршевая поэзия* (первая половина XVII века). М., 1980. С. 5—20).

⁹ Несомненно, иг. Антоний был знаком со сборником: *Стихотворения Святогорца*, собранные после его смерти и посвященные любителям и благотворителям Св. Горы Афонской и пользам русского монастыря св. великомученика и целебника Пантелеимона. СПб., 1861.

¹⁰ Ветхозаветные образы: Моав — сын Лота; Эдом (Едом) — старший из близнецов Исаака — Исав.

¹¹ Иг. Антоний имеет в виду стихотворные переложения собственного сочинения нескольких житий из «Пролога» — синаксария (от греч. συνάξω — сожму, собираю), или свода сокращенных житий святых, поучительных слов Василия Великого, Иоанна Златоустого и других св. отцов, расположенных по числам месяца. Об этом в письме неустановленному адресату от 30 окт. 1856 г. иг. Антоний писал: «Посылаю Вам стихи моего кропанья. Это переделано из Пролога, и давно уже, по приезде из Афона. Я был тогда болен желчною болезнию, не выходил из кельи и преложил много из Четий-Миней» (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 11, л. 4).

¹² Житие прп. Феодоры Александрийской // РО ИРЛИ, инв. № 3577, л. 85—88 об.

¹³ Имеется в виду поэма иг. Антония «Тихвинский пещерник». См. примеч. 5 к письму № 8.

¹⁴ *Паисий (Величковский)* (1722—1794), архим., прп., память 15/28 нояб. — настоятель Нямецкого Вознесенского монастыря. Учился в Киево-Могилянской академии, в семнадцатилетнем возрасте поступил в Любечский монастырь Черниговской епархии, затем, сменив несколько малороссийских монастырей, перешел в скит Трейстены в Молдовлях, затем — в скит Крискул. В 1746 г. переселился на Афон, где основал собственную монашескую общину — скит св. Илии. В 1763 г. с 64 монахами возвратился в Молдовлях по приглашению тамошнего господаря и сделан настоятелем монастыря Драгомирны. После русско-турецкой войны 1768 г., когда часть валахских земель отошла к Австрии, перешел сначала в Секульский, а затем в Нямецкий монастырь, который под его

руководством достиг подлинного расцвета. Являлся деятельным сторонником устроения монашеской жизни на основе святоотеческих писаний, продолжателем утерянной к XVIII в. в России традиции старчества, воспитал плеяду последователей. Отличался строгой подвижнической жизнью и любовью к духовному образованию, до последних дней занимался переводами и исправлением творений св. отцов. Издания его переводов «Добротолюбия», Исаака Сирина, Феодора Студита, Григория Паламы, Максима Исповедника и других долгое время оставались единственными в русской литературе и составили впоследствии целую святоотеческую библиотеку (см. подробнее: *Сергий Четвериков*, прот. Молдавский старец схиархимандрит Паисий Величковский: Его жизнь, труды и влияние на православное монашество // *Путь жизни*. 1938. Вып. 2. 126 с.); *Майнариди А.* «Slavia Orthodoxa» в эпоху Просвещения. Литературная деятельность старца Паисия Величковского // *Труды Отдела древнерусской литературы*. СПб., 2007. Т. 58. С. 927—939.

¹⁵ Нямецкий Вознесенский монастырь, основан в XIV в. Расположен в 120 верстах от г. Яссы на территории современной Румынии. Иг. Антоний имеет в виду упадок духовной жизни монастыря, последовавший после кончины прп. Паисия (Величковского).

¹⁶ Имеется в виду переселение в царствование императора Александра I, по приглашению первого митрополита С.-Петербургского и Новгородского *Гавриила (Петрова)* (1730—1801), из Молдавии в Россию последователей архим. Паисия (Величковского), среди которых были такие выдающиеся носители традиции старчества, как *схимон. Феодор (Пользиков)* (1756—1822), *иеросхимон. Клеопа (Антонов)* (1749—1816) и иеросхимон. Леонид (см. о нем примеч. 11 к письму № 4).

¹⁷ Оценки монашеской жизни в Оптиной пустыни, высказываемые иг. Антонием в 1860-е гг., отличались преувеличенным критицизмом. Например, в работе без заглавия, посвященной теме российских монастырей, он писал: «Желал бы я видеть где-либо настоящее скитское устройство, хотя эта христианская практическая философия: познание своей греховности и целение своей души — не прививается к нам, русским. К тому же монастыри с прославленною святостью: с иконами, с мощами — привлекают мирских; и обитель безмолвия делается сначала молебным местом, потом ярмонкою. Цель скита совсем другая, но и в Оптиной пустыни — барыни, цветочки, нотное пение — дали какой-то особенный вид пустынному прекрасному просёку. Он стал некоею выставкою оленей за забором <...> Если туда забралась суета, то где искать идеального скита?» (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 12, л. 36).

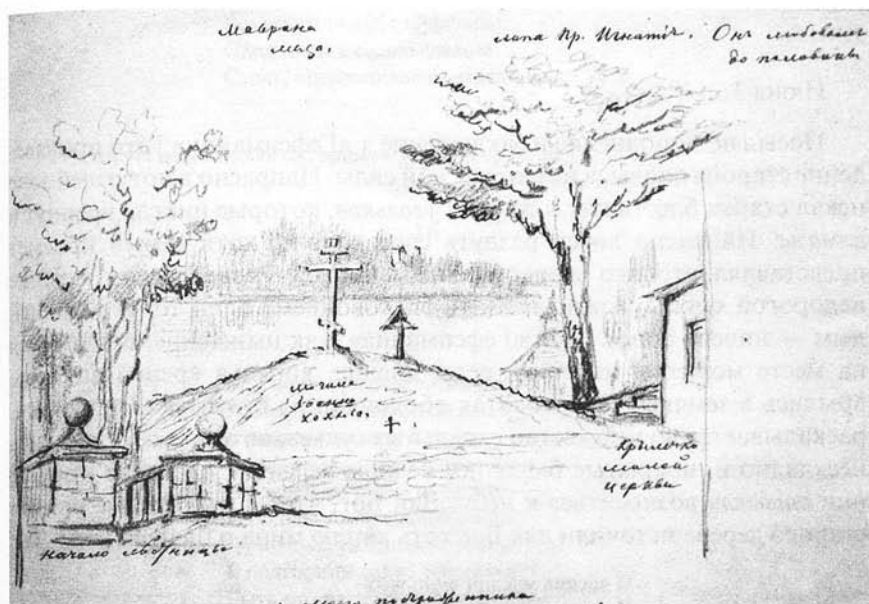
¹⁸ Мф. IX, 17; Мк. II, 22; Лк. V, 37—38.

¹⁹ Слова свт. Иоанна Златоуста, произнесенные перед кончиной, ставшие своеобразным «крылатым выражением» церковного обихода.

14

<Мая 29, 1864>

Одна из здешних барынь, вдова декабриста Артамона Захаровича Муравьева,¹ урожденная Горянкова, была знакома с покойною М<а-рией> Тучковой и сохранила ее оригинальные письма. Завтра 30 мая поеду я повидаться с нею и узнать что-либо о вашей бывшей настоятельнице.

Вид на Черемнецкий монастырь с монастырского холма

Липа Пр^{еосвященного} Игнатия.² Он любовался ею: она видима до половины, корень скрыт горкою.

Начало лестницы.³

Могила Иоанна Хохлова.*

Крылечко малой церкви.⁴

«Маврина мыза».⁵

¹ Муравьев Артемий Захарович (1794—1846) — полковник Ахтырского гусарского полка, член Союза спасения, Союза благоденствия и Южного общества. Осужден на пожизненную каторгу. Семье Муравьевых принадлежало родовое имение Наволок, находящееся на Черемнецком озере по соседству с Иоанно-Богословским Черемнецким монастырем.

² Свт. Игнатий (Брянчанинов). Архим. Игнатий, будучи с 1838 по 1857 г. благочинным с.-петербургских монастырей, неоднократно посещал Черемнецкий монастырь.

³ Лестница с чугунной решеткой (завершена в 1841 г.), ведущая от св. врат обители к храмам, расположенным на вершине монастырского холма.

⁴ Спасо-Преображенская «теплая» церковь монастыря (построена в 1707 г.).

⁵ Маврина мыза — дача, вероятно, принадлежавшая семейству Глинок-Мавриных, чье имение Нежговицы было ближайшим к монастырю.

* <Могила> моего постриженника и помощника. Жил 10 месяц^{ев} в обители лучше 10 многих лет. — Примеч. иг. Антония. Рясофорный послушник Иоанн Хохлов (ум. 1863).

Июня 3.

Посылаю дополнение и заключение к «Гефсимании»;¹ это произведение старой головы, а не юношеской силы. Напрасно в потухшей золе искал старец блестящих и жарких *угольков*, которые иногда крепнут в *алмазы*. Напрасно хотел раздуть свое кадило, хотя самый предмет представлял столько жаркого, пламенного.* Разве легкое курение недорогой смолы можно назвать благовонием? один только слабый дым — ничего более. Моя «Гефсимания», как нынешние, оставшиеся на месте молитвы маслины, седа, бледна, корни крепко впились, врылись в землю;** шероховатая оболочка пня струится морщинами, раскалывается во множество отдельных сучьев, которые перепутались нескладно и, покрытые бледною, мелкою зеленью, клонятся к земле; они *отвыкли* возноситься к небу. Дай Бог, чтобы незрелые оливки старого дерева источили для Вас хоть каплю мира и благовония.

И восемь маслин одиноких
С седою главой, серебристой,
Склоненных к земле, невысоких
Окрепи в земле каменистой.
Над ними промчались веки
И волны крестовых походов;
Секирой Господней просѣки
Пробилися между народов.
И после убийства, пленений
Ослепших детей Авраама,
Как облак исчезла, как тени
Вся честь Соломонова храма.
И римлян полки проходили,
Ведомые Веспасианом;
Стадами орлы воспарили
Над трупом собравшись станом;
Война и огонь и секира,
Копыта коней мусульманских
И бури и прах всего мира
Шли мимо маслин Гефсиманских;
Но в долгом плену постарели
Они на своем Елеоне;
К стыду христиан и доселе
Не крест, а луна на Сионе.
От Божия гнева и зною

* А образ, которому кадить хотел я, — так хорош! Моление о чаше заслуживало самого драгоценного фимиама. — *Примеч. иг. Антония.*

** Это мысли старческой наблюдательности, укрепившейся годами, но в них нет жизни и бегучести лучших дней. — *Примеч. иг. Антония.*

Все вышло в русле долины:
Одни лишь с седю главою
Стоят, преклонившись, маслины.

¹ О поэме «Гефсимания» см. примеч. 8 к письму № 10.

16

Июня 14-го.
пророка Елисея.

Мы знаем три страшных поклона,
Какими молился Создатель
В подгорном саду Елеона,
Пред тем, как явился предатель,
Но знаем ли тайну молений
И подвиг томительной брани
Духовных, ужасных борений
В подгорном саду Гефсимани?¹
Быть может: не гвозди, не тёрны
Венца, возложенного Римом,
Не горечь всей чаши позорной,
Испитой во граде любимом,
Не стыд обнаженного тела,
Но мысль: ученик вероломный!
Тяжеле креста тяготела
Над вольным страдальцем невинным,
Когда он повержен молился
Под темным навесом маслинным,
Когда с главы гладкой струился
Пот крупными каплями крови
На землю масличного сада.
Отвержена чаша любви —
Иуда добычею ада!
Простить и спасти невозможно,
Сам Бог стал невольный Каратель
Того, кто из прибыли ложной
Соделался вольный предатель.
И в будущем свитке согбенном
Уже имена написались
С Иудею тем осужденным,
Которые аду достались.
И молний струей быстротечной
На миг озарялись их лица,
И снова во мрак бесконечный
Звала их геенны темница.
Отчаянье, ужас геенны,
Хуление гнули их члены:
Насквозь копием сим пронзенный
Склонял Искушитель колены.

Спасти их нельзя без их воли;
Но можно ль без тяжких страданий,
Без ужаса смертных боли
Творцу отрещись от созданий?
Возможно ль отцу без усилий
Детей наказать правосудно?
И кокош² из теплых подкрылий
Птенцов выдает небеструдно.
Легко ли рвать тела частицы
И видеть во тьме безотрадной,
Как адские, хищные птицы
Пируют на них кровожадно?

Провидел небесный Посланник³
<...>

Молился за ближних и братий.

Без этой кровавой молитвы,
Без этого тяжелого пота,
Никто не избегнул ловитвы,
Нас вечная ждала работа⁴
В заклехах подземного царства⁵
И темного их властелина.

И ты ли боишься мытарства,
О Мать Святейшего Сына!
Смиренный Твой страх и моление
Приемлются Сыном послушным;
Тебе ли хотя на мгновенье
Предстать перед князем воздушным?
Все казни, все адские муки
Виденья сего не страшнее.
Простритесь, сыновние руки,
К кресту пригвождайтесь сильнее.
И Мститель, хладея от гнева,
Крестом потрясая победным,
Рвет челюсти адского зева,
К вратам устремляется медным —
И здесь начинается битва!..
Но таинствам сим непостижным
Лишь тайная учит молитва,
И шепчут их горние нижним.

И ты не напрасно страшилась,
Святейшая дочь Авраама:
В тебе, в твоей крови таилась
Часть капли той крови Адама.
Печатию сей роковой
За адом наш род укрепленный,
Доселе с поникшей главою
Вступал в подземелья, как пленный;
Ужели Небесной Царицы
Коснется и смерть, и исленье?
Но нет! в Гефсиманской гробнице

Не смерть, а святое усенье.
Пещера убогого крипта
В саду Иоакима и Анны —
Превыше всех зданий Египта
Встает в красоте несказанной.
Их внук, естества победитель,
Кровавую чашу приемлет,
И узников Узорешитель
Из челюстей ада изъемлет.
И к небу им путь пролагая,
Рвет мыслию ада затворы,
С главы своей землю стрясая,
Колеблет подземные горы.
Трепещет все царство денницы —
Он черными машет крылами,
К вратам своей грозной темницы
Стремится с своими полками.
Бегите! Идет Победитель!
Все пало. Пронзенной пятою
За праотцев кроткий Отмститель
Стоит над палящей главою.
Потухли кровавые очи,
Сжимается сердце стальное;
Из области адския ночи
Изводится племя земное.
И этой бессмертною славой
В молитве Христа утешая,
И пот Его холодно-кровавый
Покорно с чела отирая,
Утешитель, ангел небесный,
Указывал мир искупленный;
Знак казни позорной, бесчестной,
Крест сделался скиптром вселенной.
Отселе с высот Елеона
Открылася к небу дорога,
Во славе небесного трона
Отца одесную и Бога
Воссел человек вознесенный.
Архангелы, Силы и Власти⁶
Предносят пред Ним преклоненно
Все знаки позора и страсти.⁷

«Да будет же Отчая воля!
Безмолвен Твой Сын пред Тобою!»⁸
И дебри печальной юдоли
Покрылись холодной росой.
И был Он один — все молчало —⁹

До стиха последнего

<На полях> прибавление

Голгофа души, нас любившей,
Свидетель Господних молений,
Сад, сению Бога покрывший,
Ты выше всех горних селений.
Ветвями твоими укрытый,
Детей своих кроткий учитель
Учил под твоею защитой;
Ты был для них храм и обитель!
Дитя от людей, от испуга
К родившей на грудь прилегает
И к сердцу, в объятия друга,
Главу свою скорбно склоняет:
Младенчески-чистый душою
Сын Евы, греху непричастный,
Склонялся к земле здесь главою,
На лоно ее безопасно.
Он, Агнец, за нас заколенный,¹⁰
Он, чистый птенец голубиный,
<Он, в> жертву за нас принесенный,
Здесь крылся в густые маслины.

И 8 маслин одиноких — и проч.¹¹

Благодарю Бога, что успел кое-как кончить «Гефсиманию» к Вашему утешению, но не к своему одобрению. Предмет высокий, он требовал пера из орлиного крыла, а мое домашнее куриное, чертившее доселе письма и письма, лучше всего привыкало к *genre épistolaire*,¹² а не к поэмам. Стихи ровненьки: кое-где разведены и слезкою, но того, чем обладали великие поэты — потрясающим глаголом — того я не отыскиваю или не слышу. Конечно, приятно читать Ваши поэтические похвалы: но внутренняя моя цензура доселе ничего не подтвердила и в великих поэтах русских, как равное Шекспиру и Мильтону.¹³ Я в Пушкине нахожу только в «Онегине» несколько мест; много мелких стихотворений его же — которые вековечны и переживут всякую критику; но силы английских и итальянских поэтов не нахожу, что ныне и открывают постепенно. Один Грибоедов останется с маленькою своею комедиею величайшим русским гением, не парящим, но грозно держащим свое алмазное зеркало и перед Москвою, и перед нашим обществом: это всемертвящая, но великая истина, облеченная в живейшее слово поэзии, которая, как электрическая искра, проникла все и оживила все в нашей литературе. Доселе — как я писал Вам — Грибоедова еще не оценили по достоинству.

Но мое мнение о монашеской поэзии не должно Вас останавливать: *искра на свече поэта не потухает никогда*.¹⁴ В 1835 году, 30-ти лет тому, испытав себя в поэзии, я бросил свою гитару, но помню, что все Подолинские¹⁵ и прочие тогдашние юноши также казались мне недолговечными. Вот маленькая строфа накиданного тогда стихотвореньища, начало которого я забыл. Говоря о надеждах на бессмертие и на буду-

щее тогдашних юношей-поэтов, сказал я о *Времени-Сатурне*: «Они поют... Старик сидит / задумчиво у пирамид, / в песках Египта вознесенных: / Где ж пирамиды незабвенных, / бессмертных наших молодых? — / Ах, опыт грозный мне порука, / что не останется и звука / от наших нынешних певцов. / И не Сатурновой рукою / сравнятся с прахом и землею / их обелисков высоты: / не время свергло их — ничтожность! / Вот вашей славы непреложность! / Вот сами гордые мечты! / Поэт! вот как бессмертен ты!». И вот через 30 лет снова пробивается запертый ключ. Дай Бог, чтоб слезился слезою хотя по каплям, лишь были бы чисты и целебны для души эти капли.

Залоги Ваши и талант выше: потому останьтесь верны Господу-Дародателю и приносите Ему, что можно. Конечно, юношеская живость уже невозвратна. «Прими нас, Господи! в одиннадцатый час. / Хотя уж мы по крошке съели / насущный хлеб всяя недели, / весь наш рабочий запас. / Без дела жить еще седмицу / нам невозможно. Нам прости / весь мир кормящую десницу. / К рабочим в двор Твой водвори!». ¹⁶

Я приехал обратно в монастырь для разбора тяжёбного дела. С митрополитом почти рассорился накануне отъезда. Он свое — формальное; я свое монашеское твердили оба: по годам мы равны. Но, слава Богу, сошло кое-как последнее представление. Дай Бог, чтоб моя не *divina*, а *comiqua comedia* ¹⁷ кончилась кое-как. Но я худо знаю свою роль.

Нынешней неделей не пишите. Не знаю, где буду. Здесь ли, в Гатчине ли, куда поеду к духовнику, и как я очень люблю это прекрасное место, то думаю там отдохнуть, хоть мало, от наших нестроений. Напишу отсюда или оттуда. Тогда отвечайте. Благодарю за отзыв Вашей арфы, которая людьми потрясается очень неосторожно: Господь, Господь! страшное имя Его ¹⁸ и Вам, и им воздаст. Я знаю уже по опыту, что значит язвить и мучить человека, проникая в ту глубину, где живет Мститель-Бог в тайной клети нашего сердца. Когда этого Младенца коснется кинжал — то голос Его дойдет до престола Отца.

Бедной, бедной, доброй, старой, хворой Старице Вашей мое сердечное сожаление и поклоны, сердечные поклоны. Да восставит ее и да помилует Господь!

И<гумен> А<нтоний>

Рылеева я отыщу. ¹⁹ В разгроме по случаю перекладки печей все убрано.

¹ О Гефсиманском борении Спасителя см.: Мф. XXVI, 36—46; Мк. XIV, 32—42; Лк. XXII, 39—46.

² Кокош — насадка (*церк.-слав.*).

³ Текст поэмы от стиха «И видел небесный Посланник» до стиха «Молился за ближних и братьев» см. в письме № 10.

⁴ Работа — рабство (*церк.-слав.*).

⁵ Заклеп — запор у ворот (*церк.-слав.*).

⁶ Здесь упоминаются три из девяти чинов ангельских. «В высшей <иерархии>: шестикрылые серафимы, многоочитые херувимы и богоносные престолы; <...> в средней — господства, и силы, и власти; <...> в нижней — начала, архангелы и ангелы» (*Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. Гл. 6, 2 // Макаров А. И., Мильков В. В., Смирнова А. А. Древнерусские ареопагитики. М., 2002. С. 124*) (текст цитаты дан в русском переводе).

⁷ Т. е. орудия поругания и крестной казни Спасителя: терновый венец, крест, гвозди, трость с губкой, смоченной уксусом, копие.

⁸ Парафраз гефсиманской молитвы Иисуса Христа: «Отче! О если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк. XXII, 41—42).

⁹ Дальнейший текст поэмы см. в письме № 10 от стиха «И был Он один. Все молчало» до стихов «Голгофа души, нас любившей! / Ты выше всех райских селений!».

¹⁰ Ср.: Ин. I, 29, 36; Откр. V, 6.

¹¹ Окончание поэмы иг. Антоний выслал в предыдущем письме № 15.

¹² Эпистолярный жанр (*франц.*).

¹³ Вероятно, в одном из ответных писем мон. Мария выслала свое стихотворение под названием «Отзыв на стихотворение: „Молитва Спасителя в саду Гефсиманском“». (С сознанием автора в его неудовлетворительности, по сравнению с поэзией древних, греческих и иностранных поэтов)» (Собрание сочинений в стихах... Ч. 2. С. 93—94). См. Приложение, № 15.

¹⁴ Иг. Антоний цитирует вариант отрывка из своей поэмы «Успенский монастырь» (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 13, л. 67).

¹⁵ *Подолинский Андрей Иванович* (1806—1886) — поэт, уроженец Киева, закончил Благородный пансион при Петербургском университете. В печати выступил в 1827 г. с поэмой «Див и Пери». Был знаком с Пушкиным, который сочувственно отзывался о поэме. Наиболее известные произведения «Див и Пери» и «Смерть Пери», написанные в стиле Томаса Мура, пользовались большим вниманием публики и критики благодаря легкой и изящной форме и красоте романтического сюжета. В 1837 г. вышло в свет собрание его произведений «Повести и мелкие стихотворения А. Подолинского» (СПб., 1837. Ч. 1—2). После этого печатался очень мало. В 1860 г. Н. Г. Устрялов выпустил в свет вторым изданием собрание стихотворений (Сочинения А. Подолинского. СПб., 1860. Ч. 1—2), встреченное единодушным пренебрежением. Отличающаяся глубоким лиризмом, поэзия его была объявлена Н. Добролюбовым лишенной «всякого действительного содержания», а стихотворения названы «поэтическими игрушками и безделушками, звучными как колокольчики и пустыми, как они» (Русское слово. 1860. IV. С. 44) (см. о нем подробнее: *Вацуро В. Э. Подолинский Андрей Иванович // Русские писатели. Т. 5. С. 12—15*).

¹⁶ Иг. Антоний, скорее всего, цитирует строки из собственного поэтического произведения, текст которого в архивах РГИА и РО ИРЛИ отсутствует.

¹⁷ Не божественная, а комическая комедия (*итал.*).

¹⁸ Неточная цитата из Псалтири: «...свято и страшно имя Его» (Пс. 110, ст. 9).

¹⁹ См. примеч. 3 к письму № 12.

Августа 8-го.

Надеюсь, что болезнь очей Ваших миновалась и что Вы можете читать мои мелкие буквы и отвечать на них, хотя прошу беречь себя и не

трудить свое зрение. По приезде живу однообразно,¹ ожидаю смерти довольно равнодушно (в августе до 20-го я всегда готовлюсь ее встретить с 1819-го года; следственно 45 лет). Готовлюсь к хлопотам по случаю освящения нашей часовни:² явления миру для меня очень тягостны, а наши благотворители не хотят делать дело доброе втайне, а въяве: хотят приглашать и митрополита, и весь мир; это доселе облаком лежит на уме моем, и если бы Господу угодно было или болезнию, или даже смертию изъять меня из сей молвы, то я счел бы это милостию.

Чувствую 2-й день малую indisposiciю³ — вот вам французское слово с русскою или латинскою приставкою. Голова тяжеловата. Прилагаю написанный с трудом листочек.⁴ Ваши замечания бывают так верны, что я ими пользуюсь с благодарностию, особливо за «Успение».⁵ Теперь не имею сил переписывать, но если найдется у меня добрый переписчик, то из сочинений моих во вкусе строгом Владыки доставлю ему переписанное.⁶

Если спросит Ваша игуменья, то прошу передать, что худо здоров дня два и прошу ее святых молитв.⁷ А Вам поручаю помолиться обо мне грешном перед Честным и Животворящим Крестом Господним вашей правых страны.⁸ Сожалею, что краски сходят с Тела Спасителя, а поправить их очень трудно по-древнему. Но очерки тела или вырезка контуров прекрасны, что замечено мною у многих чтимых св. икон, где водило кистию художника не тщеславие, а благоговение. Икона, о которой я спрашивал Вас в Бабайках, — это «Донская», а подле нее «Живоносного источника».⁹ Алтари у вас прекрасные, и вообще храм весьма способен для служения и молитвы, а вновь устраиваемый или обновляемый очень некрасив: и образа, и конструкция его напоминают переходное время Петра Великого, когда наши пустились копировать с иностранного и резьбу, и живопись до мелких украшений, а наши архиереи, большею частию воспитанники киевских бурс, выносили оттуда чудовищный вкус полупольский, который господствует в Малороссии от Лавры до Полтавы: в этом вкусе и маленькая ваша церковь с деревянными резными украшениями вместо риз и все ее орнаменты. Удивительно, как не брали примера с вашего Тверского стройно-строгого собора, который, однако же, по низу кое-где дополнен иконами в пышно-натяннутом вкусе Елизаветы или Екатерины.¹⁰ Первосвященники в южных и северных вратах в этом стиле. Также и на первых столбах приставленные образа. Я страдаю болезнию — порядка. В Никольском¹¹ много лет старался очистить собор от всего лишнего, и старое, не уничтожая, поставить на приличные места. Это и здесь¹² формируется, а между этим средств мало, да и споспешников мало.

Простите. Голова моя тягостно смотрит на ходящую бестолково руку: пропуски свидетельствуют о слабости писца.

Прошу многострадальную Матерь Вашу¹³ за меня помолиться. Параскеве и Ирине,¹⁴ и всему вашему ящичку мое благословение с любовью, истинно братскою: все у вас хорошо; если бы только было немножечко попросторнее. Да и вся обитель ваша одета каким-то добрым светом, хотя он есть и будет лишь в душе покойной.

Подаждь нам мир, Господи утешения и мира! Ваш слуга и богomoлец м<ногогрешный> и <гумен> А<нтоний>.

Если найдете, что мой «Сборщик»¹⁵ не по Вашему духу, — то предайте его огню, хотя это есть любимое мое чадо.

¹ Иг. Антоний вместе с мон. Марией в июле 1864 г. посетили свт. Игнатия в Николо-Бабаевском монастыре, где он проживал на покое. В письме иг. Антонию от 11 авг. 1864 г. святитель писал: «Искренно благодарю Вас за посещение меня грешного: этим посещением доставлено мне сердечное утешение. Особенно признателен Вам за то, что Вы захотели познакомить меня со стихотворениями Вашими, с Вашим прекрасным талантом, которому даю всю справедливую цену. Мать Мария, по отъезде Вашем, еще прочитала мне некоторые сочинения Ваши. <...> В воображении моем уже рисуется книга стихотворений Ваших, песнопений, достойно именуемых и священными, и изящными. О! да увижу событие ожидания моего, да возрадуюсь о нем радостью духовною!» (Переписка святителя Игнатия с игуменом Антонием (Бочковым) (1843—1867) // Полное собрание творений... Т. 4. С. 550—551).

² Строительство часовни Череменецкого монастыря в Петербурге велось по адресу Моховая улица, 25. Участок этот, расположенный рядом со своим домом, пожертвовал в 1862 г. купец Тимофей Туранов в память о сыне Василии. Проект, составленный архитектором В. В. Виндельбандтом, переделал епархиальный архитектор Г. И. Карпов. Закладка часовни состоялась 14 авг. 1863 г., освящение — 3 янв. 1865 г. Часовня до настоящего времени не сохранилась.

³ Недомогание (франц.).

⁴ Иг. Антоний посылает свою поэму «Ангел-сборщик» (РО ИРЛИ, инв. № 3577, л. 50—62 об.; РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 13, л. 21—28 об.).

⁵ Очевидно, речь идет о поэме иг. Антония «Гефсимания», которая начинается с описания Успения Божией Матери.

⁶ Речь идет о стихах иг. Антония, которые он собирался выслать свт. Игнатию по его просьбе.

⁷ На обратном пути после посещения свт. Игнатия в Николо-Бабаевском монастыре иг. Антоний заезжал в Тверской Христорождественский монастырь, где подвизалась мон. Мария. Он познакомился с настоятельницей обители и посетил монастырские храмы.

⁸ Имеется в виду чтимое Распятие в одном из храмов Христорождественского монастыря, очевидно, привлекавшее внимание иг. Антония, в том числе и своими высокими художественными достоинствами.

⁹ Память чудотворных икон Божией Матери празднуется: «Донской» — 19 авг./1 сент.; «Живоносного источника» — в пятницу Светлой седмицы.

¹⁰ Российские императрицы: *Елизавета I Петровна* (1709—1761) и *Екатерина II Алексеевна* (1729—1796).

¹¹ Старо-Ладожский Никольский монастырь, насельником которого иг. Антоний был с 1848 по 1857 г.; в дек. 1852 г. его назначили духовником обители.

¹² Т. е. в Черемнецком монастыре.

¹³ Мон. Августу.

¹⁴ Насельницы Христорожественского Тверского монастыря.

¹⁵ Имеется в виду поэма иг. Антония «Ангел-сборщик». См. примеч. 4 к письму № 17.

18

Августа 10-го.

Я жив еще, честнейшая мать Мария, хотя не могу похвалиться, чтобы жил во мне Христос. Напротив: внутри и вне какое-то веяние расслабляющего духа, который и на тело действует, убаюкивая его сном, да и на душу какими-то развлечениями или развезаниями ума. Испанцы, когда сражаются с быками, то их борцы (тореадоры) перед глазами упрямого и свирепого животного машут платками и целым фейерверком пестрых флюгерочков, приделанных к палке: сердитое и упрямое животное мотает головою; разбегаются его, Гомером прославленные, большие глаза, и он получает удары пик то в бок, то в голову: так и наш ловитель поступает со мною: вея, досаждаю разными пустяками, отвлекая ум от самого его, спрятанного где-то. И от настоящей цели — истинного покаяния, этой начатой и недоконченной работы.

А видение мое делает меня только осторожнее по внешнему: не выезжаю, остерегаюсь: вот все. Остальное вверяю Промыслителю Господу. Ваши тверские дела Ему же предоставляю: ибо никто, кроме Хранителя душ и телес наших, не пройдет и не проведет безопасно посреди сетей житейских. Никакая бдительность и *филаретовская* осторожность¹ не сохранят нас от неизбежных ошибок в слове и в поступках; посему я поступаю тако: знаю, что ничто без воли Его не творится и что Он неправды наши обращает в правды — я иду прямо, хотя бы путь был туманен. Часто там открывалась стезя, где ее и предвидеть было невозможно. Страшнее всего наши внутренние сокровенные пути, имиже ум привык блуждать на своей воле: он, несвязуемый, легкий, летучий. Для Господа-Духа эти пути наши видны, и для ума и совести нашей, которые часто забывают вездесущие и всеприсутствие Божие: как бы снята с них ответственность за дела мысли. Вот о чем молюся: *внутренние пути моя направи по словеси Твоему, и да не обладает мною всякое беззаконие.*² А за ошибки слова, в которые вовлекаюсь и обстоятельствами, и неисходным положением (я уповаю) Господь помилует, если не вовсе простит. Мы не вольны в действиях наших очень часто: особ-

ливо непредвиденными загонами врага попадаем в ямы и вязнем в его сетях. О сем я только молюся: «Исправи, Господи, мои неумышленные ошибки: да не постражду за них аз и ближние мои! Ты пришел на землю исправить дела рук Твоих, злобою завистника искаженные: исправи и мои дела, имиже веши судьбами!».

Но во внутреннем свободном человеке своем не вижу особенной покорности воле Божией: строптивость, жестокосердие все еще, как неочищенная пенька, колют простертые руки Господни, изымающие из пропастей и волчьих ям.

Удивляет меня *безмерная* снисходительность Преосвященнейшего Игнатия: как он позволил Вам и читать и поправлять «Странника» Вашего,³ картину на оригинал вовсе непохожую. Как поэзия — он прекрасен, <н>о я повторю о душе своей, слова моей фаворитной дамы:

Когда бы ангел мне явился
С небесной ясностью чела,
И внутренний мой мир открылся —
Я от стыда бы умерла.⁴

И все, что Вами приписано мне, — я в себе не вижу. Я полагал, что Владыка просто запретит Вам и читать, и дорисовывать эту блестящую картину: в его глазах, с моею хаотичностью и полумирщиною я должен стоять очень невысоко: в числе фарфоровых кукол, которыми некоторые барыни украшают консоли своих вычурных гостиных, а на доброе изображение не похожу аз, испещренный романическими воспоминаниями и журнальными сведениями. Если иногда, очень редко, пробежит какая-то тень монашеского образа по стенке, где стоит эта пестрая кукла, то это, конечно, краткое, краткое нахождение ангела моего Хранителя, облакающего физиономию мою в схиму; только это не я, но тень моей театральной куклы. Проходит светотень, и опять что-то актерское видится в этой глине.

Не хочется слушать ни единыя похвалы, когда им не вторит судия неумытый — строгая совесть. И я с радостью бы принял изо уст Преосвященнейшего и посмеяние, и поругание, чего достоин воистину. От другого, может быть, не потерпел бы. Если что и недоброе обо мне сказал, — то, *подумавши*, передайте.

Я с радостью приму гостеприимство в келиях г-жи Кобылиной.⁵ Может быть, все устроится к нашему общему спасению. Спасение — есть обнажение внутренних язв наших греховных для исцеления их руками врага или друга и для непрямого извлечения адских наших канцеров,⁶ глубоко впившихся в душу и пустивших дальние корни. Я все говорю аллегориями. Но это привычка.

Доброй и предоброй Старице Вашей, которая становится мне любезнее при своих немощах, я братски кланяюсь. Странное дело! Ужели

нежданная Тверь и ваша Тмага⁷ могут еще более связать наши умы и желания? Я еще не высказываюсь вполне. Но тут нет ничего особенного. Один тернистый путь, но свобода действий — вот мой идеал.

Простите. Боюсь завраться и замечтаться.

Помолитесь обо мне многогрешном. М<атери> игуменье Вашей сегодня пишу и отвечаю на очень дружеское и доброе письмо.

М<ногогрешный> и<гумен> А<нтоний>.

Здоровье мое изрядно. Но моя часовня — вот глупость нездоровой головы моей.

¹ Подобное мнение о митр. Московском Филарете (Дроздове) было широко распространено среди современников. Так известный духовный писатель А. Н. Муравьев в письме от 22 марта 1857 г. к митр. Филарету писал: «...мне представляется иногда, что 30-летнее трудное поприще минувшего царства сделало Вас слишком осторожным...» (Письма духовных и светских лиц к митр. Моск. Филарету. СПб., 1900. С. 283). Сам митрополит следующим образом объяснял эту черту своего характера: «Дело не в том, чтобы уклониться от неприятностей, а в том, что в запутанных и темных обстоятельствах полезнее и безопаснее — от нарушения долга» (Письма митр. Моск. Филарета к архим. Антонию. СПб., 1877. Ч. I. С. 97).

² Неточная цитата из Псалтири: «Стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обладает мною всякое беззаконие» (Пс. 118, ст. 133).

³ Возможно, стихотворение было посвящено иг. Антонию. В фонде Е. Шаховой в РО ИРЛИ и в «Собрании сочинений в стихах» произведение с таким названием отсутствует.

⁴ Цитата из стихотворения иг. Антония «Натурщик» (РО ИРЛИ, инв. № 3577, л. 63).

⁵ Вероятно, родственница архим. Владимира Кобылина. О нем см. примеч. 11 к письму № 11.

⁶ Канцер — злокачественная опухоль, рак (лат.).

⁷ См. примеч. 18 к письму № 2.

19

Сентября 18-го.

Радостно мне слышать о вашем нынешнем согласии с м<атерью> и<гуменией>, но я отвык радоваться в мире печали и непорядка; потому молю Господа, посылающего нам туне благодатные дарования свои, да утвердит Он и укоренит, Им насажденные, еще слабые ростки согласия и душевного единения между вами. Если бы они почаще поливались такими слезами, о которых пишете Вы, то несомненно последовало бы полное и долгое сердечное соглашение. Слава Тебе, Богу, благодателю нашему!¹

У меня идет все как-то само собою; т. е. поддерживается самим Господом без всякого моего надзора, старания и попечения, кроме единой

сердечной о всем заботы и болезни. Но и это нынешнее состояние считаю я чем-то необычайным и, со страхом за будущее, благодарю Господа.

Близок наш народный праздник² с крестным ходом, ночлежниками, гостями, балаганами: все это пестрое соединение молитвы с житейскими попечениями хоть и недурно, и картинно, и в нем бывают особенные сцены, весьма поучительные и для безмолвника: но я все еще не совсем привык к этим праздникам. Для этих табóров или Фаворов³ (под ним часто собирается конская выставка к продаже), для этих народных собраний нужны тихие, рассудительные, долготерпеливые Моисеи, знавшие все стороны ими управляемых душ: стороны хорошие и худые; но я, человек келейный и мечтатель, редко вижу все в настоящем виде: очки мои то уменьшают, то увеличивают все предметы — посему неправильны.

Болезнь Ваша — меломания, сиречь излишнее любление пения стройно-церковного, едва ли исцелится здé на земли. Мы совершенно утратили вкус и чувство к пению монашескому, которое по греческим древним примерам не так глашалось. Так стихиры стиховны⁴ и весь канон пел один певец-тенор;⁵ ему подсказывал канонарх⁶ — весь хор *бес-словно* подтягивал певцу или аккомпанировал ему. Слышавшие это старинное пение говорили, что оно тихою своею манерою было лучше нынешнего: не утомляло и не раздражало слух, как нынешние всенощные.

В Афонской горе Господь привел меня послушать предначинательный псалом вечерни («Благослови душе моя Господа»⁷). Он продолжался часа полтора с канонархом по обоим крылосам⁸ и с аллилуиею на каждом стишке. Я чувствовал себя не на земли, и слезы лилися сами собою. Вот одни 80 минут отрады в Афоне.

В Юрьеве при отце Фотии⁹ пели удивительно хорошо Херувимскую столбовую,¹⁰ совсем иначе, нежели в Бабайках,¹¹ где все переделано по нотному итальянскому, и выходит ни то ни сё.

Грубое, резкое валаамское пение¹² лучше действовало на душу мою, нежели бабаевское.

Прошу помолиться о моем казначее,¹³ он не так здоров: простудили. А без него, как без рук. О сем же прошу и ясновидящую, добрую Старицу Вашу, которой кланяюсь братски с любовью.

Помолитесь о многогрешном А<нтонии>.

¹ Из чинопоследования благодарственного молебна (см.: Благодарение о получении прошения и о всяком благодеянии Божиим // Требник. М., 1995. С. 510).

² 26 сент. — день преставления св. ап. и еванг. Иоанна Богослова.

³ По-видимому, Фавором, горой Преображения, иг. Антоний именует холм на территории Черемнецкого монастыря, на вершине которого располагались монастырские храмы: Спасо-Преображенская церковь и собор ап. Иоанна Богослова.

⁴ Стихиры — церковные стихотворные песнопения, вторящие стиху одной из ветхозаветных книг, обычно Псалтири. Стихиры стиховны представляют собой второй и заключительный ряд песнопений на вечерне, который полнее, чем предыдущий, раскрывает смысл празднуемого события.

⁵ Канон — одна из форм церковной гимнографии. По форме исполнения представляет собой диалог между чтецом и хором о библейском или житийном событии, которое переживается как прошлое и одновременно ныне происходящее. Исполняется на утрене, полунощнице, повечерии, молебне.

⁶ Один из клириков в церковном богослужебном чине, чьей обязанностью является провозглашение некоторых песнопений, которые хор повторяет вслед за ним.

⁷ Пс. 103, которым начинается вечернее богослужение.

⁸ В благоустроенных монастырях, как правило, было принято антифонное — т. е. попеременное — пение двух, друг против друга стоящих хоров (клиросов, или в просторечии — крылосов).

⁹ *Фотий (Спаский)* (1792—1838), архим. — известный церковный деятель консервативного направления; с 1822 по 1838 г. был настоятелем Новгородского Юрьева монастыря.

¹⁰ Столбовой (столповой) или знаменный распев — древнее церковное пение по знаменам (условным изображениям музыкального тона), основой которого является осмогласие: система пения по 8 гласам или ладам.

¹¹ Николо-Бабаевский монастырь. См. примеч. 19 в предисл. к публ.

¹² В богослужебной практике Спасо-Преображенского Валаамского монастыря принят особый извод малого знаменного распева, называемый «валаамским». Вот, например, как описывал его свт. Игнатий (Брянчанинов): «Тоны этого напева величественны, протяжны, заунывны; изображают стоны души кающейся, вздыхающей в стране своего изгнания о блаженной, желанной стране радования вечного, наслаждения чистого, святого. <...> Эти тоны — в гармонии с дикою, строгою природою, с громадными массами гранита, с темным лесом, с глубокими водами. Эти тоны то тянутся плачевно, тоскливо, как ветер пустынный, то постепенно исчезают, как ветер среди скал и ущелий, то гремят внезапно. Они то с тихою скорбью приносят жалобу на греховность, выражают томлящую и снедающую скорбь по причине греховного бремени, то, как бы от невыносимой тяжести этого бремени, от ударов греха, начинают вопиять и призывать помощь неба: тогда они гремят! <...> Художник найдет в пении валаамском много негладкостей, недостатков в исполнении, но он же признает в нем полное преобладание благоговения и набожности, необыкновенную энергию, которая и умиляет, и потрясает душу» (*Свт. Игнатий (Брянчанинов)*). Посещение Валаамского монастыря // Полное собрание творений... Т. I. С. 407).

¹³ Иерод. Иоанн (Краев). См. о нем примеч. 5 к письму № 2.

20

Окт<ября> 9.

Переходы сопряжены непременно с расстройством духа и тела. Привычка видеть около себя известные предметы на известном месте делается болезнью глаз душевных: желание стройности влечет непременно роскошь, излишество и рассеянность. Но все это извинительно, потому что естественно. Творец симметрически располагает снежинку, листик и цветок; внутренность лимона и граната; черепок черепахи и чешую

рыбы: потому и человек непременно ищет стройности арифметической около себя. Одна только душа Антона Ивановича¹ и Лосева² были свободны от этого желания — если только свободны. Может быть, в местах, ими обитаемых, пленяла их стройность пения и красота храмов.

Со мною в Никольском³ было подобное. Когда я перебрался в деревянную келью, то в двух кельях с Сергием⁴ в 3 окошках не много нужно было рухляди. Потом я пустил Краева, нынешнего Иоанна,⁵ надстроил мезонин, и Краев, довольно смелый в обращении, выпросил у Пономаревых⁶ диван, кресла и проч. Потом до того наполнилась моя келья всякою всячиною, что в Тихвин надобно вывезти ее было огромною лодкою.

В Тихоновой пустыни у меня была келлия в одно окошко менее сажени ширины и аршина 4 в длину.⁷ Не скажу, чтобы это было здорово. Свободное помещение здоровее, потому это имейте наипаче в виду, а не недостаток мебели: это приличнее монаху. Помню я архиерейское подворье прошлых времен, где жилали филареты:⁸ все было очень пусто и бедно. Мебель черно-волосая на курьих ножках: все показывало не жилое, а временное помещение ученого, не светского человека. Потом Пр<еосвященный> Геден Полтавский,⁹ щеголь, филантроп, человек светский, начал наполнять все это мебелью, сервизами и прочим. Кельи стали походить на салоны, утратив свою академическую физиономию.

Потому, потерпевши тесноту, потерпишь и пустоту. Я помню келию или, лучше сказать, каморку или палату¹⁰ матери Афанасии, Мало-Ярославцевой подвижницы.¹¹ 84-летняя, слепая старица лежала в ней, как товар на полке, и плела шнурки двух цветов: белого и красного. Ее шкаф был менее кубической сажени, и в нем был такой легкий воздух, а в этой душе такой веселый дух, что надобно было удивляться (и все удивлялись), как она могла и в себе, и около себя сохранить такую свежесть?

Между тем знал я и обширные комнаты настоятелей злосмradные и нечистые.

В моей обители столько есть причин к скорби и сетованию, что следовало бы если не плакать, то хотя чувствовать наше унижение. Увы! Не чувствуем мы. Столько огрубели, ожесточились и впали в безнадее, что разве одна рука Божия может потрясти сердца наши.

Мое стихоплетство развлекает меня. Так я и разумею. Пусть это пьянство займет голову, если она отвыкла от истинного богомыслия.

Сожалею, что я не имею особенных сведений (кроме общих) о восстании афонцев в 1821, <182>2 и <182>3 году,¹² когда они возмутились, были разбиты у перешейка и заташили в бегстве с собою соседние деревни со женщинами и стадами, и врагов на плечах, что было причиною опустошения Св. Горы. Оно было предсказано явлениями Божией Матери. Она указала даже причины гнева Божия. За недостат-

ком фактов мое стихотворение здесь оканчивается. Ее <рапсодию> следовало бы начать и кончить в Афоне.

Фигурою начальника зла кончено мое стихотворение.¹³ Это видение, виденное мною в Оптиной пустыни. Вы любите мой лиризм. Вот Вам и лирическое стихотворение. Если можно, пошлите его Вашему Отцу.¹⁴ Впрочем — это воля Ваша.

Попросите мне молитв у святой и болящей Старицы Вашей, которую я и поминаю, и почитаю, и желаю ей монашеской кончины, к которой приготовила ее монашеская жизнь. Помолитесь и Вы о многогрешном и <гумене> Антонии.

Не посетуйте, если мои письма теперь станут опаздывать: дорога очень плоха, лошади мои не очень ретивы; кучера и рассыльщика не имею, а для почтовых дней теперь надобно вызывать охотников.

М<атери> игуменье сказывайте от меня поклоны, если она спросит о моем ничтожестве.

¹ *Зиновьев Антон Иванович* (ок. 1772—1852 или 1854) — валаамский юродивый, герой поэмы иг. Антония «Живой плач», завершенной автором 11 сент. 1864 г. (РО ИРЛИ, инв. № 3577, л. 76—77 об.; РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 13, л. 97—98). В послесловии к поэме иг. Антоний писал: «Антон Иванович Зиновьев, проживший с лишком 50 лет безвыходно на Вала<а>ме и скончавшийся 80-летним Христа-ради юродом, был из петербургских купцов. <...> В молодости он был неутомимым послушником: таскал в гору воду из залива для всего монастыря: зимою пятки его иногда примерзали к земле, покуда он наливал воду из бочек в ушаты и ведра братские. <...> Его секли на конюшне за неуважение к казначею — хлопотуну и миролюбцу и за некоторые слова о настоятеле, которые его не любили за юродивые обличения. <...> В последние годы он ел, когда ему давали есть, и пил чай, когда приносили, но сам никогда ни о чем не прашивал. Лежал он на голых досках так, что голова его не касалась ни подушки, ни даже верхнего ребра постели, а была на весу. Это положение пытки самовольной старались перенять из любопытства, но никто подражать ему не мог. <...> Великие старцы нашего времени отец Феодор, отец Леонид и отец Клеопа (см. о них примеч. 16 к письму № 13. — Е. А.) уважали его, яко истинного раба Христова, и они заметили его сокровенный монашеский плач — дарование самое великое для подвижника» (РО ИРЛИ, инв. № 3577, л. 77 об.). Иг. Антоний дает также поэтическую характеристику А. И. Зиновьева в поэме «Живой плач» (РО ИРЛИ, инв. № 3577, л. 76 об.):

Как вольный мученик, борец,
Пред Богом самоосужденный,
Восхитил он себе венец
Терновый и окровавленный.
Слезами плачу он учил;
Безмолвию своим молчаньем;
Для нищеты нагой он был;
Терпению учил страданьем.

² Странник-юродивый, герой поэмы иг. Антония «Успенский монастырь» (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 13, л. 61—68 об.).

³ Имеется в виду Старо-Ладожский Никольский мужской монастырь.

⁴ Иером. Сергей. См. о нем примеч. 5 к письму № 2.

⁵ Иерод. Иоанн (Краев). См. о нем там же.

⁶ Вероятно, родственники покойной супруги иг. Антония А. П. Пономаревой (1805—1827), с отцом которой П. И. Пономаревым, известным сахарозаводчиком, он, уйдя в монастырь, продолжал поддерживать отношения. См. письмо иг. Антония к П. И. Пономареву от 23 апр. 1853 г. (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 15, л. 3—4 об.).

⁷ «Летопись Скита Оптиной пустыни» за 1838 г. сообщает, что «рясофорный монах Алексей Поликарпович Бочков <...> в июне <...> 1839 поехал в Калужскую Тихонову пустынь с старцем иеросхимонахом Львом, в которой и остался на жительство; но вскоре и оттуда выбыл в другую обитель в Северной России» (РО РГБ, ф. 214, № 360, л. 32).

⁸ Иг. Антоний имеет в виду митрополитов Московского Филарета (Дроздова) (см. примеч. 2 к письму № 11) и Киевского Филарета (Амфитеатрова) (1799—1857), память 21 дек./3 янв., которые, будучи монахами-подвижниками, отличались аскетизмом и скромностью в быту.

⁹ Гедееон (Вишневский) (ум. 1849), архиеп. — с 1834 г. архиеп. Полтавский. Им был в 1844 г. пострижен в мантию и рукоположен (в иеродиакона и вскоре после того в иеромонаха) иг. Антоний.

¹⁰ Так в тексте.

¹¹ Лицо не установлено.

¹² Иг. Антоний имеет в виду участие афонских монахов в народно-освободительном движении, начавшемся восстанием греков в марте 1821 г., против турецкого ига. По историческим свидетельствам, «часть афонских монахов присоединилась к восставшим. В апр. 1821 г. на Афоне высадился предводитель повстанцев в Македонии Эммануил Паппас, собрав некоторое число монахов (особенно молодежи), он поднял знамя вооруженной борьбы против турок. В качестве ответных мер османские власти начали арестовывать и подвергать страшным мучениям святогорцев, живших за пределами Афона. Немало проблем создавало и присутствие на Афоне 5 тыс. беженцев, женщин и детей. Отряд Паппаса потерпел поражение в Халкидике, но монахи, отступившие к Афону, организовали на перешейке оборону полуострова. Фессалоникийский паша Абдул Абул предложил монахам амнистию в обмен на выдачу Паппаса, укрывшегося на Афоне, но тот бежал на Идру и в пути умер. 15 дек. 1821 г. паша во главе армии из 3 тыс. курдов оккупировал Афон, наложил на монастыри огромную контрибуцию, потребовал сдачи оружия и предоставления ему в заложники святогорских игуменов. В следующем году он, оставив в каждом монастыре по хорошо вооруженному гарнизону, отплыл вместе с заложниками в Константинополь. Турецкие отряды оставались на Афоне до 1830 г., и это время стало для Св. Горы настоящим бедствием: захватчики пытали и убивали монахов, грабили монастыри и храмы, сожгли афонскую типографию в Великой Лавре, многие рукописи были пущены на растопку» (Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 4. С. 120—121). Народно-освободительное движение закончилось признанием в 1830 г. государственной независимости Греции.

¹³ Возможно, речь идет о фрагменте из поэмы иг. Антония об афонском восстании, условно озаглавленном им в автографе «Совет нечестивых» (РО ИРЛИ, инв. № 3577, л. 8—8 об., 65—65 об.).

¹⁴ Свт. Игнатию (Брянчанинову).

Окт<ября> 21.

На новом месте посетили Вас старые болезни! пожалел я о Вас, но болезнь всегда казалась мне легче других испытаний: неприязни, кле-

веты человеческой и других скорбей, от духов злобы и от наших грехов наносимых. Потому, вздохнувши, помыслил: конечно, Премилосердый Господь не попустит в одну чашу налить две меры скорбей, а одну непременно нам вкушать назначено: в мире скорбны будете.¹

Надеюсь, что все это прошло и миновалось. И меня не оставляют немощи легкие и досады легкие: потому и пью одним приемом это спасительное лекарство.

О греческом восстании собираю кое-какие сведения, и мне достали книгу 1825 года: Blaquières, «*Revolution de la Grèce*»,² где есть немного строчек и об афонском восстании; мое начатое стихотворение почти верно, кроме того, что *Vamoned*³ не участвовал в общей начальной каватасии. Я уже переменял стиха 4, а все остальные подходят к истине. Трапезы афонские повсюду со святыми⁴ и времен Палеологовых;⁵ только начало мною исправлено сие:⁶ вместо «не дух ли это сына Андроника?»

Не тени ли восстали из гробов,
Покрыты темнотой вместо покрова,
Идут чернцы; не слышно их шагов?
Никто из них не произносит слова.
Вы кроетесь... и далее...
Но с вами ли покров благословений?

Л<орд> Байрон скончался <18>24 года, но его стихотворения предшествовали восстанию и возбуждали к нему. Кроме него греческий поэт Анфимос Гази⁷ своими народными песнями и одами поднял всю Фессалию, к которой принадлежит и Афон. Афонским старцам патриарх незадолго до смерти послал албанца, ученого-медика уговаривать, чтобы они были мирны, но посланный застал уже все в волнении. Ага был захвачен и посажен под арест, а прежде того паша Солунский требовал, чтобы монахи выдали ему свое оружие: на что получил отказ. Служители или работники монастырские вне Св. Горы близ Солуня, на землях афонских были схвачены и умерщвлены. Это было одною из причин восстания, хотя греки вообще природные бунтовщики и *ныне* в Афинах происходят дела необычайные.⁸ Восстание афонское после разбития греков при Кассандре, у перешейка, кончилось сдачею или капитуляциею монастырей в ноябре того же года. Перед этим до 70 деревушек с жителями, также возмущившимися, были загнаны турками во Св. Гору. Монастыри большею частию были разорены.

Прилагаю еще картину другой обители, 2-е явление этой драмы. Когда соберу более подробностей, то продолжать стану, а воображением не дополнить.

Дай Бог Вам поговорить с крепостию духа и тела с готовностию все претерпеть ради Великого Посетителя душ наших. Уверен я, что Он подаст Вам силы и к стоянию и к подъятию всех, наложенных обычаев, бремени. Ваша матушка сама подвизается, а в других обителях эти бремена, не всегда удобоносимые, слагаются только на плеча подчиненных.

Сожалею я очень, что биография м. Марии неспешно выходит на свет.⁹ Видно, не находится в будущем подражательниц; и ваших стариц не поднять, как греков, никакими возбуждательными посланиями. Вообще монашество темнеет. Недавно ко мне приезжали искать места два московских монаха и удивили нас своим шегольством — этим на моей памяти приобретенным достоинством. В прежнее время были пьяницы везде, но были Феодоры Санаксарские, Феофаны, Максимы Песношские, Назарии Валаамские¹⁰ — было у кого поучиться и куда укрыться: ныне все стало открыто — разумеется, для вражиих стрел. Надобно погибать в общей свалке, в дыму и беспорядке сражения, которое решительно проиграно. Отдельные лица еще бьются, но общее дело потеряно. Полагаю я, что гроза Божия захватит нас прежде, нежели мы разными соборами и домашними братствами успеем устроить себе хотя малую крепость.

Простите. Прошу у Матери Вашей святых молитв и, желая Вам здравия и спасения, остаюсь богомольцем Вашим,

м<ногогрешный> А<нтоний>.

¹ «В мире скорбни будете; но мужайтесь: Я победил мир». Ин. XVI, 33.

² Точное название книги: *Histoire de la revolution actuelle de la Grèce, son origine, ses progrès, et détails sur la religion, les moeurs et le caractère national des Grecs*; par Edward Blaquières. Traduit de L'anglais par le Dr Blaquières. Paris; Leipsig, 1825.

³ Ватопедский Благовещенский монастырь Афонской горы.

⁴ Имеются в виду росписи трапезных церквей.

⁵ Палеологи — династия византийских императоров в 1261—1453 гг.

⁶ Сиче — так, таким образом (*церк.-слав.*).

⁷ *Анфимос Газис* (ум. 1837), архим. — видный греческий ученый и просветитель, член комитета тайной патриотической организации Филики Этерии. См.: *Ари Г. Л.* Этеристское движение в России. М., 1970.

⁸ В февр. 1862 г. в Греции началась буржуазная революция, завершившаяся в конце 1864 г. принятием конституции, которой присягнул новый король Георгиос I.

⁹ Имеется в виду публикация написанного мон. Марией жизнеописания иг. Марии (Тучковой). О работе над ним см. письма № 6, 11.

¹⁰ Иг. Антоний перечисляет выдающихся подвижников монашеского благочестия конца XVIII—начала XIX в.: *Феодор (Ушаков)* (1719—1791), прп., память 19 февр./4 марта, 21 апр./4 мая — из дворян. В 1748 г. пострижен в монахи в Саровской пустыни. В 1759 г. переселился в Санаксарскую пустынь, с 1764 г. был назначен настоятелем и завел личное руководство братии, полное откровение помыслов, за что, «по навету», был сослан в Соловецкий монастырь, а через 9 лет возвращен в обитель. См.: *Агапит (Юрков)*, иером.

Санаксарский возобновитель древнего старчества // Житие преподобного Феодора Санаксарского. М., 2005. 252 с.;

Феофан (Соколов) (1742—1832), архим. — из дворян. В 1775 г. принял монашеский постриг, подвизаясь в разных монастырях, побывал в Молдавии у архим. Паисия (Величковского), затем, вернувшись в Россию, перешел в Соловецкий монастырь, где обустроил жизнь братства согласно древним иноческим святоотеческим уставам. В 1793—1829 гг. был настоятелем Кирилло-Новоезерского монастыря, где ввел общежительный устав, обновил и благоукрасил обитель. Иг. Антоний в неоконченной работе 1842 или 1844 г., посвященной памяти архим. Феофана, так отзывался о нем: «Сколь ни скрывал от людей свое внутреннее достоинство и добродетели свои покойный о. Феофан, но слова смирения и дела незлобия и духовной мудрости являли в нем любимого Богом человека, а сожаление о его потере, нелицемерный плач при его погребении и великое стечение народа и уважение к памяти его, вера, что он и по смерти не лишен благодати молитися о нас, свидетельству<ю>т, что он был праведник, хотя старался утаить правду свою не только от людей, но и от самого себя» (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 11, л. 10 об.);

Назарий (Головин) (1736—1809), иг. — из духовного сословия. В 1861 г. принял монашеский постриг. Подвизался в Саровской пустыни. В 1782—1801 гг. был настоятелем Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. Возродил находящуюся в упадке обитель, ввел в монастыре общежительный устав Саровской пустыни, на основе которого успешно развивал различные формы монашеского жития: собственно общежитие, скитской образ жизни и пустынножительство. Подвижник «умного» делания. Подробнее о них см.: Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Козельск, 1997—1999 (январь—декабрь);

Максим (Погудкин) (ум. 1850), иером. — строитель Николо-Пешношского монастыря.

22

Окт<ября> 31.

С неделю не получая от Вас известий, осведомляюсь: живы ли, здоровы ли Вы? Прикажете уведомить, по обещанию, если что будет переходящее пределы человеческого терпения. Иногда болезнь малая принимает большее развитие и вытягивает все соки тела, всю жизнь к одному болящему члену. Но в болезнях грудных, особливо действующих на дыхание, можно отойти мгновенно, как бы удушенному или утопленному. Тут врач едва ли что может сделать. Одна сила воли при смелости все понести со благодушием может самую смерть остановить на некоторое время. Потому мужайтесь: без воли Божией влас главы наша не гибнет.¹

Ваше отшествие особенно будет тяжко юным вашим послушникам: они должны молиться о вашем восстановлении.

Ново-Никитская Божия Матерь и крест Младенца-Христа да укрепят Вас в терпении.² Прискорбна была душа Христа даже до смерти:³ и нам нелегко исходить из нашей клетки, хотя и некрепкой, и высохшей: птица-душа со ужасом мыслит о безграничном полете, привыкши

сидеть в своих скелетных жердочках. Один только Ангел-Хранитель может их укрепить и непостижимым веянием отогнать неизбежный страх смерти. Молю Господа о Вашем восстановлении и здравии. Тогда моя, вновь настроенная гитара вовсе не найдет благосклонного слушателя и ценителя. Продолжаю писать: накиданы с посланными Вам 4 картины или страницы. На 5-й кончится моя песнь.⁴

Испрашиваю молитв у Вашей доброй Матери и поручаю себя Вашему дружескому воспоминанию.

М<ногогрешный> и <гумен> А<нтоний>.

¹ «И будете ненавидимы от всех имене Моего ради. И влас главы ваша не погибнет. В терпении вашем стяжите души ваши» (Лк. XXI, 17—19).

² На чудотворной Новоникитской иконе, память 15/28 сент., изображается Божия Мать с Бого-Младенцем, стоящим и держащим в руках крест. Очевидно, эта икона находилась в тверском Христорождественском монастыре.

³ См.: Мф. XXVI, 38; Мк. XIV, 34.

⁴ Речь идет о поэме иг. Антония об афонском восстании.

23

ИСТОЧНИК БОГОРОДИЦЫ¹

Как юный чтец слова псалмов
Сребристым голосом читает,
И все собрание отцов
Ему в молчании внимает —
Так все склонилось, все молчит,
Все слушает, ручей священный,
Когда струя твоя течет
В твоей пещере сокровенной.
Дыханье ветер притаил,
Как бы ловец перед ловитвой;
И лес вершину преклонил
Пред тихую твою молитвой.
И не шелóхнутся листья —
Внимают — видно, им понятно,
Что сладкозвучно шепчешь ты
В твоей молитве благодатной.
И что за тайны в звуках тех?
То лепет спящего дитяти
И слезы, и невинный смех
На лоне матерних объятий.
Невольно мысль бежит с тобой,
Напоминая нам неясно,
Как было в стороне родной
Все стройно, все с душой согласно.

Под беломраморный твой свод
Прохожий изредка зайдет
Кристалльные воды напиться;
И неохотно древний грот
Мирскою речью огласится.
И вновь, пустынный соловей,
Один в безмолвии ночей,
Неусыпаемый ручей
Псалтирю вечною струится.
Старинный твой смиренный кров,
Свод белый, в землю углубился,
И холм над ним до облаков
Лесами черными покрылся.
Землей засыпан твой карниз,
Вместо узора архитрава
Площь и корения сплелись,
И дикие нависли травы.
Вблизи тебя опальный храм,
Убогий, настезь растворенный.
Свечу взошедший ставит сам
Перед иконой потемненной.
Все пыльно здесь, и все темно;*
Прохожих имена, прозванья
В стенах нарезаны черно
На память краткого стоянья.
И мелкая, как чешуя,**
Лежит покинута монета
За воду светлого ручья,
За совершение обета.
Но этот храм и этот грот
Царицею не позабыты:
Ручей священный здесь течет,
И эти рощи знамениты.
Над ними, в славу здешних мест,
Взамен свечей неугасимых —
Паникадило ярких звезд
И хорос ангелов незримых.
И солнца северного луч
Их лобызает при восходе.
Пускай течет священный ключ
Уединенно на свободе:
Уединенно в сих местах
Он получил свое начало:
Благословенная в женах

* В таком жалком виде застал я в 1851-м году храмик подле источника. Хоть и пишут в Патерике Афонском, что зажигается неугасимая лампада, но она при мне не теплилась. — *Примеч. иг. Антония.*

** Парички, мельчайшие посеребренные монеты, как наши бывшие серебряные копейки. — *Примеч. иг. Антония.*

Здесь Афанасию предстала,
И краем своего жезла
Ему источник источила.
И струйка речью потекла,
Журчанием заговорила.

—

И в этом гроте у стены
Монах, в молитву углубленный,
Сияньем тонкия луны,
Как лик святой, посеребранный,
Стоял с поникшею главой —
С Афоном, видно, он прощался —
На посох страннический свой
Болезненно он опирался.
На шее был надет кошель —
В нем было тяжести немного.
«Ты мне велишь идти отсель,
Владычице и Матерь Бога! —
Сказал в слезах он, — горько мне
С Твоим Афоном расставаться
И снова на родной стране
Ожившим мертвецом скитаться.
Но так мне старец приказал:
Через Фессалию, Фракию,
Через Балканский перевал
Идти в родимую Россию.
Россия! Бог тебе воздаст:
Ты для союзов лицемерных
От крови братий отрелась
И предала единоверных!
И для тебя наступит день —
Так прозорливцы говорили —
На Черном море ляжет тень
От черных и шумящих крылий.
Шатры поставят, где Шатер,*
И ляжет на алтарь чугунный
Тел человеческих костер,
Еще не виданный в подлунной,
И в день убийства над тобой
За Патриарха гром отмщений
Ответит дымом и пальбой
На голос погребальных пений.**
Россия! Бог тебе судья!
Ты не возвысила копья,
Им не разбила наши узы.
И над твоею стороной

* Крымский Шатыр-даг, Шатер-гора. — *Примеч. иг. Антония.*

** В великую Субботу при выносе Плащаницы (в день убийства П<атриарха> Григория) бомбардировали Одессу. — *Примеч. иг. Антония.*

Раскинут знамена с луной
Твои союзники французы».

Так мне мой старец говорил.
Его слова я затвердил —
Отца святое завещанье.
Потом его я спросил
При нашем скорбном расставаньи:
Увижусь ли я с тобой,
И с нашей дивною горой —
Иль на Руси меня схоронят?
И он задумчиво сказал:
«Так мне Создатель обещал:
Меня отсюда не изгонят.
Я слышу голос издали —
Ты вновь придешь к Афону в гости,
И сам омоешь от земли
Мои засыпанные кости.
Ты вновь увидишь этот рай,
Отверзтый всем, гостеприимный —
Иди же ныне в дальний край,
На краткий срок, в свой север зимний.
Теперь у нас густая тьма,
И все колеблет дух мятежный.
Велит Владычица Сама
Укрыться в кров благонадежный».
И старец выпрямился, встал,
Слезящие глаза блеснули;
С благоговеньем посох дал;
Мы обнялись, вздохнули.

Иду на родину свою,
Но прежде взять святой водицы
Зашел к священному ручью
И в узелок возьму землицы.
К ней привяжусь до той поры,
Доколе, Господом водимый,
Увижу верх Святой Горы
И этот край богохранимый.

ВЕНИАМИН²

Афон! что сделалось с тобой?
Повсюду вести и тревоги.
Дымятся пылью и стрельбой
Доселе мирные дороги.
Твои упрямые мулы
Гремят военною уздою,
И смиренные твои ослы
Под ношей гнутся всей спиною.
Я с удивлением смотрю,

Как золото повсюду прячут,
И монастырь монастырю
Шлет вестников: герои скачут.
И весело на них смотреть,
На их приветствия и встречи:
«Что? Не боитесь умереть?»
«О страхе нет у нас и речи».
«А есть ли пороха запас?»
«Последний вывезли с Карей.
На южном берегу у нас
Хотят построить батареи».
«Что ваш возлюбленный ага?»
«Три дня сидит уж под арестом,
Мы не злопамятны: врага
Почтили самым лучшим местом;
В гостинной первой он сидит,
С коврами пышными, с диваном,
Кальян свой тянет, и сердит,
Все угрожает нам султаном.
Но мы почетный караул
Приставили к его здоровью;
Боимся, чтоб не ускользнул,
Хоть и сдался нам по условию.
Паша, как слышно, едет к нам,
С отрядом из Фессалоники;
Мы знаем счет его войскам —
Его отряды не велики.
Как слышно, едет отбирать
Все пушки, ружья, пистолеты,
И мы готовимся встречать,
Все по-военному одеты».
Повсюду шум, повсюду гром,
Движенье, живость, разговоры.
Афон соделался шатром
И лагерем святые горы.
Для юных праздник: никогда
Так дружно все не веселились.
И для великого труда
Как будто все переродились.
Евангельский оплот разбит,
И побеждение природы.
Река страстей бежит, кипит,
На краткий миг своей свободы.

Меж юных братьев был один —
Теперь уж он в стране небесной —
Мы назовем Вениамин,
Хоть имя нам не то известно.
Как сокол Палестинских гор,
Красивый, легкий, бело-черный,
Спускает свой полет и взор,

Руке охотника покорный;
Так он послушен старцу был,
Ума полеты сократил,
Дыша военною отвагой.
Но очи искрами огня
Блистают, точно из кремня,
И бриллиантовою влагой.
Как перья черного крыла,
Отливом волосы блистают,
Но белизну его чела,
Как тучи, думы потемняли.*
Что волновало эту грудь —
Никто не смел в нее взглянуть,
Как будто в львиную пещеру.
О пальме мученика он
Мечтал ли, в думы погружен,
И о страданиях за веру;
Или таил он ото всех
Неисповеданный свой грех —
Все это было лишь гаданье.
Его любил весь братский хор,
Он знал их тайны, заговор,
Но не участвовал в собраниях.
Со всеми брат, со всеми друг,
И чтец любимый, вдохновенный,
Он отгонял Саулов дух
Своей псалтирию священной.³
И в нем пылал военный пыл,
Но он послушен старцу был,
Как Исаак ветхозаветный.
В борении с самим собой,
Он не рвался в кровавый бой,
Но таял тихо, незаметно.
Пришедши в келью, на налож
Склонившись черной головой,
Стоял он ночи неподвижно.
И стоны, как рыканье льва,
И непонятные слова
До кельи долетали ближней.
Однажды ночи в тихий час
Дверь кельи старец отворяет;
Творит молитву, и не раз,
Но юноша не отвечает.
(В афонских кельях нет свечей,
И темноту глухих ночей
Одна луна лишь озаряет.)
Но старец знал, где был налож,

* Означает стихи, которые следовало бы исправить. Потрудитесь. — *Примеч.*
иг. Антония.

Подходит тихо, и рукой
Вениамина он коснулся.
Тот вспрянул, будто ото сна,
С очей густая пелена
Снялася, будто он проснулся.
«Восстань, Вениамин, восстань!
Не сон, а внутренняя брань
Душевный слух твой оглушила.
Но я принес тебе покой:
Иди, мой сын, в желанный бой.
Здесь был венец, там ждет могила».
«Отец мой, Бог тебя послал.
Ты знаешь: я огнем пылал,
Потом хладел, как омертвелый:
В душе кипел котел страстей,
И буря внутренних речей
Рвалась пеной за пределы.
Ты знаешь, сколько я терпел,
Но я ослушаться не смел
И ждал от Бога извещений.
Благословляемый тобой,
С моею бурною душой
Пойду на поприще сражений.
Я крови, битвы не люблю,
Но руку ту благословлю,
Которая конец желанный
Пошлет мне смертною косой,
Дамасской стали полосой
На сенокос положит бранный.
Утихла брань. Я не горю.
Благодарю! Благодарю!
Тебя, отец мой, Богом данный!
О! дай слезами оболью
Я руку добрую твою,
Одежду, старческие ноги.
Как ты меня благословил,
Мир чудный душу осенил,
И я не чувствую тревоги».
«Вениамин! мой добрый сын!
Ты разлучаешься со мною.
И остаюсь я один!..
Но, нет; иди; Господь с тобою!»
«Отец мой! Эта брань была
Страшней всего. Мне кости жгла.
Я думал о тебе с тоскою.
О старческой твоей судьбе...
При этой мысленной борьбе
Еще доселе сердце стонет:
„Но может быть, Господь подаст —
И он отрет слезу от глаз,
Его рука меня схоронит“.⁴

При этой мысли входишь ты,
Как некий ангел с высоты,
Мне узы разрешить земные». —
«Владычице! Благослови
Рукою матерней любви
Защитника горы святых! —
Сказал отец. — И вот мой крест
В благословение с небес,
Во исполнение желаний!»
Он юношу благословил,
Облобызал и отпустил
На подвиги священной брани.

И<гумен> Антоний.
Ноября 5, 1864.

¹ Фрагмент из поэмы иг. Антония об афонском восстании.

² Фрагмент из поэмы иг. Антония об афонском восстании.

³ 1 Цар. XVI, 23.

⁴ См. сноску * на с. 391.

24

Ноября 9-го, 1864.

7-го числа я получил от Вас извещение. Да поможет Вам Господь все переносить благодушно: и болезни, и всякие обстояния.

О рукописи Вашей скажу, что едва ли Киреевская сможет взять на себя ее издание.¹ Она была при деньгах при жизни отца Макария, который собирал очень успешно на издание переводов и рукописей отеческих книг: она была издательница и казначея в одно время; потому дела шли с его благословением, молитвою и поддержкою.² Если бы меня отпустили в Москву, то личное с нею свидание могло бы решить это дело: но за глаза мудрено что-либо предпринимать. Помолитесь, да поможет сам Господь, аще сие Ему благоугодно.

Вчера служил я в день св. Михаила Архангела,³ собравши последние силы, и за предстательство его день прошел хотя и нерадостно, поелику мои ангелы не все были во умном стоянии, но все еще не в полном безумии; надобно благодарить Господа за все. Иван⁴ все еще хворает, хоть и выходит: простудил голову жестоко и чувствует сильный лом в черепе. Сергей⁵ частенько страдает флотскою болезнию,⁶ живя уже давно по своей воле. За них непременно я должен дать ответ Господу своему и Судии праведнейшему и не могу себя оправдать в некоторых случаях: во грехах моих и в неправдах стою пред Господом моим. Между тем дела идут своею чередой. Осень избавила меня на не-

которое время от кринолинов соседних, но едва ли избежать мне от путешествия в родимый град мой. Часовня требует надзора.

Моя стихотворная рапсодия приходит к концу с большими вычерками, вставками, поправками: план делался при самом изложении, потому и нет крепкой связи.⁷

Ессе homo!⁸ Хорошо и живо! Противоположность очень резка, но при окончании теплое чувство, рождаемое прекрасными звуками искусной руки, заставляет вовсе позабывать шутливую интродукцию.⁹ Бенедиктов редко извлекал слезы, пленяясь сам собою, своею блестящею, рассыпною музыкою: это не Глинка поэзии. Но богатство и блеск его созвучий в свое время изумляли многих.¹⁰ Никитин своею эпитафиею превзошел все литературное — модное и салонное; плач его над своею могилою чистыми, верными звуками болящего сердца не литература и не сочинение, а истинная поэзия природы.¹¹ Конечно, и у Никитина нет христианского вышеестественного чувства: верующий не сказал бы его бесподобных стихов; но как сын степей он запел над собою жалобным голосом горюющей птицы. Но христианство доселе и не имело поэта. Мои романические думы — это *поблеклые*, немецкие венки, вовсе ненужные правильному Кресту Христову.¹² Когда я думаю о них, то отдал бы все <их> за последние дни и часы монашеской, внутренней, безгласной тишины или за тихий глас страха Божия, за слезы о грехах. Но за неимением чистого злата пускаем в ход посеребренные парички востока.¹³ Афонцы, если дойдут когда-либо до них мои стихи, прочтут их: я это знаю. Подробности верны, но увы! не освещаются молниями и солнцем таланта, а покрыты некою сумрачною пеленою дряхлости.

Прошу сказать мои усерднейшие поклоны святой Старице Вашей. Попросите ее святых молитв о многогрешном бандуристе и <гумене> Антонии.

Сегодня нечаянно пришел мне помысел, когда я думал, что такое душа и дух, и тело? Тут есть старые мысли, но взгляните на них и, если верны, — подтвердите.

Тело — земная форма великого Скульптора. Душа — клочущий в ней металл, повсюду разлитый до окончания власов, с напечатлевшимися на нем воспоминаниями, образами, мыслями, желаниями и впечатлениями, металл ежедневно в крови нашей движущийся, живой — но не дух, — дух есть тончайший и хлад, и огонь, все приводящий в движение, царь и верх души. Душа видит себя духом, но дух недостижим. Дух есть свет — ореол души.

Получили ли Вы в особо вложенном пакете 5 р<ублей>? Посланный мой загулял.

¹ Речь идет об издании написанного мон. Марией жизнеописания игг. Марии (Тучковой). См. письма № 6, 7, 11.

² В начатой о. Макарием издательской деятельности в Оптиной пустыни (см. примеч. 1 к письму № 11) И. В. Киреевский взял на себя редактирование изданий, а Н. П. Киреевская занималась решением организационных вопросов. Она продолжала эту работу и после смерти в 1856 г. мужа. Подробнее о духовном наставничестве о. Макарием Н. П. и И. В. Киреевских и участии их в издательской деятельности Оптиной пустыни см.: *Каширина В. В.* Литературное наследие Оптиной Пустыни. М., 2006 (именной указатель).

³ 8/21 нояб. празднуется Собор св. Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных.

⁴ Иерод. Иоанн (Краев). См. о нем примеч. 5 к письму № 2.

⁵ Иером. Сергей. См. о нем там же.

⁶ Т. е. пьянством.

⁷ Иг. Антоний имеет в виду свою поэму об афонском восстании.

⁸ Се человек! вот человек! (*лат.*). Традиционное в христианском искусстве название изображения главы страдающего Христа в терновом венце. В дальнейшем эти слова Пилата (Ин. XIX, 5) подверглись существенному переосмыслению. Иг. Антоний употребил их, скорее всего, в значении: Таков человек! (см.: *Бабкин А. М., Шендцов В. В.* Словарь иноязычных выражений и слов. 3-е изд. М., 2005. С. 374—375).

⁹ Возможно, Иг. Антоний высказал свое мнение о стихотворном ответе мон. Марии В. Г. Бенедиктову, опубликованном в 1862 г. в журнале «Странник»: *Шахова Е. Н.* Возражение // Странник. 1862. Т. 2, № 5. Отд. II. С. 280—282. В «Собрание сочинений в стихах» вошло под названием «Возражение (В. Г. Бенедиктову)» (Ч. 1. С. 113—116).

¹⁰ *Бенедиктов Владимир Григорьевич* (1807—1873) — поэт, переводчик. Первый сборник «Стихотворения Бенедиктова» (СПб., 1835) имел сенсационный успех, после которого поэт на непродолжительное время, до начала 1940-х гг., снискал всеобщую популярность во всех слоях общества. По словам Я. П. Полонского, «не один Петербург, вся читающая Россия упивалась стихами Бенедиктова», а Пушкин при личной встрече заметил, что у Бенедиктова «удивительные рифмы — ни у кого нет таких рифм» (*Бенедиктов В. Г.* Сочинения. 2-е изд. Т. 1—2. Под ред. Я. П. Полонского; вкл. биографию В. Г. Бенедиктова. СПб.; М., 1902. Т. 1. С. XII—XIII). Самобытность поэзии Бенедиктова — яркая метафоричность, революционное изменение норм языка, неожиданные новообразования, соединение далеких смысловых рядов — вызвала резко отрицательные оценки В. Г. Белинского, что остановило публикации стихов Бенедиктова более чем на 10 лет (см.: *Зверев В. П.* Русские поэты первой половины XIX в. М., 2002. С. 199—221). Литературоведы XX в. отмечали, что «новые средства поэтической экспрессии, разработанные поэтом», предсказывали «реформу русской поэтической речи, которая была осуществлена в начале XX столетия» (*Киселев-Сергенин В. С.* Романтическая поэзия 20-х—30-х гг. // История русской поэзии. Л., 1968. Т. 1. С. 456), а также что «самая эклектичность и внутренняя неустойчивость его эстетики были явлением исторически плодотворным» (*Вацуро В. Э.* Поэзия 1830-х гг. // История русской литературы. Л., 1981. Т. 2. С. 379).

¹¹ *Никитин Иван Саввич* (1824—1861) — поэт, прозаик. Иг. Антоний говорит о стихотворении И. С. Никитина «Вырыта заступом яма глубокая...». Никитин поместил его в конце своей единственной повести «Дневник семинариста», работу над которой завершил незадолго до смерти. В первой публикации повести (Воронежская беседа на 1861 г. СПб., 1861) стихотворение было изъято цензурой, но, благодаря рецензиям в периодике, стало широко известно. М. Ф. Де-Пуле, автор биографического очерка в изданном им первом собрании сочинений И. С. Никитина, писал: «Когда Никитин докончил „Дневник семинариста“, у него показалась горлом кровь. Последнюю сцену, смерть Яблоч-

кина и превосходное стихотворение, которым заканчивается повесть, Никитин прочел мне в своем книжном магазине; по нездоровью он несколько дней не был у меня. „Доконал меня проклятый Семинарист!“, — воскликнул Никитин, приступив к чтению. С первых же слов смертная бледность покрыла его лицо; глаза его загорелись знакомым мне сухим пламенем; красные пятна зарделись на щеках; голос дрожал, порывался и замер как-то страшно на словах: „...о жизни покончен вопрос... Больше не нужно ни песен, ни слез!“. Так написать мог только умирающий; так прочесть можно было только перед открытой могилой!..» (*Никитин И. С. Сочинения / Сост. и биогр. очерк М. Ф. Де-Пуле. Воронеж, 1869. С. 138—139.*)

¹² Этот образ иг. Антоний использовал в своем стихотворении «Бред засыпающего над костью кладбищенского старца» (РО ИРЛИ, инв. № 3577, л. 20). См. письмо № 26.

¹³ См. примеч. ** к поэме «Источник Богородицы» в письме № 23 (с. 387).

25

Ноября 10.

Ваше Преподобие, всечестнейшая мать Мария!

Да воздаст Вам Господь своею благодатию за то святое и высокое чувство, которое Вы даровали мне Вашим «Иоанном Многострадальным»!¹ Это стихотворение могло быть написано только монахиною-поэтом, а эти дарования совмещаются только в Вас одних. Поздравляю с воскресением таланта и пробуждением ото сна! Вы, истощенная в силах телесных, являете необычайную силу души в этом молитвенном преподобном песнопении. Я и прежде замечал эту мощь, необычайную в особе вашего пола, и благодарю Господа, что Он не отъял от Вас своего таланта за долгое его сокровение.

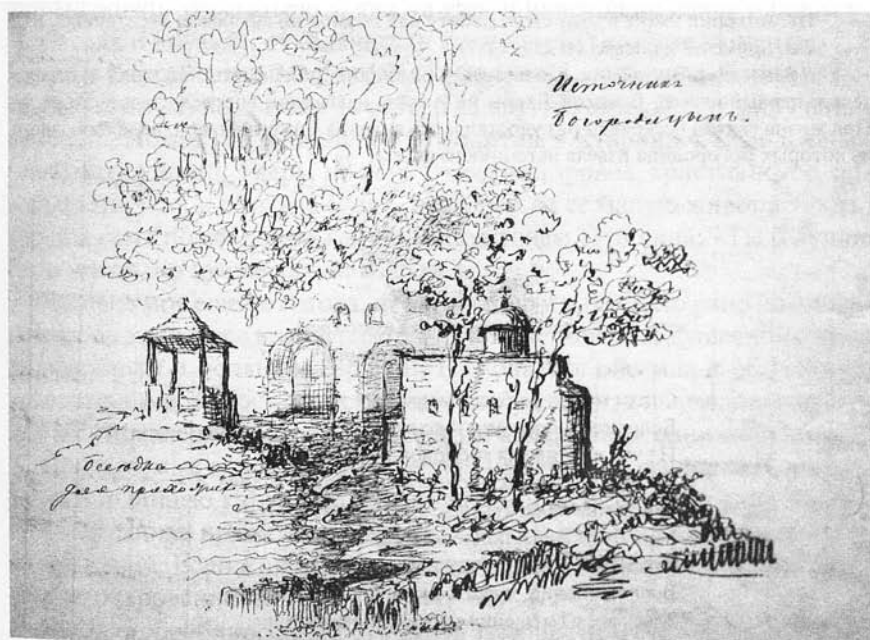
Стихи, исполненные огня и мужества, не могли быть совершенно удержаны в пределах версификации: пусть и остаются так, хотя я при своем слухе постараюсь перевязать иные струны арфы, лопнувшие от сильной, вдохновенной, божественной игры. Но это по времени: теперь я еще исполнен удивления к Вашей поэзии. Мужская душа живет в женском теле. Да поможет Вам Господь на одре болезни. После этого стихотворения отдохнуть не стыдно. Уверен я, что поэзия не сойдет, как позолота, со стальных струн Вашей псалтири: Господь поддерживает свое небесное дарование во всех пишущих во славу Имени Его, поддерживает до старости. Это видно и в Глинке, в его последнем стихотворении «Хождение по водам»,² видно в Башуцком. Но Вас еще ожидают свежие крепкосплетенные венки, перевитые ангельскими лентами. Знание языка церковного и отеческого как основание поддерживает Вас и освещает Вашу поэзию. Премудрость Божия, София, да подаст Вам руку восходить от силы в силу, от ступени на ступень славы.

Весь неурядица, уродити по мнѣ по убоица
в Рускомъ и насадуъ зѣваъ стѣиши въ сѣмъ
Днѣ.

при Екатеринѣ II-мъ (по слухамъ) переделанъ
здѣсь былъ Русскій Браніи ирбатской прѣдѣли,

В оригинале (письмо от 10 ноября, № 25)
следует после слов: «...ныне стоящем в сем виде»

Источникъ
Богородицы.

В оригинале (письмо от 10 ноября, № 25)
следует после слов: «...он покрывает сплошною стенкою развалины»

Мои листки сшиваются, сплетаются и в том же описательно-бледном роде.³ Надобно бы побольше знать замечательную историю этого несчастного восстания. Вы в последнем стихотворении, которое еще не вовсе исправлено, увидите *намек на убийство* в Русском монастыре, ныне стоящем в сем виде.

При Екатерине II греки (по слухам) перебили здесь всю русскую братию из-за такой причины, которую страшнее сказать, нежели самое убийство. Я здесь экономно раскинул плющ; в натуре он покрывает сплошную стенкою развалины.⁴

Этот эскизик дает Вам верное понятие о местности ручья Богородицы или св. Афанасия.⁵ Источник выбегает из-под второй арки.

Окончание моей рапсодии прислать Вам не замедлю, уже все связано на живую нитку.

Простите. Прошу молитв Ваших и у Вашей преподобной Матери. Желаю Вам оправляться от болезней Ваших.

Многогрешный и <гумен> Антоний.

¹ Стихотворение мон. Марии «Пред иконою св. Иоанна Многострадального» (Собрание сочинений в стихах... Ч. 2. С. 65—69).

² Стихотворение Ф. Н. Глинки «Хождение по водам» было включено им в стихотворный цикл «Черты из земной жизни Христа» (см.: Сочинения Федора Николаевича Глинки: В 2 т. М., 1869—1871. Т. 2, ч. 1. С. 196—197).

³ Иг. Антоний имеет в виду свою работу над поэмой об афонском восстании.

⁴ См. примеч. * к письму № 23 (с. 387).

⁵ *Афанасий Афонский* (ок. 925 или 930—ок. 1000), прп., память 5/18 июля — основатель и первый игумен Великой Лавры на Афоне, названной впоследствии в его честь. При жизни святой несколько раз удостоивался видения Божией Матери, во время одного из которых Богородица извела источник из скалы.

26

БРЕД

засыпающего над костью кладбищенского старца¹

Стихи мои — поблекшие венки
Болотного, приземистого моха, —
Не украшение для гробовой доски —
Но, видно, мне их петь до мертвенного вздоха.
Зачем мне налагать на старые кресты
Мои бумажные, поддельные цветы?
Затем, что я во сне гуляю на кладбище
Воспоминаний, чувств, дум и скорбей моих.
Здесь все в смешении на гробовом жилище:
Стихи Давидовы и Ламартинов стих.
Во сне жезлом коснусь обломков пирамиды,
Встречаюсь с разрушенным столбом.

Когда б я бодрствовал, то пел бы панихиды
И о друзьях моих, и о себе самом,
Читал бы я слова божественной Псалтири
В надгробном храмике и в тишине ночной.

Но... забываюсь я... и <хладный> ветер Сибири
Поет мне песнею тоскливою, степной.
Неситесь вместе с ним своею легкой ношей,
Мои иссохшие, поблекшие венки!
Вас время погребет под снеговой порошей
И дружба сохранит немногие листки.

Ноября 19, 1864.

Пора, пора мне перестать и думаю это сотворить.

¹ Стихотворение публикуется по автографу (РО ИРЛИ, инв. № 3577, л. 20); сохранился его вариант (РГИА, ф. 1680, оп. 1, ед. хр. 13, л. 8).

27

<Ноября 20, 1864>

Посылаю на почту осведомиться — нет ли от Вас известий: живы ли Вы? На жизнь эту смотрю я, яко на узы, и никогда не плачу о блаженных отцах и друзьях, отходящих (в эти времена) в обители святыя, где живут и Евпраксии и Марии.¹ Но о болезнях, особливо острых и неудобь-носимых, печалую и за себя, и за других: они являют миру наши немощи!.. Помилуй Господи Вас за молитвы и Старицы Вашей и юных ваших послушниц. Тверь, по всему, место здоровое, христианское, довольно мирное, и обитель Ваша, невзирая на ее малую живописность, хороша сама по себе, *так как есть*, по словам Пушкина: «Ты б лучше быть могла, но лучше так, как есть».²

Часовня моя еще не готова, что меня почти радует, но рано или поздно надобно явиться в моей разорванной и ветхой ризе душевной с этим беспокойным и болящим сердцем. Помолитесь обо мне и об Иоанне, которого намереваюсь представить в иеромонахи, с надеждою верить ему все управление.³ Пора мне, слепцу и калеке, петь одни свои песни.

Прилагаемые для благоусмотрения 4 странички с прежними 2-мя свяжутся 5-ю общею картиною и с лирическим воззванием в виде Эпилога. 4-я картинка нравится мне самому, хотя в ней нет блестящих стихов и выражений. Если живы будете — скажете свое мнение с полною старческого откровенностию.⁴

Болезни, особливо слабость ног и геморрой, мучит меня, хотя немного. Я уже не могу быть телесным делателем, несмотря на привычку к посту и раннему вставанью. Малейшее дуновение ветра так и шатает

мою ветхую храмину. Я бываю почти счастлив в тихие, темные, несколько сыроватые ночи. Дети мои побаловали опять немножко: видно, уже так и надобно быть.

Думая о болезни Вашей, прочел я Вашу былиночку,⁵ от сердца написанную, и пожалел, что частые недуги и разные бури совсем смяли Вас и кладут во гроб безвременно.

Прошу передать Старице Вашей мои сердечные поклоны. Помоли-
тесь о многогрешном и<гумене> А<нтонии>.

Посылаю при сем на почтовые расходы 5 рубл<ей> с<еребром>.

¹ Иг. Антоний имеет в виду произведения мон. Марии: Жизнь схиигумении Евпраксии. (В Старо-Ладожском девичьем монастыре, Успения Пресвятой Богородицы) // Страник. 1860. Т. 1, № 3. Отд. I. С. 65—99; 2-е изд. СПб., 1862; а также еще неопубликованное жизнеописание иг. Марии (Тучковой).

² Иг. Антоний приписывает А. С. Пушкину строчку из альбомного стихотворения И. И. Дмитриева 1795 г.:

По чести, от тебя не можно глаз отвести:
Но что к тебе влечет?... загадка непонятна!
Ты не красавица, я вижу... а приятна!
Ты б лучше быть могла; но лучше так, как есть.

(Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Г. П. Макогоненко. 2-е изд. Л., 1967. С. 134 (Б-ка поэта Б. С.)).

³ Имеется в виду иерод. Иоанн (Краев), см. примеч. 5 к письму № 2.

⁴ Иг. Антоний высыласт мон. Марии вновь написанный фрагмент своей поэмы об афонском восстании.

⁵ Речь идет о стихотворении мон. Марии «Семячко». См. Приложение, № 11.

28

Ноября 23.

Третьего дня получил я Ваше письмо и переложение известного сказания из «Пролога»,¹ который раскольники знают наизусть и нас им справедливо укоряют. Стих Вам не изменяет; поэзии много, но сами знаете и по моему неудачному опыту, как трудно перелагать в стихи непрелагаемую простоту «Пролога», особенно в двух рассказах, Евлогия² и Вами переделанного.

Стихи — те же ноты; на них трудно сохранить старинные звуки. Потому самодышущая и самобытная поэзия легче поддается нам. Недавно я заглянул в Ваши первые опыты и почудился силе «Мечтателя». ³ В этом коротеньком стихотворении автор стал наряду с первыми поэтами его времени.

С нынешней почтой не ожидаю известий о моей рапсодии.⁴ Да, если трудно, то себя не трудите. Рапсодия моя непременно должна иметь еще подкрепление в исторических известиях о Кассандре,⁵ которых во-

все не имею. Я думаю, что окончание навело на Вас думы не очень приятные. Но что же делать? Я пишу не для печати. Кое-где выправляю: есть пропуски; есть прозаические стихи, которые веют старостию и слабостию, но в 62 года мудрено сохранить пыл юношества. Из отрывков моих увидите, что последний эпизод все связывает и все стоят на своих местах. Весьма сожалею, что мало данных.

Полагаю я, что «Гефсиманию» получили, которую можете сократить, еще пожелаете. И в ней есть кое-где слабое изложение. Если «Тихвинский Пещерник»⁶ у Вас затерян, то я перепишу.

Еще раз поздравляю Матерь и Старицу Вашу со днем ее Ангела и с прошедшим праздником тверского вашего патрона.⁷ Матерь Ваша уже совершила назначение свое: остается вязать себе умственную одежду из умной молитвы. Когда временно она ко мне приходит, то я за нее мысленно все отдаю, все. Тогда только человек делается человеком, не игрушкою духа злобы, а видит свое и назначение, и достоинство, хотя и чувствует свое Адамово падение. Прошу вспомнить обо мне. А я вспомню 24-го.⁸

Богомолец Ваш мн<огогрешный> и<гумен> А<нтоний>.

¹ Вероятно, речь идет о стихотворении мон. Марии «Последнее время. (Заимствовано из пролога)» (Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 60—65). В этом издании стихотворение ошибочно датируется 1865 г.

² См. об этом и других переложениях иг. Антония примеч. 11 к письму № 13.

³ Стихотворение мон. Марии «Мечтатель» было опубликовано: *Шахова Е.* Мирянка и отшельница. Стихотворения: В 2 ч. СПб., 1849. С. 7—8; также: *Шахова Е. Н.* Собрание сочинений в стихах. Ч. 1. С. 58.

⁴ Речь идет о высланном для отзыва варианте поэмы иг. Антония об афонском восстании.

⁵ Т. е. о взятии полуострова Касандра турецкими войсками 11 нояб. 1821 г. См.: *Метакса К. Е.* История греческих происшествий: В 2 ч. М., 1824. Ч. 2. С. 218—220.

⁶ О поэмах иг. Антония «Гефсимания» и «Тихвинский пещерник» см. письма № 8, 10.

⁷ Т. е. св. блгв. вел. кн. Михаила Ярославича Тверского. О нем см. примеч. 13 к письму № 2.

⁸ Именины мон. Августы. См. примеч. 1 к письму № 1.

29

<После ноября 23, 1864>

Посылаю остальные и окончательные листы моей рапсодии. Для легчайшего понятия героев я назвал непослушного *Модестом*, хотя это римское имя означает другое свойство. Во 2-ом листке, там, где говорит отец:

«Мой сын, твои очи огнями блестят,

Ты точно герой Илиады»

надобно поставить: «Модест! твои очи...».

Кассандрская битва и поражение *елико можно* верны: утром или ранее за день взяты были батареи греками, но паша с подкреплением (см: «Пантократор»¹) приплыл из Царьграда за несколько времени, и греки обессиленные и вечно-спорные погибли 1-го ноября 1821. Сражение начерчено комлем кисти: в нем черная поэзия правды — только. Размер я старался к концу выдержать, и в первый раз ощутил силу 5-ти стопного ямба. Порядок означен страницами. Первый листок написан давно. Я его приклеил, как увертюру.

Простите, что писал дрожащею рукою, я тогда пишу, когда рука совершенно летает, при самомалейшем принуждении все литеры делаются похожими на меня: большими, дрожащими и неправильными.

Сожалею, что не имел более полных сведений об этой катастрофе, в Афоне или позабытой, или сокрываемой, как страшная история Старого Руссика.²

Из числа причин гнева Божия на Афон были такие, которые подразумеваются, а не говорятя. Это было сказано некоторыми старцами вследствие явления Божией Матери.

С великою радостью пошлю Вам две стеклянные иконки своего царापания, не очень искусные, но теперь лучших не имею. Можете вручить обе Вашему врачу, которого благодарю за доброе мнение о монашеских моих стихах.

Иконы, прежде, нежели развернете, должны постоять в ровном воздухе. Наклейка их грунта не любит сырости и может отстать от стекла. Распятие на двойном стекле; можете его разогнуть и взглянуть, потом заклеить рыбным клеем.

В «Иоанне Многострадальном»³ подмечены только 4 стиха, я исправил их для себя тако:

1. «Рассыпался *храм*, землей угнетаемый»
здесь пропуск слога.

Поправка: «Рассыпался *храмик*, землей угнетаемый».

2. «И *лютую страсть* и жар воспаления»
недостает слога

Попр<авка>: «И *лютые страсти*, и воспаления».

3. Где 3 стиха оканчиваются «*пастью, частью, властью*» — там легко сказать «*частью, властью, пастью*», что сообразно и началу, даже продолжить можно и на «серной» — «серные» и «неимоверные».

4. И последнее: «И в светлой той *ночи* свет невещественный»
н<едостает> слога

«И в светлой той *полночи* свет невещественный».

Но вообще эта коротенькая поэма по душевной теплоте, по силе стиха и выражения внушена Вашим *сожителем*, сильным Атлетом.⁴ Это не обыкновенное стихотворение, а вдохновенное.

Посылаю скоро Иоанна⁵ в Питер. Прошу о нем помолиться. Ваш совет верен. При этом мне пришло на ум евангельское страшно-поэтическое слово страстей: «Не сего! но Варавву!».⁶ Избрание часто у нас бывает по сему эпиграфу.

М<ногогрешный> А<нтоний>

Матери Вашей кланяюсь, прилагая чело свое к сему листику. Прошу молитв.

Стекло распятия потому не заклеено, что желающий может это сделать сам, подложивши грунт по своему изволению.

«Гефсиманию» и «Моление о чаше»⁷ переписываю и скоро доставлю. Оно возобновило в душе моей многое.

¹ Стихотворение иг. Антония «Пантократор» (РО ИРЛИ, инв. № 3577, л. 23—24).

² Свято-Пантелеимонов Афонский русский монастырь (в греческой топонимике — Русик).

³ Стихотворение мон. Марии «Пред иконою св. Иоанна многострадального» (Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 65—69).

⁴ Имеется в виду икона св. *Иоанна Многострадального* (ум. ок. 1160), прп. Киево-Печерской лавры, память 18/31 июля.

⁵ Речь идет о предстоящем рукоположении иерод. Иоанна (Краева) во иеромонаха, о чем см. в письме № 27.

⁶ Ин. XVIII, 40.

⁷ Иг. Антоний так называет одну из частей своей поэмы «Гефсимания». См. примеч. 8 к письму № 10.

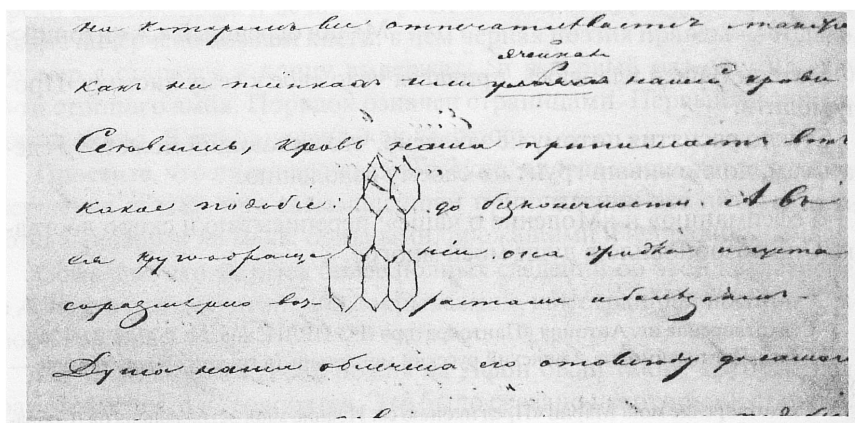
30

Дек<абря> 1.

Я спешил Вас уведомить о получении Вашего письма. Теперь имея некоторую свободу, скажу Вам, что Ваше монашеское решение психического вопроса верно. Но я, всю жизнь колеблемый *Вашими припадками** и разными помыслами, старался разрешить загадку души для помощи себе во внутренней брани. Решивши ее, разумеется не умом, а свыше-данным внушением, стал я несколько покойнее. Впечатления крови или души, в ней живущей, как фотографические отпечатки, не могут быть сняты скоро, разве временем или особенною благодатию Божиею. Они ежедневно с обращением крови повторяются, ослабевая, если снова ум воспоминаниями не обновит печати. Потому страшиться не должно, если мы не можем умом и мгновенно отогнать прежние привидения, возникающие из тайных погребов нашей души и из черда-

* Биением сердца, странным его томлением, иногда стуком столь сильным, что он слышится другим. — *Примеч. иг. Антония.*

ков нашего ума, этого глобуса (по словам одного из отцов), на котором все отпечатлевается так же, как на пленках или *ячейках* нашей крови. Ссевшись, кровь наша принимает вот какое подобие:

до бесконечности. А в ее кругообращении она жидка и густа, соразмерно возрастам и болезням. Душа наша облечена ею отовсюду до самого мозга, имея совершенное и лучшее подобие нашего тела, о чем пишет и Отец Ваш.¹ Но у него и у других нет определительного (отдела, так сказать) духа от души. Дух — это свет, воня,² небо души, соединенный с нею и с телом неразрывным соединением. Для этого имею я свои опыты, которые передавать столь же трудно, как видения духовные, которые мгновенно осеняют всю нашу природу своею правдою и величием и наше самосознание без слов их приемлет, побежденное силою, не имеющее никакого сравнения с нашими силами. Но довольно.

Позабыл я Вам написать о предложении мне коврика.³ Если Вы можете им кого-либо утолить и беспечальным сотворить, то подарите тому. Я не становлюсь никогда на ковры, не беру посоха, не имею ничего отличного от прочих. Но если Вы хотите дарить трудами Вашими (я их очень дорого ценю: Ваши болезни, слабость тела — все это нейдет к трудам такого рода), если уже хотите творить по Вашему желанию — то творите.

Казначей мой в Питере⁴ с хлопотами о часовне, о крестных ходах (которые я желал бы вовсе уничтожить, хотя и с потерями для кармана), в сношениях с П. П.⁵ и благочинным,⁶ составляет разные прошения и проч., и проч. Я подписываю, *как райский судья*, выправляю грамматику и вовсе не забочусь о содержании. Но это отхватывает от моей бандуры несколько дней. Она уже покрывается пылью.

«Гефсимания» и 5 р.<ублей> на свечи и масло послана 20 ноября, но, вероятно, пролежала на почте, потому что в эти дни должных посылок не принимали. Завтра узнаю. Не будет ли от Вас тогда известия?

К афонскому восстанию приделано начало, которое вышло* на двух небольших листочках, чтоб предварительно читатель знал, что пружина есть *он*, наш ловец. Замечания Ваши о стихе «в грядущее и я не проникал» я прочел с думою: «но будучи светлым, проникал ли он в будущее?». «С ужасом он встал» — движение невольное, подъемлющее нас из обыкновенного положения в положение тяжелой военачальнической думы, всполоха. Но предоставляю в переписке исправлять по желанию Вашему. Я импровизатор, а не печатный автор.

Весьма рад, что мои стекла не разбились.⁷ Дважды я посылал к одной моей знакомой, и дважды их давили и теряли.

Киреевской я писал предложение о Вашей тетради.⁸ Не знаю, что скажет эта особа, доселе в 20 лет сохранившая ко мне полное доверие и готовность служить à toute épreuve.⁹

Пишите Вашего «Узника»¹⁰ и поправляйте с молитвою, да исправится Ваш *Узник* в подобие Вашего *Идеала*.¹¹ Господь давал возможность и залогом быть таким, но, увы! *Узник*¹² Ваш день ото дня все более чувствует свое помрачение и все еще надеется... чего-то. Недавно я сказал «прости» своему уму. Решился не думать о будущем и бросить себя как высохший лист на волю Божию! Едва ли Господь воспримет попечение о 62-летнем безумце!

Предсмертный вопль Петрова¹³ в прозе — это великое, пророческое обличение мира сего, но стих его слаб. После прозы его читать не хочется.

¹ Свт. Игнатий (Брянчанинов).

² Воня — запах, благовоние, благоухание (*церк.-слав.*).

³ Мон. Мария могла выслать коврик в качестве подарка к именинам иг. Антония. См. примеч. 17 к вступ. статье.

⁴ Иерод. Иоанн (Краев) регулярно ездил в Петербург, выполняя разнообразные поручения иг. Антония, связанные с административно-хозяйственной деятельностью монастыря.

⁵ Лицо не установлено.

⁶ *Игнатий (Мальшев)* (1811—1897), архим. — благочинный монастырей С.-Петербургской епархии.

⁷ Речь идет об иконах, написанных иг. Антонием. См. письмо № 29.

⁸ Иг. Антоний обращался к Н. П. Киреевской с просьбой помочь в издании жизнеописания иг. Марии (Тучковой). См. письма № 11, 24.

⁹ При всех обстоятельствах (*франц.*).

¹⁰ Мон. Мария работала над поэмой «Освобожденный узник. (Быль, облеченная в фантазию)» (Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 69—83).

¹¹ Вероятно, иг. Антоний имеет в виду свт. Игнатия (Брянчанинова).

* Посылаю. Рука сегодня пишет, хотя и мелет, что попало. Начало письма я отношу к самому себе. — *Примеч. иг. Антония.*

¹² Иг. Антоний имеет в виду себя.

¹³ Возможно, Иг. Антоний имеет в виду опубликованное в «Домашней беседе» (1864, № 44, окт. 31. С. 893—895) стихотворение А. Петрова «Желание». В комментарии к нему редактор писал: «Стихотворение это принадлежит бывшему учителю Лебединского уездного училища Александру Петрову, скончавшемуся 15 мая сего года, двадцати лет от роду. Коротка, но многострадальна была жизнь этого мученика мысли и чувства. Читая им самим написанную „Страшную исповедь“, невольно содрогаешься и не желаешь верить, чтоб все это переиспытал юноша, вследствие неправильного образа воспитания» (Там же. С. 893—894). Здесь же приведено предсмертное письмо А. Петрова, написанное к редактору «Домашней беседы» незадолго до кончины.

31

Декабря 4.

Сожалею, что «Гефсимания» моя попадетсЯ Бог знает куда, если Вы ее не получали. Я не жалею о 5 р<ублях>, вложенных в пакет, но и они были бы некоторым пособием. Еще подожду от Вас известия. Квитанцию я имею от 20 ноября. Как ни медленно идет почта, но все же в это время должно бы Вам доставить. Но тут вина — думаю — нашей Лужской конторы, а не Ваших надзирательниц.

Добавление или переделку «Узника»¹ получил. Стихи очень хороши, исполнены задушевного чувства и теплоты, и в них слышится музыка тихая и несколько печальная, что и приличествует положению Вашего узника.* Но нынешнее его настоящее положение можно только изобразить дискордами всяких смешанных звуков. Его грызут и мыши, налетают на него комары; помост под ним зыблется: положение смешное — а того и хочется врагу. Он всех нас вводит в это положение для своего торжества: комедия и драма нас несчастных — это его потеха, а наше отчаяние. Мы еще усугубляем его радость, издеваясь друг над другом и терзая один другого к его великому утешению. Непонятие наше, глухота, слепота душевная, мнение, темнота и неопределенность наших человеческих отношений, стихийные брани — все это способствует ему клеветать и обманывать, путать и смешивать до того, что и человек самый твердый, как лев басни, заревет, угрызаемый бесчисленными мошками.²

К числу его проделок я приписываю и «Гефсиманию». И не было почты (где говорится о нем в письме), чтобы она не сопровождалась какими-либо казусами. Я не похваляюсь его верным изображением: кто

* Прекрасно выражение: «Когда предается суду добродетель — тогда ей прилично терпеть и молчать». Но узник предается суду за грехи и ошибки юности и зрелых лет. Одно, что сказать он может: «достойно и праведно, Господи, наказуеши мя за прежнее виновное долговременное удаление от путей закона Твоего!». — *Примеч. иг. Антония.*

его постигнет? Но и за мою плохую картинку он порядочно мне напроказил. Теперь ведет меня (узника или колодника) в Петербург, чтобы там поругаться надо мною. По часовне большие ошибки архитекторские, и много потрачено всего напрасно, и накопили долгу порядочно. Три месяца я высидел в своем Севастополе,³ теперь надобно делать вылазку и, о радость! моему врагу!! Опять Антоний по площадям, на извозчиках, по улицам, по лестницам этого милого Петербурга,⁴ и на каждом шагу сюрпризы! Что-то скажет ангел его хранитель? Бедный! бедный мой спутник! Бедный Антоний! Дьявол может похвалиться, что победил тебя, устроил так премудро, что тебе нет места на земле даже для покаяния! Да, иногда кидаешь мысль на небо и вопрошаешь: Господи! что это? Ужели мы, наше платье, наши обеты так беззащитны, что их ничто уже свыше не покрывает от посмеяния миродержца? Святая Гора теперь уже *не убежище*. Русские с своими пароходами, иконостасами, нотным пением!! в Руссике!! переворотили кверху дном свой Пантелеимон. В России нет нигде места монаху, что Вы сами знаете. Изволь решать задачу, как умешь. Даже в Оптиной Пустыни, в скиту заведено было нотное пение,* и барынь привлекали клумбами цветов и украшением скита. Единое убежище — это наше сердце! Единое, единое, единственное убежище! Когда его коснется Господь, то и сидя на извозчике между пьяным народом и при похабстве всей окружающей бессмысленной толпы, избранник Божий будет неприкосновенным храмом, где воспоется новая и святая песнь,⁵ неведомая и Дамаскину,⁶ тогда и духи повинны будут нашему грозному повелению, и ближние наши откроют ушеса и отверзнут очи. Но и в жизни Бога и человека много ли было таких дней? Осанна сыну Давидову⁷ произнеслась единожды, и потом Крест.

Скажу Вам (с горьким смехом и к Вашей улыбке). Одна из моих прозелиток, теперь усопшая, смоленская монахиня Алевтина (она раза два была в Ладогe; сестра ее теперь схимонахиня) <зазывала> меня в Смоленск и устраивала там мне торжественную встречу с пением и куплетами и почти подняла 1/4 города к своему безумному согласию.⁸ Можете себе представить, что бы тут было и какие следствия имела бы эта встреча??? К счастью, я не трогался с места из Ладogi и на все ее таинственные зазывы отвечал очень круто, что нельзя ехать. Потеряв надежду устроить мне торжественную встречу, Алевтина объявила о своем несостоявшемся сюрпризе. Вот что иногда творит враг; если не может одурачить поношением, то всего легче закружит голову похвалами и овациями.

* Вероятно, и ныне по нотам нежничает, что очень идет к широким бородам и ногам в катанках и в шерстяных чулках. — *Примеч. иг. Антония.*

Я замедлял несколько моими ответами, потому что ждал и от Вас известий, пришедших неправильно и от почты, и от наших посылаемых. Наши посылки в Лугу иногда бывают часты; иногда целую неделю нет оказии. Прошу молитв Ваших о многогрешном и жалком и<гумене> А<нтонии>. Иоанна сделали иеромонахом 27 ноября.⁹ Здоровье его все еще не совершенно укрепилося.

Если бы я имел затворническое верное убежище, то описал бы жизнь свою. Меня с самых юных лет завлекал в сети свои ловец душ наших. Не знаю, как и почему я вовсе не погиб. Благодарю Создателя за неявленное Его великое благодеяние!

Прошу молитв у Матери и Старицы Вашей. Из Петербурга напишу и сам осведомлюсь в Луге о «Гефсимании».

¹ См. примеч. 10 в письме № 30.

² Вероятно, иг. Антоний имел в виду известный эзоповский сюжет, положенный в основу басни Лафонтена «Le lion et le mouskegon», которую И. И. Дмитриев перевел под названием «Лев и комар» (1805). Она заканчивалась моралью:

Увы, в юдоли слез неверен каждый шаг;
От злобы, от беды когда и где в покое?
Опасен *крупный* враг,
А *мелкий* часто вдвое.

См.: Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. 2-е изд. С. 227.

³ Иг. Антоний сравнивает свое пребывание в монастыре с обороной Севастополя, имея в виду духовную, «невидимую» брань. Ср. у ап. Павла: «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф. VI, 12).

⁴ Ср. письмо иг. Антония к свт. Игнатию (Брянчанинову) от 15 июля 1862 г.: «Когда случалось мне бывать в Петербурге в праздничные дни после полудня, то я с каким-то темным чувством глядел на все окружающее, вовсе не христианское зрелище, и самого себя, свою одежду с горькою печалию окуявал, яко вовсе не подходящую к этой модной грязи и столичной пыли. Монах на тротуарах Петербурга!.. Это самое жалкое по наружности существо. Каково было бы самому Посетителю душ наших, если б Он благоизволил поискать себе пристойного убежища? Едва ли сыщется и Лот, не только Авраам, в этом Содоме!» (Полное собрание творений... Т. 4. С. 543).

⁵ Аллюзия на слова Псалтири: «И возведе мя от рова страстей, и от брения тины, и постави на камени нозе мои, и исправи стопы моя, и вложи во уста моя песнь нову, пение Богу нашему» (Пс. 39, ст. 4).

⁶ Иоанн Дамаскин (VIII в.), прп., память 4/17 дек. — поэт-гимнограф, богослов, отец церкви. Автор нескольких богословских трудов, из которых наиболее известно его «Точное изложение православной веры». Творец множества церковных песнопений, до сих пор присутствующих в богослужебной практике, напр.: Служба Св. Пасхе, каноны Рождеству, Богоявлению и Вознесению, воскресные службы «Октоиха», надгробные гимны.

⁷ Мф. XXI, 9.

⁸ Соглашение — в значении: раскольнический толк, секта, круг. Иг. Антоний так иронически именует группу людей, одержимых некоей нездоровой идеей.

⁹ Видимо, к этому времени иг. Антоний получил уведомление о совершившейся в Петербурге хиротонии иерод. Иоанна (Краева) во иеромонаха. О нем см. в письмах № 27, 29, 30.

5-го дек<абря>.

Трижды посылал на почту вопрошать о пакете — трижды ответствовали, что послано, хотя, может быть, и удержат, потому что взять с них нечего. До времени подожду еще Вашего ответа.

Последнее письмо мое говорило о нашем обольстителе и насмешнике над монахами. Увы! кто станет наблюдать за собою, тот уверится в этой ежедневной комедии, разыгрываемой с нами, с нашими монастырями, монахами, монахинями, настоятелями, настоятельницами и послушницами. Неистощим запас злобы и лукавства; а сколько я заметил, наиглавнее всего нужно ему вывести нас из кельи на поругание мира. Я уже сготовился на это бесславное шествие, как древний победенный полководец, приковаться к победной колеснице победителя, но милость Божия со мною последовала: заболело горло и грудь; законная причина не ехать в Питер, и не еду, хотя знаю, что я в его руках: наш еси Исакий!¹

О безмолвном затворе, сумасшедшем доме, больнице я уже перемолвился стократно и без услышания. Почти 20 лет я о том прошу Создателя. Не виню людей, вынудивших меня к этой молитве: не дам врагу ни одной песчинки ближних моих. Моя ноша, мой камень, с которым погрузился я в кал мирской. Мои грехи, мои безумия, мое нечувствие поставили меня в это унижительное положение. Если б я знал, что меня ожидает, то 40 лет тому назад пошел бы иною дорогою. Но теперь уже невозможно обратиться совершенно на путь Христов, пройдя столько стезями мирскими: рано или поздно спускай флаг и отдавай себя на поругание. Одно только смирение может предать себя на все.

Между афонскими святыми был преподобномученик Гедеон,² который за 4 месяца почти невольного греха в отрочестве и в мире 35 лет каялся в трудах в монастыре и этого ему не доставало к примирению с собою, он выпросился на мучение: был рассечен на части, как св. Иаков Персянин,³ и еще живой брошен был в нужник, где скончался 30 декабря 1818-го года.

Вот поразительный пример покаяния, решительности и великодушия. Поневоле одушевишься, вспоминая о таких христианских героях, и мой «Антон Иванович»⁴ есть лучшее мое стихотворение, потому что переболевшее сердце утешилось хотя похвалами подвижнику.

Скажите вашим послушницам, что за один неблагоразумный шаг в юности, особливо за непослушание, можно испортить всю свою жизнь. И она потешит не себя, а врага своего, потом увидит, что была его игрушкою и говорила его словами. И поздно будет. Не возвращайтесь тем, чем вышел из мирного убежища.

Простите. Если еще не получу известия о «Гефсимании», то пришлю новую.

Прошу молитв у Матери Вашей и Старицы. Помолитесь о многогрешном и <гумене> Антонии.

¹ Цит. из жития св. *Исаакия* (XII в.), прп., затворника Печерского, память 14/27 февр.

² Св. *Гедееон* (ум. 1818), прмч., память 30 дек./12 янв.

³ Св. *Иаков Персянин* (ум. 421), вмч., память 27 нояб./10 дек.

⁴ Имеется в виду поэма иг. Антония «Живой плач (Антон Иванович Зиновьев)» (РО ИРЛИ, инв. № 3577, л. 76—77 об.). См. примеч. 1 в письме № 20.

33

Декабря 14.

Продолжаю Вам писать, хотя известий от Вас не имею уже давненько. Если бы кто-либо имеющей власть над Вами почему-либо запретил Вам писать ко мне — то прошу «повинуйтесь властям».¹

Наша жизнь и деяния не всегда идут по нашим желаниям: потому надобно себя приобучать ко всему. Нет покоя на земле; мы *плаваем* по житейскому морю: следственно, основания твердого не имеем.

Прошу молитв Ваших и Старицы Вашей и поздравляю с близким днем Вашего Именинника.² Ему я писал коротенько сегодня.

Простите. Матери Августе мои поклоны. Прошу ее св. молитв. М<ного>г<решный> Антоний.

В Петербурге не был. Удержали болезни.

¹ Тит. III, 1.

² Приближались именины свт. Игнатия (Брянчанинова), который получил монашеское имя в честь *сщмч. Игнатия Богоносца* (ум. 107). Память святого празднуется 20 дек./2 янв. и 29 янв./11 февр.

34

Дек<абря> 25.

Поздравляю с праздниками.¹ У меня теперь спят гости: А. П. Бащуц<кий> с товарищем, и моя чернилица² под спудом: потому и пишу тростию.

Последнее письмо Ваше получил вместе с письмом Владыки. Его замечания очень верны,³ Ваши также. «Гефсиманию» надобно разделить: это я и думал сделать; где говорится о Б<ожией> М<атери>, то

приложить к Ее успению; остальное сотворить по-Вашему. Теперь на праздниках времени не будет; потому и отлагаю до боле удобного времени.

Касательно упования на дела свои — мы в этом (согласные) расходимся по недоразумению. Возлагать упование на дела — почти ересь, противление учениям отеческим: никто и никогда ими не спасался и не оправдался без заслуг Христовых: но иное дело уповать на бездействие и, ничего не делая по силам своим, мечтать о спасении. Дела посильные необходимы мне для успокоения моей совести; но я признаю, что мало их и для этого. Монашеская жизнь есть токмо удаление от зла, другая половина «и сотвори благо»⁴ худо приведена в исполнение. Многие из афонских мучеников последн<его> времени жаждали мученичества и венчались им, чувствуя беспокойствие совести при легких, слабых делах. Мужество твердой души не остановится на одной рассеянной молитве.

Печалование, сетование о грехах, самими нами замечаемое, не может никогда успокоить нас: это дела́, конечно, дела духовные; но видя крест и гвозди и бичи, вспомнишь, что и тело наше — первый виновник зла, должно быть казнено — или нами самими или Богом правосудия.

Я всегда боялся монашеского казуизма на манер <и>езуитский, которые всем своим намерениям и делам сыскивали оправдание; этот манер теперь в моде и у материалистов: они ищут оправдания себе во всем; в родителях, в воспитании, в среде, в окружении, в обстоятельствах, невыгодных для умственного развития. Дай-то Бог, чтоб можно было так легко и нам оправдаться! Но я с юных лет не был юным; ум крепко работал; я никогда не играл, и страсти плотские (и начало их) — платоническая любовь стали мне известны с 8 лет. Потом после многих падений я всячески старался и стараюсь выйти на самую простую умственную дорогу — буквального исполнения Евангельских заповедей, не входя в тонкости смиренномудрия. Большая часть ошибок сделана волею и могла бы быть отвращена при некотором нудничестве.⁵ Потому я, во всем презирая и оплевывая все свои дела и свергая себя ко Кресту оправдания и спасения человекoв, жажду только посильного, отеческого наказания при возбуждении *благодатию* ослабленной воли. Если лошадь бросается в огонь сражения с радостью — почему монаху не искать крепкой брани с дьяволом? Довольно; боюсь заболтаться.

Утренняя и обедня праздников прошли благополучно — и то уже немалая милость Божия! Мое слабое на ногах братство выстояло первые часы; что-то Бог даст до вечера?

О словах Киреевской вкратце скажу, что г-жа игум<ения> изволила тако выразиться (а может быть, и не так; мудроно верить и себе и

друзьям в передаче чужих слов):⁶ «М. М<ария> Шахова самое себя выставляла, особливо в предисловии, и есть такие места, которые нельзя было показать Владыке. И похвалила излишне П<реосвященного> Игн<атия>, как бы не было и других посетителей, не менее замечательных». На возражение Киреевской, что Пр<еосвященный> Игнатий и словами, и делами, и сочинениями вполне укрепил за собою имя духовного и опытного деятеля, г-жа игуменья умолкла. Киреевская, ее друзья Рахмановы и многие москвитяне весьма усердно хвалят «Слово о смерти»⁷ и принадлежат к почитателям Владыки; следственно при такой обстановке г-же игум<ень> надобно было удалиться в свои засады.

Вот все. За сим прошу молитв Ваших и вразумления, аще и мыслю и понимаю худо в делах духовных. 50-летняя умственная брань продолжается; я имел отдых по месяцам, по неделям, по дням, часам и минутам. Теперешнее состояние не отдых, а скорее апатия, привычка недеятельности. А бедная душа так и твердит: мало! мало! взгляни на крест, вспомни *многострадальных!*

Матери Вашей мое усерднейшее поклонение.

М<ногогрешный> и<гумен> А<нтоний>.

¹ Рождества Христова, Святками.

² Так в тексте.

³ В письме от 16 дек. 1864 г. иг. Антонию свт. Игнатий высказал свое мнение о его стихах: «Несомненно то, что в стихотворениях Ваших встречается то чувство, которого *нет* ни в одном писателе светском, писавшем о духовных предметах, несмотря на отчетливость стиха их. Они постоянно ниспадают в свое *чувственное*, и святое духовное переделывают в свое чувственное. Душа не находит в них удовлетворения, пищи. Как прекрасен стих в „Аббадоне“ Жуковского! и как натянуто чувство! очевидно: в душе писателя не было ни правильного понимания описываемого предмета, ни истинного сочувствия ему. По причине неимения истины он сочинил ее и для ума и для сердца, — написал ложную мечту, не могущую найти сочувствия в душе разумного и истинно образованного, тем более благочестивого читателя. Мне очень нравился метод Пушкина по отношению к его сочинениям. Он подвергал их самой строгой собственной критике, пользуясь охотно и замечаниями других литераторов. Затем он беспощадно вымарывал в своих сочинениях излишние слова и выражения, также слова и выражения сколько-нибудь натянутые, тяжелые, неестественные. От такой вычистки и выработки его сочинения получали необыкновенную чистоту слова и ясность смысла. Как они читаются легко! В них нет слова лишнего! Отчего? от беспощадной вычистки. Почитав Ваши стихотворения и дав в себе сформироваться впечатлению от них, нахожу, что и Вам необходим этот труд» (Полное собрание творений... Т. 4. С. 552).

⁴ Ср.: «Удалися от зла, и сотвори благо: взыщи мира, и пожени й» (Пс. 33, ст. 15).

⁵ Нудничество — принуждение (*церк.-слав.*).

⁶ Н. П. Киреевская передает отзывы, возможно, игуменья Бородинского монастыря о жизнеописании иг. Марии (Тучковой), написанном мон. Марией.

⁷ Имеется в виду произведение свт. Игнатия (Брянчанинова), изданное В. И. Аскоценским: Слово о смерти, составленное Игнатием, епископом, бывшим Кавказским и

Дек<абря> 28.

Благодарю за поздравления Ваши и прошу от меня поклониться святой Старице Вашей и поздравить с новым годом; старый, видно, оканчивается по-високосному. Испытание Вас постигло, хотя и болезненное, но человеческое; а дух Ваш по-прежнему бодрствует: слава о всем Господу в вышних!

Праздники мои с гостями и хлопотами отнимают возможность заняться чем-либо выше обыкновенных Марфиных дел:¹ потому на последнее приложение Ваше теперь еще не отвечаю.² Скажу только, что все богословы не обратили крепкого внимания на 3 места Евангелия, где Господь Саваоф или Бог-Отец Сам лично говорит о Сыне, о Своем Слове Своим *личным* словом: «сей есть Сын Мой Возлюбленный»: (на Фаворе и на Иордане).³ Потом «и прославих, и паки прославлю!».⁴

Из этого видно, что Глаголивый Словом-Сыном, Сам по благоговению Своему глаголет лично Ему свойственным словом.

Наши применения к Святой Троице очень почетны для человека, но все останутся неприменимы, поелику чистого понятия о троичности (несмотря на все возможные трактаты) мы не имеем, да и о человеческой внутренней мистерии. Оно близко, но неясно, как неясен нам образ души, духа, да и самого тела, которого мы доселе еще вполне не определили.

Довольно и предовольно о сем. А о житейских наших искушениях скажу, что они едва ли нас покинут до самой смерти. Люди нас оставляют, но злые духи никогда. Мы только переходим из мытарства в мытарство, здесь на земле. Но из своего опыта видите, что Господь дает силы ко претерпению и враг лишен форсу к совершенному нашему низложению.

Даруй нам Господи! избежать воздушных мытарств по смерти; потерпим здесь на земле! В обителях Ваших враг действует драмами ежедневными и ежечасными и развязку свою знает заранее. Когда мы мним получить некоторое облегчение — он тут с своей свинцовой печатью. Старец Паисий⁵ говаривал, что ни одно благое дело, как товар, не придет без черной дьявольской печати.*

* Врагу Вашему мы дали крест: пусть понесет его на груди своей. — *Примеч. иг. Антония.*

Прошу святых молитв Ваших о немощах моих. Испрашиваю Вам и всем живущим с Вами милости Божией и мира и тишины. Мои поклонны всем.

М<ногогрешный> и<гумен> А<нтоний>.

¹ Имеется в виду широко известный евангельский сюжет о посещении Спасителем дома Марфы и Марии, сестер Лазаря (Лк. X, 38—42), во время которого Мария села у ног Иисуса и слушала слово Его, Марфа же заботилась о большом угощении. Традиционно Марфа являет собой образ деятельной, а Мария — созерцательной жизни.

² Текст не установлен.

³ «И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение». Мф. III, 17; «...се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте». Мф. XVII, 5.

⁴ «Отче! прославь имя Твое. Тогда пришел с неба глас: и прославил и еще прославлю». Ин. XII, 28.

⁵ Прп. Паисий Величковский. См. о нем примеч. 14 в письме № 13.

1. Игумен Антоний. «Идеал»

В стихах своих вы дышите Эдемом
 И ангельский даете старцу вид,
 Хотите, чтоб я был под черным шлемом
 В волосяной броне, как Хозевит,¹
 Чтоб добродетели каскадами струились,
 Как складки мантии с рамен,
 Чтоб мудростию волосы сребрились,
 И слово миром капало с устен.
 Чтоб бархатный со многими крестами
 Надет был полиставрион,²
 Чтоб с выи, через перси, с бахромами
 Был спущен белый лентион.
 Чтоб послушания, страдания эмблема
 Меня покрыла с ног до головы,
 Чтобы я кроток был, как агнец Вифлеема,
 И грозен для врагов, как царственные львы.
 Чтобы для всех был тих, и светел, и приступен,
 Как Севастопольский залив,
 И низостию, лестью неподкупен,
 И даже к самому коварству справедлив.
 Хотите вы меня, Мария,
 Во ангела мгновенно превратить
 И в преподобные, в святые
 Рукою легкой посвятить.
 Все свято для святых, для чистого все чисто,
 Всех на небо влечет возвышенный певец.
 Нет, нет! оставьте бандуриста
 Лежать на солнышке, на травке меж овец.
 Вы знаете — в руке своей имеет
 Из яшмы зеркало архангел Гавриил,
 В него святой смотреться не робеет —
 А я, узрев себя, лицо свое закрыл.
 Другой есть идеал для вашей псалтири:
 В одежде царской и венце,
 В руках трикирий и дикирий,
 Он там, над Волгою — не здесь на Черменце.³

¹ *Георгий Хозевит* (VII в.), прп., память 8/21 янв.

² Полиставрий — или *крещатая риза* — в древности богослужебная одежда епископов, митрополитов и патриархов. Фелонь с многими нашитыми на нее крестами.

³ Иг. Антоний — ищет в виду свт. Игнатия (Брянчанинова).

2. Монахиня Мария. «На стихотворение:
Истинный идеал, с предложением воспеть его»

Святой отец! всегда я пела
На языке и вам родном:
Но видно, я вам надоела,
Как итальянец под окном!
Как звук шарманки, звон *кимвала*
Вам стал несносен, мой певец!
И на иного «идеала»
Вы указали наконец!
За некасаемые струны
Мою вы тронули псалтирь, —
«Чтоб вызвать громкие перуны,
На всю небес пространн ширь!»
Не все то *видимо*, что *зримо*,
Не все объемлемо рукой,
И ловит ум — непостижимо —
Неуловимое с тоской!
Высокой меры совершенства
Вы указали образец:
Черты его преосвященства —
Ваш — лучше выразит резец!
В священно-действенные тайны
Вы, — жрец Христов, — посвящены:
Дары Христовы — не случайны,
И не от мира вам даны!

Здесь мудрость есть: кто «ум имеет
Под номера итог подвесь,
И сосчитать уразумет —
Число шесть сот шестьдесят шесть»,*

* Апокалипсическое число переложено было старцем славянской цифирью. — *Примеч. Н. Н. Шахова* — издателя «Собрания сочинений в стихах». Имеются в виду строки из стихотворения иг. Антония «Мы, кажется, живем под Римом»:

И все у нас под нумерами —
Листок, не только что тетрадь.
Все эти штуки разумеет,
В ком мало-мальски разум есть,
И кто легко прочесть умеет
Число 666.
Я, господа, вам дам потеху,
Почтенные профессорá!
Открою тайну вам для смеху,
Ведь это просто **НУМЕРА!**
ЕН — 50, ИК с омикроной
ИМЕ — пять сот два десять пять,
РА — 101. Счет немудреный,
Извольте только сосчитать.

Кому из книг судеб открыты,
Перелистованы листы,
Пред кем, как горы в доли, срыты⁴
Стопы рифмованной мечты, —
Тот лучше грешницы возможет
Воспеть великого отца
И на досуге переложит
Те гимны — в свиток мудреца...

3. Игумен Антоний. «Пастух-бандурист»

Опять калека, полоумный, старый,
Овец рассеянных пастух
Плетется за своей разбитой гитарой:
Поговорим с тобой, мой верный друг.
Не даст ли мне какого звука
Твоя пустая, высохшая грудь?
Но что я вижу, близорукий;
Не хочет ли кто старца обмануть?
На ней подарок от Марии,
Благоуханный, свеженький венок:
И розы, и лилеи в симметрии;
Цветок и листия, потом опять цветок.
И перевязано все лентой атласной.
Как жаль, что худо вижу я, слепой.
Цветы подобраны и ровно, и прекрасно,
И запах их вливаю я душой.
Но, может быть, венок повешен здесь ошибкой,
За что же мне? Я старчески пою.
Но возложил его я с гордою улыбкой
На голову косматую свою.
И что же? со очей моих струится...
То слезы иль с венка небесная роса?
А сердце так и бьется, и стремится
За ангелом лететь на небеса.
Нет, эти мне полеты не под пару!
Своим венком, старик, не буди горд.
Примись-ка за свою разбитую гитару,
Попробуй и возьми один аккорд.
Я стал играть, и как-то вяло, глухо.
И персты худо слушают меня.
Быть может оттого, что старческого слуха
Коснулась чья-то песнь... и я умолк, звеня.
Прости ж, мой друг, негромкий, малострунный!
Доколь не соберемся мы с душой.
Пойдем к овцам. Их Агнец белоруный,
Вручив мне, дал и посох свой святой.

⁴ Аллюзия на Лк. II, 4—6.

И я пришел к расшедшемуся стаду;
Овец погладил, сосчитал;
Их всех загнал в заглохшую ограду;
Сел у ворот на камне; задремал.
И вижу я виденье.
Вам расскажу его теперь.
На Волге я: смотрю на тихое течение,
Передо мною княжеская Тверь.
Дворец и сад великия княгини;
Ей повесть предков здесь читал исторьбограф.
А там собор, и в нем сокровище святыни
И много синих со звездами глав.
Я подхожу к полуденному входу,
Перекрестясь к растворенным дверям;
Взошел в собор. В нем не было народу —
И я припал к страдальцевым мощам.
Великий князь! молю я со слезами,
Святой и благоверный Михаил!
О, если б благовонными руками
Ты бедного певца благословил.
Теперь ты почиваешь в мире;
Но был и для тебя предсмертный, грозный час,
Когда и ты прибег к Давидовой псалтири;
Царь князю русскому внушил псаломский глас:
«Кто даст мне крылья голубины
В отчизну неба взлететь?»
Воспел ты в час своей кончины.
Как человек и ты страшился умереть,
Но, псалмопением окрыленный,
Бесстрашно к небу возлетел.
Подаждь мне голос вожделенный,
Чтобы я подвиг твой воспел!

И слышу голос: «Недалеко
Отсель девичий монастырь.
Туда ты шествуй, слепоокий,
И там найдешь мою псалтирь.
Скажи Марии, чтоб воспела
Она моих страданий день».
И я иду. Душа летела,
А тело следует, как тень.

И вот, Мария, вам поэма
Для вашего воздушного пера.
За это вам сплетется диадема
Из звезд ночного серебра.

А для меня псалтырь не вынимайте;
Пусть выстоит доколе под чехлом;
На ней вы князю песнь сыграйте.
Я буду отвечать гитарой, не псалмом.
Гитара инструмент презренный, позабытый,

Служителям оставлен от господ.
В ней струны, как в душе моей разбитой,
Для легких песен, не для од.

**4. Монахиня Мария. «На стихотворение „Пастух-бандурист“.
(При посылке книги первого издания и рукописей)»**

Простите мне, мой друг, мой старец, мой отец,
Смирнейший пастух апостольских овец!
Что лепты медные, простые,
Своих неизданных стихов
Из старых высыплю мешков
И за червонцы золотые
Любовию отлитых слов —
Плачу вам старою, заржавленной монетой,
Чеканенной еще *Елизаветой!*
Вы снисходительны, — но я
Подпасков ваших опасаюсь:
При них, дыханье притая,
Едва я к струнам прикасаюсь!
Не стали бы они смеяться над сестрой?
Один — не близорук и тотчас мишурой
Тверское золото оценит:
Брильянта блеск никто при нем,
Хотя бы днем, или с огнем,
Простым алмазом не подменит,
Как убирает он алтарь
И к службе ведает то ризу, то стихарь!
А при другом — запеть опасно:
У Иоанна чуток слух,
И различить умеет ясно,
Где звук понижен или глух...
Ведь музыка и пенье — давно его стихия!
И — прячется под ваш покров
Мария.

**5. Игумен Антоний. «Старинные гусли
в ответ М... М... Ш... на ее арфу в пустыне»**

Пел калека перехожий,
Сидя на торгу один:
«Алексей, человек Божий,
Евфемьяна родный сын...»
Но никто его не слушал —
Закручинился певец,
Встал; сухарик свой покушал,
Взял и палочку слепец.
Шарит, трогает клюкою —
Тропку он свою нашел...

Слышит — легкою рукою
Кто-то взял его, повел
И ведет его далёко
От базаров, площадей,
И ведет его высоко,
Где не слышен шум людей.
Старичок идет покорно:
На душе его легко.
И шагает он проворно
Что-то очень высоко.
Проводник остановился;
Шепчет на ухо: молчи!..
Слышишь?.. старец просветился
В умственной своей ночи:
Молодеет, оживает,
Стал детей в один момент.
Слышит — там вдали играет
Незнакомый инструмент.
Будто ветер прикасался
К боевым колоколам,
Чуть затронул и умчался,
Взявши звоны к небесам.
Песни сладкие недолги:
Прозвучали — и конец,
И неслись они от Волги...
Что же ты молчишь, слепец?
Неужель свои напевы
Ты сравнишь, старина,
С вдохновенной песнью девы,
Пробужденной ото сна?
Хоть от долгия дремоты,
От болезни, от заботы
Истомилася она,
Но божественные звуки,
Но летающие руки
У нее не отнялись.
Это арфа золотая!
Звуки, к небу возлетая,
И доселе донеслись!
«Что ж, и ты примись за гусли,
Грянь-ка в струны, старец, грянь», —
После тех-то? я примусь ли!
Бог с тобою! перестань.
Не дразни меня, слепого,
Проводник мой дорогой,
Но послушай-ка: два слова
Пропоешь тебе слепой.
Наши речи — басни-веча —
Их не любит монастырь.
А те песни издалеча —
Златострунная псалтырь.

6. Монахиня Мария.
«Отзыв на стихотворение: „Старинные гусли“»

Свищет адская машина,
Искры мечутся огней:
Ночью страшная картина,
Колесница без коней!
Чу, земля гудит: несется
Монастырских близко стен,
Так что церковь вся трясется
Рясоносных дев и жен;
На великой силе этой,
Пролетавшей мимо Тверь
Долгохвостой кометой,
В Петербургский край теперь
С берегов фабричной Тмаги,
Мутно-желтых вод реки,—
Два листа летят бумаги;
Все исписаны листки;
(И летят стрелой поспешной)
В Черменецкий монастырь:
В них звенит Марии грешной
Заунывная псалтирь...

«Отче мой! не отзовусь ли
На святые ваши гусли?
Как-то мне, вздремнувшей днем,
Также снился *Невский рынок*:
Не *калека* брел по нем,
Старец-свят, священно-инок,
С древним посохом в руке,
Со свирелью за плечами,
В легкой сумке на шнурке.
Крест на персях, — не с лучами,
Не червонно-золотой, —
Крест монашеский, простой,
Ни сапфира, ни алмаза,
Ни короны сверху нет!
От засоренного глаза
Он сопрятывает свет,
Свет, в сиянии широко
Разливаемый вокруг,
Зримый только чистым оком
Бога истинного слуг!
Хоть теснит его безбожно
Помраченная толпа; —
Вижу близ него, не ложно,
Светозарных два столпа:
В виде юношей прекрасных,

Это — ангелы идут
И, в стезях небезопасных,
Старца под руки ведут...
Что-то сверху забелело
В виде облака над ним,
Все то место просветлело:
Вижу, — третий херувим
Человеческою тенью,
Приникая, воспарил,
Слышен тихий шелест крыл,
Как пернатою их сенью,
Старца он всего накрыл...

Чувства все мои объять
Были ужасом святым.
Я проснулась: руки сжаты
Над листом еще пустым...
Видно, мысли старца святы!
Видно, жизнь его свята!
Видно, груз его креста
Верно ангелами взвешен!
Значит, милостью Христа
Тайный плач его утешен...
Если ж плачется досель,
Мелодически играя,
В небе слышная свирель,
Песни плача избирая,
То о мире он скорбит
И о нас душой болит...

Вот вам сон мой, святче Божий!
Или — вашего конец!
Где ж калека *перехожий*,
В гусли бренчуший слепец, —
На того совсем не схожий,
Кто — священный мой певец?»

7. Монахиня Мария. «Таинственный голубь»

Заслыша гул глухой и дальний,
Шум жизни мира часовой,
Влеку я слух ваш музыкальный
К святой псалтири вековой,
Пусть скажет, на «вопрос печальный»
Ответ — струя воды живой!

Звучит Давидова псалтирь,
И голубь бел при ней влетает:
С монастыря на монастырь

В тех звуках он перелетает;
Во мраке умственной ночи,
С своих посеребренных крылий,
Он сыплет чистые лучи
Поверх монашеских воскрылий,
И тупит взмахом их мечи
И стрелы вражеских усилий...

Когда, умами воспаряя,
Глядим мы в высь, где *голубь белый*,
В заплечьях золотом горя,
Стремит полет высокосмелый, —
Под звук святого псалтиря,
Все тухнут огненные стрелы!

И в тесной келии своей
Монах, как узник заключенный,
Один, — как в клетке соловей,
Движенья, воздуха лишенный,
До утра с ложа восстает;
На небо простирая руки,
Он песнь Давидову поет,
И — ангел к Богу вземлет звуки,
Несет, в таинственной тиши, —
Дар тайный, лучший фимиама, —
Святую музыку души
Из богосозданного храма!

И этот дар на свой алтарь
С любовью отца приемлет
Непостижимый славы Царь, —
Как сына блудного объемлет
Пред Ним простершуюся тварь
Для покаянного поклона!
И, сняв Десницею Своей
Лохмотья рваного хитона,
Всю ветошь рубища страстей;
Ее неверность забывает,
Весь долг греховный отдает,
В порфиру снова одевает,
И обувь царскую дает,
И уст дыханьем согревает...
Звучит Давидова псалтирь,
И демон бежит, страшится,
И Церковь Божия святится,
И богатеет монастырь.
Прошли века, исчезли роды;
Ветшает мир и человек,
И обновление природы,
Наступит скоро новый век;

Но неизменно, повсеместно,
Псалтирь бессмертная звучит
Когда минует все безвестно,
Она одна не замолчит!
Как «поднебесную» проходит,
Так в небо самое пройдет,
И души избранных проводит,
И в рай, отверзстый им, введет.

8. Монахиня Мария. «Ответ на ответ»

«Друг друга тяготы носите,
И так исполните закон!»⁵

Во имя Павлово — простите,
Да будет наш посредник он!
И не судите же так строго
Порыв и пыл души больной:
За то, что «возлюбила много,
Прошу я милости одной!»⁶

В вас — дух высокого поэта,
В вас — дар небесного певца,
И ум глубокого аскета,
И мудрость истины жреца;
В вас — сердце полное, как море,
Таит сокровища на дне:
Его не иссушило горе, —
Оно сочувствует весне,
Вся сила творчества природы
В нем отражается светло:
В него глядятся неба своды,
Как в чистое воды стекло;
На всякий звук рождаются звуки
И льются, льются через край,
Резца и кисти ищут руки
Изобразить незримый рай!
И видя то, что *им* незримо,
Вы тщитесь смертным передать
То, что для них не постижимо,
И то, что *здесь* не разгадать...
И так, как ангел, пойте миру,
В стране изгнания живя,
И чаще нам, под вашу лиру,
Слагайте *песни соловья*!
Но не судите слишком строго

⁵ Ср.: Гал. VI, 2.

⁶ Ср.: «...прощаются грехи ее многие за то, что возлюбила много» (Лк. VII, 47).

Порыв и пыл души больной,
За то, что «возлюбила много,
Прошу я милости одной!»
Когда я выражу вам пени
Души измученной тревог,
То дайте пасть мне на колени,
И — плакаться у ваших ног!..

9. Игумен Антоний. «Искры света»

В быстрой светлой реке, в голубом ручейке
Солнцу весело плыть, отражаться;
Но по камням весной ручейки с мостовой
В снеге тающем грязно слезятся.

Хотя в них солнца лик и не светло приник,
Но все так же их греет, целует.
Но в прозрачных реках, в водяных бугорках
Как оно веселится, ликует!

Точно птиц золотых блещет стадо на них,
И плывут, обгоняя друг друга...
Как доспех боевой, с чешуею стальной —
Так блестит водяная кольчуга.

И за птицами свет по реке вдоль идет,
И с любовью их провожает...
Как лазурный глазет, весь синяя блеснет —
Так луч солнца в воде отливает.

Так святая душа и в миру хороша,
Вся одета, согретая светом.
Хоть смотришь во дворце, хоть в окне шалаша,*
Хоть в зеркале с широким фасетом.⁷

Но и грешным душам, как нечистым ручьям,
Хоть и темное, есть упование.
Что и их не минёт, *и в слезе* их блеснёт
Солнца мира тепло и сиянье.

И<гумен> А<нтоний>
феврал<я> 26 <1864>

* Между струй камыша иль в окне шалаша —
Иль в зеркале — (это на волю Вашу)
Так святая душа и в миру хороша,
Вся одета, согретая светом.
Хотя будь во дворце, хоть в дыму шалаша,
Хоть в порфире, под царским глазетом. — *Примеч. иг. Антония.*
⁷ Фасет, фасет — грань (*франц.*).

10. Иг. Антоний. «Богослов»⁸

Был юноша: он возлежал
На чистых персях Бога-Слова.
Он тайну некую приял
От сердца чистого Христова:

«Любить друг друга — вот завет
Учеников Моих и братьий!»
Бог есть любовь и жизнь и свет —
Вот тайна Божеских объятий.

Потом столетний ученик
Парил умом под небесами:
Но выше слов сих не постиг,
Твердил их ветхими устами.

В словах немногих много дел:
В них крест и вольные страдания
И жизни будущей удел,
Кончина всякого желанья.

11. Монахиня Мария. «Семячко.

(Посвящено Старцу о. и<гумену> Антонию и Старице монахине Августе)»

Увы мне, убогой Марии!
Сама я трясусь, как былинка,
Под бурей воздушной стихии!
У каждого зелья — тычинка;
А вы-то, мои две опоры,
Раненько становитесь хворы,
Расслаблены, больны и хилы!
Страдание сковало вам силы,
И дух, от скорбей изнемогший,
На нужды мои не внимает:

⁸ Опубликованный вариант стихотворения (Домашняя беседа. 1866, № 3. С. 73):

Иоанн Богослов

Был юноша: он возлежал
На чистых персях Бога-Слова,
И тайну вечную приял
От сердца чистого Христова.
«Любить друг друга — вот завет
Учеников моих и братьий!
Наш Бог есть жизнь, наш Бог есть свет,
Он Бог любви, а не проклятий!»
Чрез сто лет тот же ученик
Парил умом под небесами, —
Но выше слов сих не постиг,
И все твердил их перед нами...

Мой тоненький стебель, иссохший,
Несносный червяк обнимает...
Не что, если корень подточит,
И сломится чашечка скоро,
А если Бог веку отсрочит, —
Ведь зелье бесплодное споро!
Вы — только, высокие колья,
Пугали собой червяченка,
И не было злomu приволья
Подкусывать стебель до-тонка...
А Старец какого-то плоду
От семячка все ожидает:
Хотя и не видно, по всходу,
Какой виноград воспитает.
Чуть стужа — к кому-то головкой
Прижмется, как к матери милой,
Чуть ветер, к другому, — и ловко
Придержится дерева силой!
Случалось; в ненастье, бывало
Весною, и осенью, в слячу,
Что колья почти выбивало,
И гнуло их в крест, на удачу,
А зелье-то все расстиралось,
Цепляясь за них волосками,
Как будто оно распиналось
На дереве крестном руками!
Как буря-то колья шарахнет, —
Надежда на плод погубится:
Неважно, что зелье зачахнет,
Да семья то с ним истребится...

12. Игумен Антоний. «Цветы от Вас кладу в альбом...»

Цветы от Вас кладу в альбом:
С них веет Бородинским полем;
А вот пред Вами серый дом,
Жидами крытый черным толем.
Построен он на черепках,*
Как место лобное, возвышен.
А сколько здесь костей в гробах
Под сенью яблонь, диких вишен?
В кустах их свищет соловей,
Без страха подлетая к храму;
Ужель в прохладе их ветвей
Не выроют скитальцу яму?
Ужели вновь из этих мест,
Как *Вечный Исид*, пойду я дале,

* Множество костей вырыли, когда делали фундамент келии о. Иоанна, прежде были тут ворота. — *Примеч. иг. Антония.*

Неся разбойничий мой крест
На место новья печали?
Я так устал, я так устал
От этой жизни переходной;
Душе негоден, ветох стал
Из кожи чемодан походный.
Для птицы клетка уж стара:
Пожалуй — вылетит внезапно.
Железо снять уже пора
Колоднику цепи этапной.
Куда его ведут, ведут —
То знает лишь Путеводитель;
Нам неизвестен Тайный Суд,
Нам обреченная обитель.
Но кто колоднику подаст,
Как милость, хоть цветочек вешний —
Тому Премилосердый Спас
Воздаст наградою нездешней.
Он скажет: «Я во узах был
Сидел в темнице заключенный —
А ты Мне подал, посетил —
Приди же, Мой благословенный!»⁹

13. Игумен Антоний. «Черемнец»

Полуостров, омовенный светлыми водами,
Отовсюду осененный липами, дубами;
Точно маленький ландшафтик на картинке детской,
Иль на шторах пейзажик с фермою немецкий.
Вот на первом плане видны: берег и коровки
И мальчишек деревенских льняные головки.
Гонят прутом в поле стада маленькие дети,
Видны в озере покойном: лодка, парус, сети.
Холм могильный весь в деревьях; церковь посредине.
Что-то видно и не видно, точно на картине.
И белеет минаретом, тонким, осьмигранным,
Колоколенка на небе сером и туманном.
Кельи бедные под горкой в зелень приютились,
На гостиннице тесины плесенью покрылись,
Лестница из грубой плиты в <тридцать три> ступени,
С балюстрадом, вся заглохла в крове из растений.
Сад запущенный, решетка; я скажу со вздохом:
Все печально, устарело, все покрылось мохом.
Домик серый в <шесть> окошек, очень небогатый,
Деревянный — вот жилище бедного аббата.
И под окнами могила рыцаря Фон-Лоде,
Герб — три лапы, как прилично рыцарской породе,

⁹ Парафраз Мф. XXV, 34—36.

И чугунная решетка, как *ланце*¹⁰ в турнире,
Изогнулась, хоть недавно рыцарь на квартире.
Из булыжника ограда; маленькие башни,
Гать предлинная, за нею огород и пашни.
[Черменецкий монастырь виден издалёка,
От Солнцева берега и из Наволока.]*
Царь Иван Васильевич видом любовался;
Пьедестал его еще цел остался:
Камень старый, в землю вросший, весь позеленелый,
Указует он на место, где стоял Царь белый,
Сказывали прадеды, сказывали деды,
Что литва здесь воевала, может быть, и шведы.
Много наших положили, села разорили
И монахов Черменецких многих перебили.
С ними вместе убиен здешний настоятель.
Больше нет воспоминаний: вымел неприятель.
Что осталось — время съело, пролетев поспешно.
Спрашивал я землю нашу, инок многогрешный:
Сколько ты, родная, здесь нахоронила?
Спрашивал и озеро: сколько ты носило
На водах твоих прозрачных, озеро святое?
Нет ответа. И взглянул я в небо голубое...
Нет воспоминаний в островке безвестном —
Помяни нас, Господи, в Царствии Небесном!

Но пойдем, помолимся иконе старинной:
Иоанна Богослова. Лик темный и длинный,
Как зерно пшеничное, густо пожелтый,
Уцелевшее одно от пшеницы спелой.
Жатва времени! ты здесь все косою скосила,
Прахом все посыпала и похоронила;
Лишь одно зерно осталось — этот лик священный,
Неизвестно, где он скрылся от бури военной.
От зерна священного вновь возшла обитель;
Но неведом нам остался первый обновитель;
И опять монахи свое пепелище
Населили и легли на то же кладбище.

С той поры, как тихий сон без ярких видений,
Безыменною рекою течет меж селений
Жизнь монахов Черменецких: они Бога хвалят,
Молятся за государя, службу свою правят.
И отходят незаметно к тем, чье имя носят.
Умирая благодушно, они братий просят
Не о том, чтоб имена их славились в мире,
А о том, чтоб поминались при святом потире.
Нет земных воспоминаний, но отверзто небо.
Неснедаемой трапезой Ангельского Хлеба
Всех Господь усвоил нас, всех воспоминает,

¹⁰ От lancea (лат.) — копье.

* Соседние селения. — Примеч. иг. Антония.

Всех живых и мертвых в грудь свою вмещает
Таинственной Крови Пресвятая Чаша;
Всех приемлет, всех лобзает Церковь, Матьер наша.
Песни, слезы есть у ней всем давно почившим,
Есть венцы и похвалы преподобно-жившим.
Вышний всем нам простирает Отческие недра;
Всех растений силу знает ото льна до кедра.
Древних палм уже не стало и в песках Ливии,
Мачты корабельные чужды и в России.
И в шиповнике не скоро обретаем розу...

В жизни нет поэзии — примемся за прозу:
Вот еще недавно храм распространили,
Окна порасширили, железом покрыли,
Трапезой его сомкнули с древней колокольной,
Все любят; все хвалят; все стали довольней.
Купол новгородский, гордый, одинокий,
Уменьшили и воткнули очень невысоко
Деревянные четыре маленькие главки.
Лучше ли он стал, не знаю, от этой прибавки?
Стал собор пространней, сделали веселым;
Издали он кажется витебским костелом.
Прежний храм был тесный, точно храм Перунный,*
В озере столбом он стлался тихой ночью лунной.
И теперь он стройно на небе белеет —
Все пред ним понизилось, все благоговеет.
Окружен он всюду узкой эспланадой.

Озеро! могу ль тебя звать Тивериадой?***
Часто здесь в народе праздничном, весёлом
Ходит сам Апостол по деревьям, сёлам;
За иконой приезжают лодочки и чёлны —
И Спаситель сам преходит чрез легкие волны.

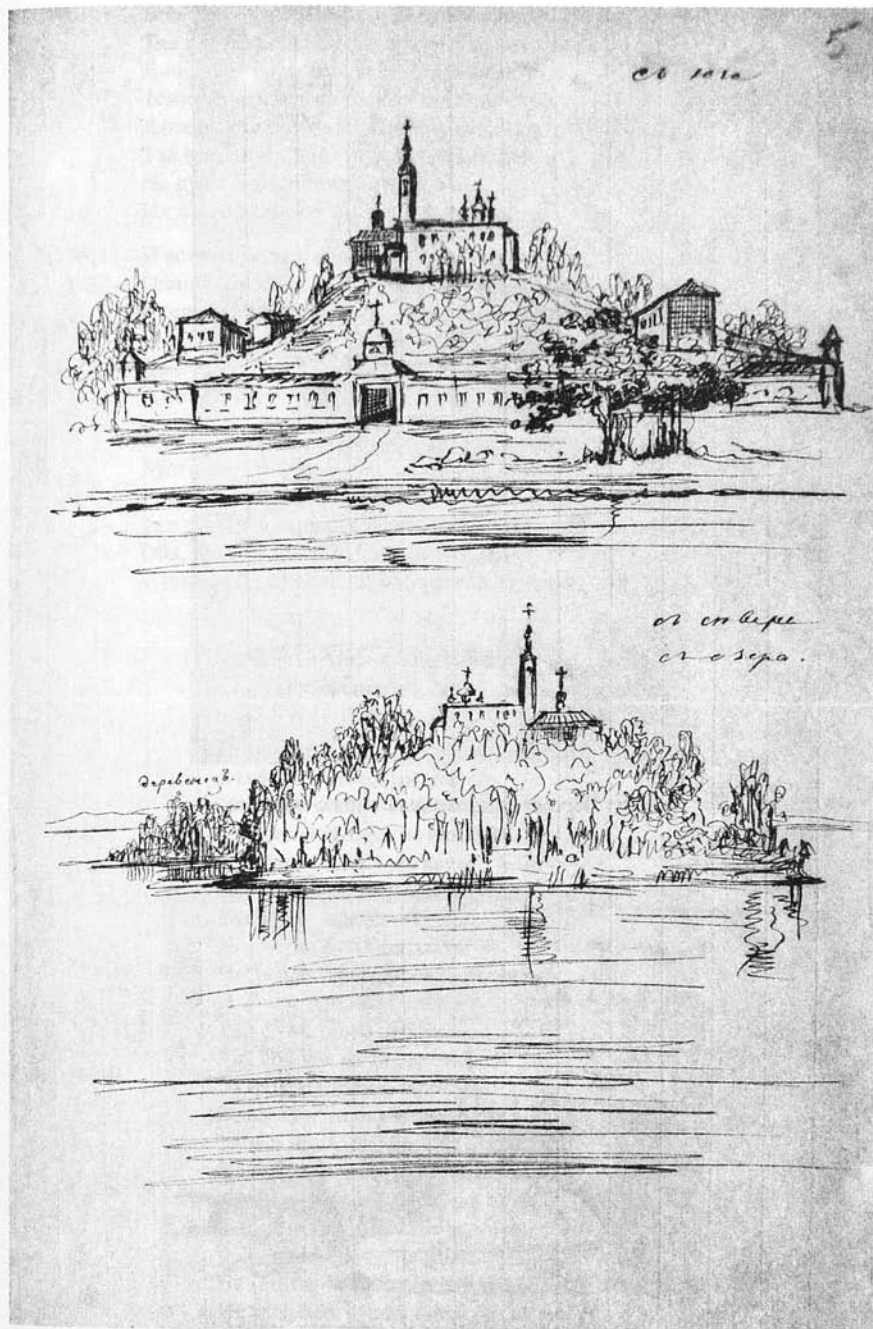
14. Монахиня Мария. «Элегия»

(При получении нескольких видов Черемнецкого монастыря, —
снятых самим Старцем, — и при них двух его идилий)

Озеро священное, холмик живописный,
Место, — где спасается Старец — друг мой присный,
Здесь воображению не мечтой является!
Давнее желание вдруг осуществляется,
Чермнец увидела я — со всех сторон:
Вот приют молитвенный, — маленький Сион!

* Новгородский Юрьевский скит на месте низвержения Перуна. Зодчество прежнего храма до пристройки и размеры те же. — *Примеч. иг. Антония.*

** Здесь приложено описание в стихах сражения Тивериадского, после которого крестоносцы потеряли Палестину. Но это остается в портфеле. — *Примеч. иг. Антония.*
Автограф стихотворения «Тиверида» хранится в РО ИРЛИ, № 3577, л. 92—93.

Вид Черменецкого монастыря с юга и с севера

Вид Черемнецкого монастыря с востока

Вид Черемнецкого монастыря с запада

Весь он колоколенкой — в небеса уходит,
Так и Старец мысль свою всю туда возводит!
Липы многолетние и дубы старинные,
Темно-синей зелени бросив тени длинные,
В озере, как в зеркале, ясно отражаются,
Так времен события все отображаются
На душе очищенной инок-певца;
Их в стихи слагает он, в похвалу Творца!

И встают видения древности священной,
Олицетворенные думой вдохновенной,
Разливаясь музыкой, в звуки переливные,
И несутся, по ветру, эти звуки дивные,
Далеко, за озеро, — до другой земли,
А оттуда вторит им голос издали...

Однозвучно слышится голос песни дальней,
Будто вырывается вопль души печальной:
Горлица пустынная ввек не наворкуется,
Так душа-изгнанница здесь не натоскуется!
Оба, безотрадные, с Старцем мы зовем:
«Помяни нас, Господи! в Царствии Твоем!»

**15. Монахиня Мария. «Отзыв на стихотворение:
„Молитва Спасителя в саду Гефсиманском“»**

Певец Гефсиманской молитвы!
В себе дар небесный сознай,
И голосу «тайной ловитвы»,
Как дерзкой хуле, не внимай!
Духовно отверстого слуха
Не должно хулой ограждать:
Различны явления Духа,
Но так же Его благодать,
Что в древних пророках струилась
И в новозаветных текла,
Та в думе твоей отразилась,
Как солнце, на глади стекла!
Широкое царство Христово
Великих и малых вместит!
Твое и Давидово слово
О том же Христе говорит!
Как ты — созерцать Его в битве
С самим миродержцем за мир,
В кровавом поту, на молитве, —
Не мог бы Мильтон и Шекспир!
Их мудрость — как пища без вкуса,
Их гений — свет ложных богов:
Но — Богом наречь Иисуса,
Без Духа Святого — нет слов...